

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 2 /2004

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

И.В. Зубанова

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

А.П. Чужакин

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

ул. Покровка, д. 38а

Тел./факс: 917-41-53

e-mail: rvalent@online.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-136-4

Номер подписан в печать 05.05.04

Цена свободная

Тираж 800 экз.

Заказ № _____

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только
с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2004

В номере:

От редакции 2

Восемь вопросов профессионалу 3

Языки в меняющемся мире

П.Р. Палажченко. Языки в меняющемся мире 8

Анализ практики

Б.Н. Климзо. Словарный перевод 17

Lynn Visson. Speaking of Education 21

М. Берди. Пытки переводчика (Начало см. «Мосты» № 1) 26

Давайте говорить правильно

В. Смоленский. Суши или суси? *Отпovedь шепелявщим* 31

Заказчик — переводчик

Я.И. Рецкер. Плагиат или самостоятельный перевод.
(Об одной судебной экспертизе) 39

В.К. Ланчиков. Месть переводчика 53

Рабочее место переводчика

В.Н. Грабовский. Технология Translation Memory 57

Переводя культуру

Т.В. Ларина. Выражение побуждения как переводческая
проблема. *Особенности английского и русского*
коммуникативного поведения 63

Азбука бизнеса

Н.Г. Шахова. Как зарабатывать на жизнь переводами 70

Практические занятия

А.П. Чужакин. С чего начинается скоропись 73

XX век – глазами переводчиков

Д.И. Ермолович. В гостях у лучшего друга
переводчиков всех времен и народов 76

Политико-переводческий алфавит 87

Издательство «Р.Валент» предлагает

Т.П. Ключкина, М.Ю. Ключкина-Витюк,
В.К. Ланчиков. О «Политике и крылатике» (*Мысли,*
не уместившиеся в предисловии) 94

От редакции

Итак, перед вами второй номер журнала. Он завершает год учебный. Прочувшись четверть жизни, мы подчас отсчитываем время, согласуя его с учебными вехами. Впрочем, человеку свойственно подводить итоги. Пусть даже небольшие.

Итог 1. Мы утвердились в своем предположении, что не зря затеяли не легкое это дело, что нужен переводчикам свой рабочий журнал, что и молодым, и мэтрам совсем не безразлично то, что делается с переводом и переводчиками в стране.

Итог 2. Мы убедились в том, что у издательства есть реальные помощники — умные, неравнодушные, настроенные решительно и бескомпромиссно.

Итог 3. Мы поняли, что есть темы, на которые стоит обращать внимание, которые необходимо освещать в журнале. Темы эти порой спорные, но, как известно, в споре рождается истина... И один материал номера может по сути противоречить другому.

Переводческие проблемы нашего времени по сложности своей сопоставимы, пожалуй, с проблемами тех, кто возводил Вавилонскую башню. Проблемы межкультурной коммуникации, трудности перевода, отношение к профессии, нужные или бесполезные технологии, Интернет и электронные словари, азбука бизнеса, работа с заказчиком и юридические вопросы, наконец труднейший вопрос обучения переводческому делу, создания учебных пособий, — все это темы, о которых необходимо говорить.

Мы вновь приглашаем к сотрудничеству всех, кому небезразличны дела переводческие. Наш журнал не создан для того чтобы стать Третьим судом, однако вовремя подставить друг другу крепкое плечо, пусть даже поспорив изрядно, — хорошее дело.

We try to bridge the communication gap!

Отвечает Борис Николаевич Климзо

– Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

– Да, считаю. Мне пришлось выбирать профессию в тяжелые (и голодные) послевоенные годы. И хотя я очень любил литературу, историю и языки, мой выбор пал на более «серьезную» инженерную деятельность. Однако позднее, будучи в командировках, связанных с монтажом и эксплуатацией энергетического оборудования, я не прекращал заниматься языками. В основном это был набиравший силу английский, хотя в разное время и в разной степени я обращался к немецкому, французскому, польскому и даже татарскому. С возрастом живую инженерную деятельность пришлось поменять на спокойное техническое проектирование, которое оказалось слишком спокойным. В то же время я продолжал работать с языком – реферировал, переводил, писал обзоры. Такая работа показалась мне более востребованной и эффективной, поэтому я целиком переключился на язык, занявшись научным редактированием, а свободное время и досуг посвятил исследованию проблем перевода НТЛ. Однако я благодарен судьбе за то, что мне довелось получить инженерное образование и инженерный опыт, без которых мой подход к переводу был бы невозможен. Многие мои коллеги прошли очень похожий путь.

– Что вам дала профессия переводчика?

– Многое. Во-первых, большую часть своей жизни я ходил на работу как на праздник (к тому же делал это от силы три раза в неделю, хотя и работал семь дней в неделю). Во-вторых, занимаясь переводами и редактированием, я ежедневно испытывал азарт, напоминающий азарт охотника или рыбака. Я охотился за непривычными для русского технического языка английскими синтаксическими конструкциями, выуживал из английских текстов удивительные обороты речи, отсутствующие в словарях неологизмы и термины. В-третьих, я анализировал трудности, испытываемые техническими непрофессиональными переводчиками, в роли которых выступали ученые и инженеры (нередко обладавшие кандидатскими и докторскими степенями), а также обобщал совершаемые ими типичные ошибки самого разного характера – языкового, переводческого, логического и даже психологического. Вся эта деятельность давала обильный материал, которым я делился с переводчиками на семинарах, конференциях, институтских курсах, а также в различных публикациях. А сколько у меня было интересных встреч с переводчиками, живущими в самых разных городах и республиках страны! С некоторыми из них я дружу и переписываюсь до сих пор.

– Кто был ваш первый учитель?

– Поскольку в языковом отношении я самоучка, у меня не было учителя. Но это не значит, что мне не у кого было учиться. С теоретическими основами перевода я знакомился, читая с карандашом в руках замечательные книги А.В. Федорова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера, Л.С. Бархударова. С некоторыми из этих ученых я потом общался лично, а с очень известным в 70-е годы специалистом по техническому переводу А.Л. Пумпянским даже сотрудничал. Но главным и неиссякаемым источником переводческих знаний для меня служила и служит научно-техническая литература на английском языке.

– Книги, которые у вас всегда под рукой...

– Если говорить о книгах, имеющих отношение к профессии технического переводчика-механика, то это, во-первых, институтские курсы по основным инженерным дисциплинам, т.е. книги по сопромату, технологии металлов, теплотехнике, электротехнике, гидравлике, аэродинамике, деталям машин. Во-вторых, монографии и справочники на русском и английском языках как общего характера (например, McGraw-Hill Dictionary of Scientific and Technical Terms или Marks' Standard Handbook for Mechanical Engineers), так и по отдельным отраслям промышленности (например, по нефтедобывающей). В-третьих, книги по переводоведению (как правило, классические и относящиеся не только к технике).

– Словари, которые у вас всегда под рукой...

– Я принадлежу к старшему поколению переводчиков, поэтому отдаю предпочтение традиционным бумажным словарям. О причинах повторяться не буду. Электронных словарей у меня тоже достаточно много, но к некоторым узкоспециальным я обращаюсь лишь при крайней необходимости, а большинство других просто храню на всякий случай. Немало у меня и собственных словарей в электронной форме. Как любил говорить замечательный переводчик Ю.А. Ярошевский, если какой-либо словарь выстрелит хотя бы раз в год, он достоин того, чтобы иметь его под рукой. Полное количество имеющихся у меня словарей я затрудняюсь назвать. Скажу лишь, что некоторые словари для меня – хорошие знакомые, я помню, как они выглядят и какого цвета у них обложка. А на некоторые словари натыкаюсь случайно и знакомлюсь с ними заново.

– Самый трудный случай в вашей практике...

– Это был даже не случай, а целый период. В середине 1990-х я оказался в Сиэтле в составе группы, занимавшейся переводом лекций, которые американские инженеры читали российским специалистам по техническому обслуживанию пассажирских лайнеров «Боинг». Я понимал, что устный переводчик из меня никудышный, но любопытство и желание проверить себя пересилило. Кроме того, в активе у меня было полученное в студенческие годы авиационное «военное образование». Основная же трудность заключалась в моей почти полной неспособности понимать что-либо на слух, хотя запас разговорной лексики был у меня достаточно большим. Поэтому в ходе лекции я внимательно следил за указкой, гулявшей по чертежам, схемам и демонстрационным моделям. Догадываясь, о чем лектор

может говорить в каждом конкретном случае, я изо всех сил старался уловить ключевые слова. К моему удивлению, мне это в общем удавалось, и почти после каждой лекции я устаивался краткого “Boris, you did it”, хотя до сих пор сомневаюсь в искренности говоривших это американцев.

– **Самый поучительный случай в вашей практике...**

– Переводчика непрерывно поучают коллеги в процессе обмена опытом; материал, с которым он имеет дело; заказчик, общение с которым требует выдержки и хотя бы минимального чувства юмора; наконец, редактор, влияние которого на профессионализм переводчика переоценить невозможно... Выделить в перегруженной памяти объективно самый поучительный для меня и представляющий общий интерес случай мне трудно.

– **Ваше пожелание молодым...**

- Выбирайте профессию письменного технического переводчика, только если у вас есть к ней призвание, если вы не цепенеете перед техникой, бережно относитесь к родному языку, а иностранный язык вызывает у вас любопытство и непреодолимое желание совершенствоваться в нем.

- Начинать с прочтения книг по общей теории перевода.

- Помните, нельзя объять необъятное, а поэтому специализируйтесь лишь в нескольких областях науки или техники. Если вы не получили институтских технических знаний, прочтите учебники для техникумов (а если такое чтение покажется не очень трудным, познакомьтесь с отдельными институтскими курсами). Постоянно читайте журнальные статьи в выбранной области как на русском, так и на иностранном языке.

- Будьте требовательными к себе, приучайтесь работать с максимальной отдачей, не гонитесь за сиюминутной выгодой.

- Старайтесь обмениваться опытом с коллегами, знакомыми, старшими по цеху. Не бегите критики – наоборот, ищите ее.

- Не преувеличивайте роль компьютерных инструментов переводчика – в большей степени полагайтесь на собственную голову, логику и контекст.

- Будьте счастливы!

Отвечает Мишель Берди:

– **Три книги, к которым вы чаще всего обращаетесь...**

– It’s probably not three, but three hundred. For my column, I constantly use the old fashioned Roget’s Thesaurus, four or five collections of quotes and aphorisms, both Russian and English, and several slang dictionaries. When I get “stale,” I reread Nabokov’s Speak, Memory (at least once a year), or when I get tired of prose, I read poetry. When I get tired of everything, I read murder mysteries.

– **Пять словарей, которые у вас всегда под рукой...**

Webster’s Third International Dictionary
Словарь сочетаемости русского языка
Oxford Russian-English Dictionary
Словарь русского языка в четырёх томах
Российский энциклопедический словарь

– **Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком? Почему вы стали переводчиком?**

– Yes, it seems inevitable that I became a translator – first because it lets me do what I like to do just about best in life: read, write, and think about reading and writing. And second, for the pleasure of helping people communicate and understand each other.

– **Что вам дала/отняла у вас профессия переводчика?**

– It has given me an opportunity to become immersed in some extraordinary worlds of the imagination, forced me to expand my ability to understand and appreciate a text. It has given me an opportunity to meet, through interpretation, some of the most accomplished, talented, and brilliant people on the planet. It has introduced me to places, lives, professions, disciplines, and stories that I never would have known about otherwise. It opened up a new profession – television production (I started as an interpreter with film crews) and informed my work in health communication.

The only thing it has taken away is some peace of mind, from time to time, when I struggled with a difficult translation, or ran myself ragged during the perestroika heyday of six-week, back-to-back, interpreting tours. But this is a small price to pay.

– **Ваши пожелания молодым коллегам...**

– If they are Russian colleagues – first I wish them the grace to be grateful for their training. I envy them. When I started, there were hardly any academic translation/interpretation programs in the US. I spent many years reinventing the wheel. One thing I wish I'd known at the start – and wish my younger colleagues would know – is that it never gets easy. There is always more to learn, more to refine, another draft to be edited. On the other hand, it never gets boring, and it always gets more fun.

– **Кто был ваш учитель?**

– I took a year out of my college education to audit courses (that is, attend class but not receive academic credit) with a professor from Croatia. He had had the last of the magnificent pre-war European educations, was fluent in several languages (he grew up speaking three or four), and was astonishingly well-versed in all the arts. Another student and I took a tutorial with him on the poetics of translation. He had us read Sartre's *Psychology of the Imagination*, Jakobson, de Saussure, I.A. Richards, Gaston Bachelard's *Reverie on Reveries* – a wide and wild assortment of texts that seemed to have nothing whatever to do with our dreadful attempts at translating a few poems. (My pathetic attempt at rendering Pushkin's "Я вас любил..." in English still makes me shudder.) Much later I understood that he wanted us to understand how the poetic mind worked, how art affected the reader, how a work of art existed in and not in the "real" world.

This was a completely unorthodox way to introduce literary translation to two students who were barely competent in the languages they were trying to translate. But he taught us how to read a text, how to analyze it, how to know it inside out before we even thought about translating it. If it gave me little in the way of practical skills, from the start it taught me that the art of literary translation is not in the mechanical replacement of words, but in catching something between and around the words.

I was taught the art of sub-titling from a chain-smoking, impatient, and rather ill-tempered Frenchman in a tiny New York studio that was packed with rusty old screening machines out of some medieval cinematic torture chamber, film canisters, old magazines, and overflowing ashtrays. The room stank of Gauloise and machine oil. I was terrified of him. But he taught me not only how to write and time sub-titles, but

how to place them on the film “organically” so that the viewer has the sense that he understands the spoken text.

– **Самый трудный случай в вашей практике...**

– I started working in television as an interpreter, and after several jobs took on the role of field producer in addition to doing simultaneous interpretation of interviews during the shoots. During the interviews, I would sit apart from the filming in another room, or in a corridor, hooked up by a mike and earphones, and covered with a blanket to block out the distractions of the behind-the-scenes activities. The interviews lasted nearly three hours, and when they were over, I'd throw off the blanket, unhook the mike, and start handling all the logistics for the rest of the day's shoot. Sometimes I'd even write notes while interpreting (“Позвони в ресторан и скажи, что мы опаздываем!”) and pass them out from under my blanket to the assistants. I would do up to three interviews a day, while handling all the organizational work of the filming.

And these were not simple interviews! The questions were along the lines of “Has democracy failed in Russia, and if so, why?” and the people answering were Boris Yeltsin, Gennady Burbulis, Elena Bonner, Georgy Shakhnazarov, Egor Yakovlev... I would emerge from under my “interpreting blanket” drenched with sweat and cross-eyed with fatigue.

One film crew liked to shoot at “the magic hour” (снимать в режиме) – that half hour before sunset when the sky is a luminous electric blue. Unfortunately, in Russia at high summer, that was nearly midnight. So after a day of interpreting and logistics that began at 7:00 AM, I'd go home, eat a sandwich, make thirty phone calls to set up the next days' shoots, and then go off to help the crew with their filming – which usually meant distracting, cajoling, and sweet-talking the militia officers who thought there was something decidedly suspicious about an American television crew filming the Kremlin walls at midnight. This would go on for six or seven days a week, two or three weeks straight. By the end I couldn't sleep at night: my poor synapses would short-circuit and bits of the day's interviews would pop into my mind as aural hallucinations.

– **Самый поучительный случай в практике...**

– Well, I suppose the above experience taught me a great deal about stamina, and the value of decent working conditions. Профессия переводчика всегда (или, по крайней мере на протяжении жизни нескольких последних поколений) занимала в общественном сознании как бы двойственную позицию.

Языки в меняющемся мире

П.Р. Палажченко

Карьера нынешних студентов и тех, кто сегодня начинает профессиональную переводческую деятельность, охватит по времени всю первую половину XXI века. А перед глазами ветеранов перевода прошла вторая половина XX века. Что изменилось на языковой карте мира и как она будет меняться дальше? В рассуждениях на эту тему велик соблазн экстраполяции существующих тенденций, но интуиция подсказывает возможность «прерыва постепенности».

Вторая половина XX века стала временем «триумфального шествия» английского языка в глобальном масштабе. Хотя сегодня английский язык считают родным лишь около 400 миллионов человек, гораздо больше людей — более одного миллиарда, а по некоторым оценкам, полтора миллиарда человек — пользуются английским языком в качестве второго или третьего языка в работе и жизни. Здесь следует между прочим отметить, что большинство пользующихся английским языком владеют им далеко не «в совершенстве» (при том, что эта часто встречающаяся формулировка вообще условна). Типичными являются скорее ограниченные познания и затрудненная, а часто примитивная речь. Это, однако, никак не влияет на масштаб тенденции глобализации английского языка, которая не показывает никаких признаков исчерпания или даже ослабления.

Согласно концепции голландского исследователя А. Де Шваана, английский язык «занимает в мировом созвездии языков гиперцентральное место», причем такое его положение поддерживается «механизмами саморазвития и саморасширения». В пользу английского языка работает тот факт, что большинство людей стремится осваивать языки, обладающие наибольшей «коммуникационной ценностью», и поэтому призывы лингвистов и политиков к многоязычию повисают в воздухе, учитывая все более прагматически-рыночный характер отношений между людьми, придающий коммуникационной ценности языков денежное и «карьерное» выражение.

Приведем лишь несколько примеров проявления отмеченной выше тенденции. Английский язык стал безраздельно господствующим в сфере науки, особенно в точных и естественных науках. Организаторы международных научных конгрессов фактически отказались от услуг синхронных переводчиков. Интересная деталь: рабочим языком ежегодной московской школы физиков, проводимой Физическим институтом Академии Наук, является английский, хотя для большинства ее участников он не является родным языком. Аналогичный процесс происходит в международном бизнесе: английский становится не только языком общения бизнесменов из разных стран, но и внутренним

языком подавляющего большинства транснациональных корпораций, в том числе многих из тех, первоначальное происхождение которых — не англо-американское. Об этом говорил, в частности, в одном из своих интервью председатель совета директоров германской транснациональной корпорации «Сименс». Английский в обязательном порядке используется в управлении воздушным движением, практически безальтернативно — в сфере путешествий и туризма, он доминирует в Интернете, дает подавляющую часть терминологии и сокращений, используемых в банковском бизнесе, в технике, в частности компьютерной, в сфере связи. (Контраргумент, что, «согласно статистическим прогнозам», к середине века английский язык «не имеет надежды стать ведущим, первым языком мира», а на это место выйдет китайский, прозвучавший, как ни странно, в недавнем интервью академика Вячеслава Иванова, не выдерживает критики: ведь существенным является не абсолютное количество говорящих на языке — здесь китайский лидирует уже сейчас — а его использование в международном общении.)

Несколько сложнее положение в сфере политики и дипломатии. С одной стороны, рабочим языком, на котором ведется внутренняя деятельность практически всех международных организаций (включая такие, как Совет Европы и Европейский Союз, в составе которых нет США), является английский. Все труднее представить себе дипломата, не владеющего английским языком. Расширение НАТО и распространение ее программ на десятки стран мира быстро превращают английский в единственный язык международного военного сотрудничества. Но противовесом этому является то, что неанглоязычные государства решительно настаивают на сохранении официального статуса своих языков в международных организациях и происходит даже увеличение числа таких языков: в 1980-х гг. официальным языком ООН дополни-

тельно стал арабский, а в 1990-х в Совете Европы этот статус приобрел русский. Заседания органов Европейского Союза обеспечиваются синхронным переводом на все языки государств-членов, что в условиях их увеличения до двадцати пяти создает не только дополнительную финансовую нагрузку (а расходы на перевод уже являются самой большой статьей в финансировании органов ЕС), но и массу проблем технического характера, но ЕС не отказывается от этого принципа.

Сторонники этого подхода подчеркивают его демократичность: дискуссии и особенно решения европейских органов должны быть доступны всем жителям стран Европы и надо в перспективе стремиться к максимальной информационной открытости любого мероприятия ЕС. Характерно высказывание представителя ЕС Эриха Мамера, приведенное журналом «Ньюсуик»: «Сам по себе ЕС — это проект, в основе которого уважение к культурам различных стран. Просто невозможно заставить польского фермера говорить с ЕС на английском языке». Критики же возражают, что за всем этим, как и за активными усилиями Франции по поддержанию «статусности» французского языка, стоит не столько практическая необходимость, сколько политическая мотивация, что, скорее всего, не может существенно повлиять на относительную распространенность языков в мире. Не без сарказма сообщается, что поиски устных переводчиков мальтийского языка пока не дали положительного результата.

Однако отмеченная «тенденция сопротивления» — пример того, что нынешнее, сложившееся в основном по объективным причинам, «языковое неравенство» не может не вызывать отторжения. Причины здесь могут быть не только чисто политические. Например, то, что относительно легко происходит в Европе, где в таких странах, как Голландия и Швеция, в политическом классе и бизнесе владение английским стало

практически всеобщим, или то, что выглядит достаточно органично в Индии или в Пакистане, невозможно представить себе в Китае и, как выяснилось в послевоенные десятилетия, в Японии (японцы легко заимствуют английские слова, но средний японский инженер или бизнесмен, в отличие от европейского, по-английски не говорит, в лучшем случае «читает со словарем»).

Чем крупнее страна, чем мощнее ее «культурный слой», тем менее вероятно освоение английского языка как массовое явление. На улицах Осло или Копенгагена первый встречный почти наверняка ответит вам на вопрос, заданный по-английски. В Париже или Мюнхене это гораздо менее вероятно. И если во Франции это может быть объяснено известным «культурно-лингвистическим национализмом» французов, то в Германии причина, видимо, в ином. В Бельгии, где, казалось бы, коммуникативная ценность английского должна быть примерно одинаковой независимо от региона, английский хорошо понимают во Фландрии (примыкающей во всех отношениях к Голландии), но не в франкоязычной Валлонии.

Возможны и случаи, когда английский язык в период происходящих в стране политических потрясений становится для тех, кто им владеет, своего рода «черной меткой» — так произошло в Иране, и эта модель может быть повторена в других странах, когда политические, экономические и культурные элиты в своей прозападной ориентации переходят некоторую черту — причем в каждом случае заранее невозможно сказать, где эта черта.

Парадоксальный факт: в последнее время опасения за судьбу и статус английского языка выражаются в его «цитадели» — в Соединенных Штатах Америки, например в книге гарвардского профессора, автора концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона «Кто мы?». Конечно, эта проблема для Хантингтона имеет подчиненное значе-

ние, главный предмет его тревог — массированное проникновение в США законной и незаконной мексиканской иммиграции, в котором он видит угрозу для американской культуры. По Хантингтону, две культуры — американская, основанная на принципах верховенства закона, прав человека и протестантской трудовой этики, и латиноамериканская (в ее мексиканском проявлении) статичны и непримиримы. И здесь — прямая связь с языком. Хантингтон пишет: «Не существует «американо-мечты». Есть только американская мечта, созданная англо-протестантским обществом. Мексикано-американцы смогут разделить плоды этой мечты и этого общества только в том случае, если будут мечтать по-английски».

Не вдаваясь в спор по поводу основных культурологических посылок автора, скажу лишь, что его описание языковой ситуации в США отличается буквально панической драматизацией и не обосновано систематическими статистическими и социологическими данными. А те данные, которые он приводит, свидетельствуют, что ни компактное проживание, ни двуязычное образование (против которого он резко выступает) не изменяют существенным образом стандартной тенденции: во втором, максимум в третьем поколении подавляющее большинство иммигрантов овладевает английским. Что же касается владения языком страны происхождения, то испаноязычные американцы пока действительно сохраняют его в большей мере, чем, скажем, выходцы из Германии или Норвегии, но у тех массовая иммиграция была гораздо раньше. Неизвестно, что будет еще через два-три поколения. Да и вообще, Хантингтон внятно не объясняет, в чем вред испаноязычия наряду с владением основным языком страны, английским.

В мире же возникает следующая картина: все более являясь глобальным языком международного общения, английский язык вряд ли может претендовать

на роль единственного и полноценного языка международного взаимодействия. Общение преимущественно на одном языке, являющемся для одной из сторон неродным, связано с немалым количеством трудностей и потенциальных ловушек — для обеих сторон. Тот факт, что изучение иностранных языков и культур во второй половине XX века утратило для большинства населения англоязычных стран, в частности для американцев, «инвестиционную привлекательность», с сожалением отмечался в дискуссиях, последовавших за событиями 11 сентября 2001 года. Выяснилось, что в США катастрофически не хватает специалистов по большинству восточных языков, а арабистами являются в основном американцы арабского происхождения — ситуация далеко не оптимальная, учитывая неизбежно возникающую проблему лояльности. Общение преимущественно на английском языке порождает и другую проблему: сужается круг общения, он ограничивается лишь определенными слоями и группами населения, вольно или невольно приводит к навязыванию терминологии и фразеологии и таким образом — проблематики, характерной для англоязычного дискурса (можно предположить, что Запад в какой-то мере попал в эту ловушку в 1990-е годы в своем взаимодействии с российской элитой, что стало одной из причин неожиданности для большинства западных аналитиков политического поворота, происходящего в России сейчас. Впрочем, его и у нас мало кто предсказывал, во всяком случае в его нынешних формах).

Таким образом, если судить о временных и пространственных пределах глобализации английского языка пока трудно, то ее качественные рамки и ограничители очевидны уже сейчас. Полноценное общение невозможно при резком перекосе в сторону одного языка. Здесь опять-таки представляет интерес тенденция, наблюдающаяся в последние годы в России: если пятнадцать-двадцать лет назад многие

дипломаты и бизнесмены могли позволить себе годами жить в Москве, не говоря почти ни слова по-русски, то сейчас это становится скорее редкостью. В условиях расширения и интенсификации международного общения будет расти как стремление к изучению языков, так и спрос на услуги профессионалов межъязыковой коммуникации — прежде всего переводчиков, задачи которых будут постепенно дополняться функциями «межкультурного консультирования».

Неизбежным мне представляется и следующее: объективно более сильная — англоязычная (конкретно в нынешних условиях американская) — сторона диалога должна будет учитывать невозможность прямого навязывания другой стороне политических, идеологических и иных концептов, укорененных в английском языке и американской культуре. В этом отношении большой интерес представляет развивающаяся на наших глазах ситуация в Ираке. Разрабатывая концепцию передачи полномочий иракскому органу власти, оккупационная коалиция первоначально выдвинула идею выборов такого органа через механизм так называемых «региональных собраний», обозначаемых английским (а по существу чисто американским) словом *caucus*. Отражающее несвойственные арабскому миру реалии, это слово, переводимое на другие языки при помощи таких словосочетаний, как «представительная ассамблея» или «собрание общественности», не имеет эквивалента в арабском языке (как, впрочем, и в русском и, надо полагать, в большинстве других языков), что с самого начала вызывало отторжение у большинства иракцев, в том числе готовых сотрудничать с коалицией. Потребовалось три месяца, чтобы несостоятельность первоначального плана была признана его авторами. Показательно, что в качестве своего рода арбитра различных вариантов передачи власти иракцам был призван генеральный секретарь ООН — организации, которая подверга-

лась в США жесточайшей критике, но которая имеет значительно больший опыт и экспертный потенциал в области межкультурной коммуникации, чем любое ведомство отдельной страны. Как человек, имеющий опыт работы в ООН и не склонный идеализировать эту организацию, могу сказать: если бы ООН привлекли к составлению первоначального плана, то слово *saucus* просто не появилось бы.

Еще одним фактором, ограничивающим безраздельную глобализацию английского языка, является наличие устойчивых региональных сообществ с преобладанием одного (не английского) языка. На сегодняшний день такими языками безусловно являются французский (в значительной части Африки), испанский (в Латинской Америке), арабский (на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, а также, как язык Корана, во всем мусульманском мире) и русский (на постсоветском пространстве). Характерно, что в отношении всех этих языков на политическом уровне предпринимаются усилия по сохранению ими статуса языка международного общения.

После распада СССР объективным наблюдателям (в отличие от значительной части российской элиты, полагавшей, что развал страны совместим с сохранением за ней статуса и реальных возможностей сверхдержавы) было очевидно, что Россия будет играть значительно более скромную роль в мире, чем Советский Союз. На протяжении последнего десятилетия этот прогноз подтвердился, а в последние годы появились признаки того, что неизбежность этого осознает и большая часть российской элиты. Иной оказалась судьба прогноза о быстром уменьшении роли и распространности русского языка. Авторы данного прогноза основывали его на нескольких аргументах и предположениях. Считалось, в частности, что отторжение русского языка будет идти не только в результате активных усилий элит, видев-

ших в его вытеснении важнейший элемент реальной суверенизации и гарантии против влияния России и русскоязычного населения, но и по другим, более «органичным» причинам. В частности, предполагалось, что «титальное» население будет активно отторгать русский язык, а элиты бизнеса, науки и техники и политики начнут быстро осваивать английский по причинам как «престижного», так и практического характера. На вопрос: «На каком языке через десять лет будут разговаривать, встретившись где-нибудь, молдавский и узбекский (или украинский и грузинский) инженеры?» многие серьезные исследователи отвечали «На английском» (а не на русском). В вышедшей в 2001 году книге А. Де Шваана «Слова мира» утверждается, что русский язык «утрачивает многие свои суперцентральные [т.е. связующие] функции в бывшей советской империи», во многом уступая их английскому, причем автор не проводит принципиального различия между странами Центральной Европы и республиками бывшего СССР (славянскими и неславянскими), хотя к этому времени было уже очевидно, что процессы в этих регионах развиваются по-разному.

Сегодня можно констатировать, что катастрофического отката русского языка на постсоветском пространстве не произошло. Более того, наблюдения в ряде республик показывают, что такой «откат» произошел исключительно в официально-государственной сфере и в образовании, причем последнее никак не повлияло на распространенность русского языка в повседневном общении, например, в Украине. В некоторых местах чрезмерное рвение властей в вытеснении русского языка привело к обратной реакции. К тому же, как оказалось, для значительной части населения не оказался сильнодействующим фактор отторжения русского языка как имперского. Характерен здесь пример стран Балтии. Если в 1930-е гг., через десять-пятнадцать лет после обре-

тения ими независимости, русский язык там почти исчез из употребления, то в 1990-е годы этого не произошло, причем не только потому, что на территории этих стран значительно больше, чем тогда, русскоязычных жителей, но, по-видимому, и потому, что, независимо от официальной политики властей, предубежденность к языку как таковому не имеет среди граждан массового характера.

Другие причины сохранения влияния и распространенности русского языка на большей части территории бывшего Союза еще предстоит оценить, но, как представляется, минимальную роль в этом играют усилия, предпринимаемые российскими властями, «программы помощи соотечественникам» и т.п. Если пытаться выделить различные действующие здесь факторы, то можно отметить, например, сохраняющиеся экономические и производственные связи (а в последнее время экспансию российского бизнеса на соседние страны), мощный финансово-организационный потенциал российской массовой культуры (эстрада, телесериалы, дубляж иностранной кино- и телепродукции), возможности современных средств связи и чрезвычайная активность русскоязычного Интернета.

Вообще надо сказать, что более существенную роль в удержании и восстановлении (как это происходит в последние пять-шесть лет на западе Украины) позиций русского языка играет не «высокая культура», а «низкие жанры»: в литературе это детективы и иное развлекательное чтение, в музыке — обрусевшие «поп», «рок», и «шансон». Объем и разнообразие продукции этого рода, поступающей из России, огромен, да и для местных авторов и исполнителей велик соблазн писать и петь по-русски — русскоязычный рынок больше, чем даже украинский, и ближе и доступнее, чем англоязычный. Вполне вероятно, что играет свою роль и инерция накопленного в течение столетий и десятилетий, содержательное и духовное богатство представля-

емой русским языком культуры. Однако рискну высказать предположение, что последнее больше сказывается в «дальнем зарубежье», где существует огромная русская (точнее русско-еврейская) диаспора, которая, в отличие от послереволюционной диаспоры 1920-х гг., не настроена враждебно против нынешнего российского государства, а склонна симпатизировать ему и сохраняет с Россией многообразные связи.

Очевидно, что русский язык обладает большими, чем виделось некоторым наблюдателям, возможностями сохранения своего влияния и распространения. Однако в конечном счете роль русского языка будет зависеть от того, какой станет Россия в ближайшие десятилетия, справится ли она с задачей освоения демократических форм жизни. Если влияние той или иной культуры, того или иного языка определяется количеством и характером заимствований из этого языка в другие, то интересно проследить «кривую» заимствований из русского на протяжении XX века. Прежде всего следует признать, что количество их было сравнительно невелико и многие из них (например, «большевик», «колхоз», «советский», не говоря уже о заимствованном во все языки и имеющем крайне отрицательные коннотации слове «гулаг») воспринимаются сегодня только как реалии ушедшего периода истории. Очень невелико число слов, заимствованных с положительными ассоциациями и до сих пор их сохраняющих, как, например, «спутник», «перестройка», «гласность». Можно предположить, что успех перестройки в том виде, как она мыслилась ее инициаторами, мог бы привести к заимствованию концепции гласности — не только как движения к свободе слова, но и как требования реальной информационной открытости власти, чего сейчас не хватает и в странах развитой демократии. Но такое «концептуальное заимствование» возможно только у лидера, а срыв перестройки лишил Россию всякого

шанса на лидерство в обозримом будущем. Характерно, что в последние годы в европейские языки из русского проникло, пожалуй, только слово «силовики» — опять-таки не с самыми лучшими ассоциациями.

Соотнесенность лидерства и культурно-языкового влияния видна и на отрицательном примере арабо-мусульманской культуры. Обладая огромным культурно-историческим потенциалом, она оказалась в XX веке на обочине основных тенденций мирового развития, не вписавшись в поворот к демократии. Отсюда и отсутствие сколько-нибудь существенного влияния арабского языка на другие языки, чисто «этнографический» характер сравнительно немногочисленных заимствований из него в другие языки (появляющиеся в последние годы демократические или во всяком случае «модернистские» элементы в арабском политическом и информационном пространстве — как, например, телеканал «Аль-Джазира» — пока недостаточны, чтобы переломить эту тенденцию). Противоположный пример — заимствование в политический лексикон ряда языков, в том числе английского, французского слова *acquis* в словосочетании *acquis communautaire*. Этим словосочетанием обозначается поистине грандиозный комплекс законов, норм и правил, который выработан в Европейском Союзе за годы его существования и который сегодня во многом определяет жизнь Европы. И вполне закономерно, что, несмотря на преобладание в межъевропейском общении английского языка, в данном случае употребляется именно французское слово — не только благодаря его емкости и лаконичности, но и как следствие лидирующей роли, которую играла Франция в европейском строительстве с 1951 года.

Из сказанного можно сделать вывод, что невозможно ставить отдельно задачу «укрепления роли и влияния» русского языка — будь то на постсоветском прост-

ранстве или тем более в мире. В то же время отрицать возможный эффект хорошо продуманных программ или кампаний, наверное, все-таки не стоит. Это подводит нас ко второй проблеме, влияющей на «языковую карту мира». Речь идет о процессе исчезновения десятков языков, о последствиях и пределах этого процесса, о том, насколько желательно и возможно остановить или хотя бы замедлить этот процесс.

Оценки темпов гибели языков малочисленных народов и племен различны. Наиболее пессимистические из них сводятся к тому, что из примерно шести тысяч языков, существовавших в мире на рубеже XX—XXI веков, через одно поколение — то есть через 25–30 лет — их останется всего 600. Дальнейшая перспектива — в мире останется сначала две-три сотни, а потом несколько десятков языков. Характерна динамика исчезновения индейских языков в США. По оценкам специалистов, из 200 языков, еще недавно существовавших на североамериканском континенте, через пару десятилетий останется около двадцати. Независимо от точности этих оценок, очевидно, что никакие меры по сохранению языков слабо развитых малочисленных народов не могут быть по-настоящему эффективными, и поэтому максимум, на что может рассчитывать любая «языковая политика», это закрепление в лингвистической науке исчезающих языков и диалектов путем их подробного описания. Сама по себе задача сохранения различных языковых картин мира — очень дорогостоящая и требующая большого энтузиазма. К тому же такая «этнолингвистическая экология», имея большое научное и нравственное значение, никак не влияет на тенденцию, итогом которой, как это ни печально, станет через несколько десятилетий сохранение всего лишь нескольких десятков языков и закрепленных в них «культурных миров». Языковое разнообразие, в отличие от биологического, хотя бы частичное сохранение

которого возможно в случае выполнения соответствующих международных конвенций, останется только на бумаге. Вместе с языками умрут целые миры культур, разнообразие мироощущений, способов общения и выражения мыслей.

В то же время в рассуждениях на эту тему часто упускается один важный момент. В то время как процесс исчезновения «малых языков» быстрыми темпами идет на американском континенте, в Африке и Азии, он замедлен и даже практически приостановлен в Европе. И это не только результат государственных программ, в том числе в рамках международных организаций (так, Совет Европы финансировал проведение в 2002 году «Года европейских языков»), но, возможно, и результат начавшегося «органичного» противодействия языковому и культурному нивелированию. Так, практически все население Люксембурга (около 340 тыс. человек) говорит на люксембургском языке (диалект немецкого, отличающийся от него «до степени полного несмешения»), хотя в стране, живущей за счет так называемых финансовых услуг и «естественно многоязычной» (английским, французским, немецким владеют буквально все), в этом нет, на первый взгляд, никакой практической необходимости. Аналогичным образом мальтийцы, в большинстве своем владеющие английским и итальянским, в быту пользуются мальтийским языком — сложным синтезом североафриканского варианта арабского языка и сицилийского диалекта итальянского. В Эльзасе, неоднократно переходившем из рук в руки в ходе многочисленных войн между Францией и Германией, господствует французский язык при почти всеобщем понимании немецкого и сохранении местного диалекта, изучаемого во многих школах. В Барселоне, едва ли не самом культурном и космополитичном городе Испании, прекрасно чувствует себя каталонский, а в Швейцарии сохранился ретороманский язык. Весьма успешными оказались уси-

лия по восстановлению некоторых европейских языков почти из небытия.

При этом для населения многих европейских регионов характерна иерархия языков: английский используется в качестве глобального языка международного общения, французский или немецкий — в качестве «рабочего языка», используемого на службе, при чтении газет, а местный язык или диалект, резко отличающийся от общенационального, как например во многих районах Германии, служит средством повседневного, бытового общения. Такая тенденция может свидетельствовать о существовании определенной потребности в «языковом разнообразии», которая оказывается сильнее нивелирующих тенденций современной эпохи. Насколько сильна эта потребность и может ли она сохраняться без определенной степени государственной поддержки — вопрос открытый. Но обращает на себя внимание то, что на стыке глобализационных и противодействующих им тенденций оптимальные или разумные решения находят те страны, где, во-первых, прочно укоренились демократия и гражданское общество и, во-вторых, достигнут относительно высокий уровень и качество жизни малочисленных национальностей. Разумеется, последнее не является гарантией от конфликтов — иногда весьма острых — ситуаций, которые можно наблюдать, например, в Бельгии, но шансы на их урегулирование в Европе всегда высоки.

Экстраполяция существующих в мире на сегодняшний день языковых тенденций — дело, заведомо обреченное на неудачу. В истории всегда есть место для неожиданностей и для результатов целенаправленного действия (вспомним хотя бы о резком переломе ситуации в Квебеке начиная со второй половины 1960-х годов, положившего начало превращению Канады в реально двуязычную нацию). Это верно и в отношении языковой картины мира, и для перспектив международных отношений и «диалога

культур». Соотношение здесь скорее всего нелинейное. Так, хотя китайский язык, видимо, не может претендовать в обозримой перспективе на статус языка международного общения, сам факт его выдвижения на первую позицию по числу говорящих на нем людей, равно как и представляющаяся неизбежной перспектива выхода Китая на первое место по абсолютной величине валового внутреннего продукта, будет оказывать давление на партнеров Китая. При этом можно прогнозировать, пользуясь терминологией Де Шваана, «отделение гегемонии языка от гегемонии выражаемого им мировоззрения». В то время как преобладание английского в качестве глобального языка международного общения, вполне вероятно, сохранится в обозримом будущем, подъем Китая (и других центров силы) будет подрывать «американоцентризм», сложившийся к настоящему времени в таких областях, как международные связи, наука (в том числе экономическая теория), бизнес, а возможно и массовая культура. Правда, пока еще нельзя сказать, что этот «процесс пошел». Пойдет ли? Как говорится, поживем — увидим.

●

Почти серьезно...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Доклад на МКСИЛХХХСМЛХХХ Всероссийском съезде литераторов

Владимир БАБКОВ

Вопрос, легший в основу небольшого исследования, результатами которого докладчику хотелось бы поделиться, формулируется следующим образом: каким должен быть человек, которого мы могли бы назвать идеальным переводчиком? Какими качествами он должен обладать? Чтобы конкретизировать этот вопрос и обозначить рамки предстоящего анализа, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, нужно договориться, что следует понимать под определением идеального переводчика. Будем считать таковым специалиста, занимающегося исключительно художественным переводом, но при этом работающего в достаточно широком литературном диапазоне и обеспечивающего большой выход продукции при ее высоком качестве. Во-вторых, хотелось бы сразу предупредить, что речь пойдет только о прозаическом переводе; поэты-переводчики сами без труда смогут внести в психологический портрет, который у нас получится, необходимые коррективы. В-третьих, в качестве внешней обстановки, в которую будет помещена фигура идеального переводчика, мы возьмем обстановку, сложившуюся в нашей стране в настоящее время, то есть довольно неблагоприятную для занятий литературной деятельностью подобного рода. После этих вводных замечаний можно переходить к непосредственному рассмотрению проблемы.

Первое обязательное условие, позволяющее человеку стать идеальным переводчиком, — то, что можно назвать *sine qua non* профессии, — это его врожденная грамотность. Разумеется, это свойство нельзя назвать психологическим в собственном смысле слова, но не упомянуть о нем также нельзя, а поставить его в соответствие с какими-либо простыми психологическими составляющими, к сожалению, не удастся. Поэтому мы, так сказать, вынесем его за скобки и будем считать чем-то вроде рамы нашего психологического портрета.

Словарный перевод

Б.Н. Климзо

Стараясь охарактеризовать требуемое или ожидаемое качество перевода, многие переводчики и переводоведы употребляют самые разные эпитеты, не раскрывая обычно, что они конкретно имеют в виду. Вот далеко не полный перечень таких эпитетов: *адекватный, аутентичный, правильный, качественный, профессиональный, квалифицированный, успешный, добротный, полноценный* – ясно, что все это положительные оценки. А вот *неформальный, черновой, быстрый, филологический* («близкий к подстрочнику»), *буквальный, пословный* – это, конечно, оценки перевода, над которым еще следует поработать. И все же разобраться в тонкостях перечисленных оценок без авторских пояснений невозможно.

Возьмем часто упоминаемый адекватный перевод. А.Д. Швейцер, давая свое определение адекватного перевода, совершенно справедливо отметил, что «едва ли имеет смысл перечислять многочисленные определения этого понятия, которые встречаются в различных книгах и статьях по переводу¹». Однако дотошный практический переводчик всякий раз пытается понять, что же имеет в виду под адекватным переводом тот или иной автор, не приводящий определения адекватности. Если адекватный = «отве-

чающий требованиям», то переводчику хотелось бы знать, что это за требования. Если адекватный = «компетентный», то остается неясным, о какой компетенции переводчика конкретно идет речь? Если адекватный = «удовлетворительный», то следовало бы уточнить, какой перевод за этим скрывается – хороший или посредственный? Если адекватный = «приличный», то по сравнению с чем? Наконец, если адекватный = «соответствующий», то спрашивается, чему соответствует адекватный перевод? Требованиям заказчика? Профессионализму переводчика? Условиям, в которых работал переводчик? Или, может быть, физическому состоянию переводчика? Но тогда под адекватным переводом можно понимать и не совсем здоровый либо даже не совсем трезвый перевод...

Однако если говорить серьезно, то среди всех упомянутых оценок письменного технического перевода почти не встречается незаслуженно подзабытый «словарный перевод» (“dictionary translation”). Сразу же дадим его определение: *словарный перевод – это перевод, выполняемый только с опорой на словари, когда переводчик по тем или иным причинам лишен возможности использовать справочники, монографии, статьи, документы и консультации со специалистами.* В научно-технической литературе

¹ А.Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.

словарный перевод – явление довольно обычное. Поэтому, по-видимому, стоит подробнее познакомиться с его особенностями.

Как следует из приведенного выше определения, к словарному переводу прибегают переводчики, не являющиеся специалистами в области, к которой относится исходный текст. И действительно – у переводчика-специалиста нет необходимости обращаться к соответствующим словарям, поскольку он сам «ходячий словарь» в своей области. У читателя может появиться впечатление, что словарный перевод – не лучший вид перевода. Забегая вперед скажу, что это не так. Конечно, профессиональному переводчику-фрилансеру не рекомендуется браться за перевод по незнакомой тематике хотя бы потому, что такой перевод требует больших затрат времени и, следовательно, не может быть рентабельным. Однако иногда обстоятельства оказываются сильнее рекомендаций.

Чтобы лучше охарактеризовать особенности словарного перевода и критерии, определяющие его качество, познакомимся с фактическим материалом, а именно: с результатами одного эксперимента. Заказчик обратился к профессиональному переводчику с просьбой выполнить короткий 5-страничный перевод с английского языка некоего документа по сейсморазведке. Переводчик имел очень слабое представление об этой специфической области геофизики, да и о самой геофизике. Беглое ознакомление с документом показало, что он буквально «кишит» терминами, а сам язык местами становится телеграфным, т.е. языком, на котором нередко общается узкий специалист с коллегой, обходясь без логических переходов и различных reader's aids. Заказчик выдвинул два условия: 1) время, располагаемое на перевод – двое суток; 2) перевод должен восприниматься как документ, написанный специалистом. Попытка переводчика отказаться

от предлагаемой работы встретила категорическое несогласие заказчика, поскольку времени на поиски другого надежного, как он выразился, переводчика у него не было, а от качества перевода данного документа зависели судьба большого переводческого проекта и участие переводчика в этом проекте (встречается и такая аргументация).

Переводчику не оставалось ничего иного как срочно приниматься за работу. Чтобы как-то себя мобилизовать и вдохновить, он решил отнестись к поставленной задаче как к эксперименту, причем одним из подопытных «кроликов» должен был выступить он сам. Поскольку времени на поиски и чтение справочной литературы не оставалось, переводчик решил организовать работу следующим образом. Сначала выполнить словарный перевод; затем отыскать узких специалистов («сейсмиков»), причем лучше двух независимых друг от друга; отдать им словарный перевод на редактирование; и наконец, самому окончательно отредактировать документ, используя и сопоставляя правку двух специалистов. К счастью, переводчику удалось выполнить всю программу эксперимента в срок.

Опуская подробности, относящиеся к организационной стороне дела, рассмотрим результаты эксперимента. Оказалось, что между специалистами-геологами и специалистами-геофизиками существуют не совсем простые отношения, напоминающие отношения отцов и детей. Поэтому попытки на этапе редактирования выяснить по телефону у тех и других некоторые технические тонкости приводили не к прояснению, а наоборот к запутыванию картины. Оказалось также, что компетенция материковых геофизиков не во всем совпадает с компетенцией геофизиков, работающих на морских месторождениях, что тоже несколько затрудняло получение четкой картины. Наконец выяснилось, что в такой узкой отрасли геофизики, как сейсморазведка,

одни специализируются (а значит хорошо разбираются) в вопросах подготовки и проведения съемки, а другие занимаются исключительно интерпретацией результатов съемки. Со всеми этими особенностями, связанными с разной компетенцией специалистов, переводчику пришлось столкнуться, так как в переводимом им тексте имелось всего понемногу.

Второй результат имел непосредственное отношение к качеству словарного перевода. Единодушное мнение специалистов сводилось к тому, что словарный перевод им *абсолютно понятен и ошибок не содержит*. Это был, конечно, отрадный результат. Но, добавляли специалисты, в случае публикации перевода, например, в специальном журнале, не мешало бы текст «отшлифовать». Однако это и было одним из главных мотивов эксперимента – узнать, насколько глубокой и обоснованной будет шлифовка, выполненная специалистами. Без шлифовки эксперимент был бы неполным.

Третий результат ничуть не удивил переводчика: в процессе общения специалисты высказали мнение, что сам документ не представляет для них большого интереса, не содержит ничего нового и опубликования как раз и не заслуживает. Переводчик не удивился, поскольку давно привык к тому, что специалисты критически относятся к читаемому (или переводимому ими) тексту. Однако описываемый материал был всего лишь рабочим документом, имеющим не научное, а чисто деловое назначение. Поэтому эксперимент следовало довести до конца.

Теперь пора перейти к рассмотрению конкретной редакторской правки, которая, как и следовало ожидать, свелась к терминам. При этом местами правка терминов сильно расходилась между редакторами – все-таки исходный текст был непростой и многоплановой. Чтобы не утомлять читателя, ограничимся несколькими типичными примерами и сведем их в таблицу.

Оригинальный текст	Словарный перевод	Редакторский вариант
Migration rim	Граница миграции	Апертура миграции
Spikes	Отскоки	а) Коэффициенты отражения б) Пики
Injection angle	Угол возбуждения	а) Угол хода луча в источнике б) Угол выхода луча
Group spacing	Групповой шаг	Шаг пунктов приема
Objective horizon	Горизонт объекта разведки	Уровень целевого горизонта
E-W shooting direction	Профилирование в восточно-западном направлении	Профилирование в субширотном направлении
<p>Все вышеприведенные примеры относятся к чисто терминологической правке. Если правка обоих редакторов совпадала, переводчик принимал ее безоговорочно. Если она расходилась, переводчик принимал вариант <i>а)</i> или <i>б)</i>, в зависимости от того, к чьей компетенции (редактора <i>а)</i> или редактора <i>б)</i> относился, по его мнению, конкретный термин.</p>		
3D Pre-Stack Depth Migration	Трехмерная глубинная миграция по исходным сейсмограммам	Трехмерная глубинная миграция до суммирования
Wipeout zone	Зона отсутствия отражения	Зона потери корреляции

Анализ практики

Для этих двух терминов в словарях присутствуют оба варианта — как переводческий, так и редакторский, но предпочтение было отдано, конечно, редакторскому варианту.		
Number of traces per cmp	Количество трасс, приходящееся на ОСМ	Кратность
15-m contour	15-м контур	Зона с 15-м глубиной моря
However, the strong velocity gradient k is not helping.	Однако большой градиент скорости k здесь не помогает	Однако большой градиент скорости k в этом случае ухудшает условия обмена
pSS acquisition is not a viable option due to the large vertical velocity gradient.	Получение данных по pSS- волнам не является практически осуществимым, вследствие большого вертикального градиента скорости.	Получение данных по pSS- волнам не является практически осуществимым вследствие большого вертикального градиента скорости, обуславливающего малые углы хода продольной волны в источнике и, соответственно, малые амплитуды обменных волн.
<p>Последние четыре примера относятся к правке, связанной с переосмыслением оригинального текста редактором. В первом примере редактор слишком далеко ушел от текста, поэтому переводчик не принял его правку. Во втором и третьем примерах редактор уточнил мысль автора, и переводчик охотно с такой правкой согласился. В противоположность первому примеру, в четвертом примере один из редакторов пошел по пути расширения оригинального текста, дополняя автора (подчеркнутый фрагмент).</p> <p>Переводчик счел подобное «несанкционированное соавторство» неоправданным, так как специалисту и без расширения понятно, к чему приводит большой вертикальный градиент скорости. Поэтому в окончательный вариант перевода эта избыточная редакторская правка не была внесена.</p>		

Теперь можно сделать выводы.

1. Профессиональный переводчик в состоянии выполнить словарный перевод, полностью понятный специалистам.

2. Словарный перевод близок по качеству к добротному переводу².

3. Даже в добросовестно составленных словарях встречаются не совсем корректные либо вообще неупотребляемые термины, а повторяемость их объясняется тем, что они просто кочуют из словаря в словарь.

4. Чтобы сделать словарный перевод пригодным для публикации, его нужно отдать на редактирование специалисту (желательно, но не обязательно знакомому с исходным языком).

5. Переводчик не должен принимать редакторскую правку безоговорочно. Если позволяет время, отдельные сомнительные места следует обсудить с редактором.

² Б.Н. Климзо. Quality versus Time. М.: Р.Валент, журнал «Мосты», №1, 2004. С. 47.

Speaking of Education

Lynn Visson

What is a second-year high school or college student called? What kind of degree does a graduate student receive after a year or two of study? The terms used in the US frequently cause confusion for Russian students and translators because the American educational system differs considerably from that of England and Russia. Even terms that in literal translation at first glance may seem identical represent quite different concepts and institutions. The number of years of school for *elementary school* and начальная школа differ; a Russian high school student does not write a курсовая работа, while their American counterparts are quite used to "term papers," and the SAT (*Scholastic Aptitude Test*) exams for getting into college do not correspond to a "конкурс." To avoid such confusion, aside from idioms and colloquialisms terms will be explained rather than translated.

Let's start at the beginning. A small child may go to a *nursery school* or *day care center*, a *kindergarten* (детский сад) or attend a *pre-school group* such as a *playgroup*. The day care center can provide care throughout the workday, while the other institutions generally provide care for only a few hours a day. At the age of six the child (for simplicity's sake "he" instead of "he or she" is used throughout this article) starts attending *elementary school*, which runs from first to sixth grade. While elementary school education is *compulsory*, the small minority of parents who for religious or political reasons do not want their children to attend school may give them *home schooling*, teaching at home while ensuring that the children are learning the

same basic subjects taught in the school system. The required *elementary* and *high school/secondary school curriculum/a* varies a good deal from state to state; the *curriculum* lists all subjects to be taught and the number of hours devoted to each, along with a schedule for the completion of the material in each course. Despite the variations, all elementary schools teach basic reading, writing and elementary mathematics skills.

A highly talented student may enroll in a school for *gifted children*. If, on the other hand, he needs special assistance, he may study at a school providing *remedial work* to catch up with the other students, or at a school providing *special assistance* programs for children with various kinds of learning deficiencies.

An educational institution such as a high school or college may be restricted to only boys or girls, or it may be *coed* (*coeducational*), accepting both. A school in which the student lives is a *boarding school*. And high school students are called exactly that – *students*. The word *pupils* which was formerly used for elementary school students is now rather outdated.

The school may be *public* or *private*. Public schools are run by city and state Boards of Education, not by the Federal government. Public schools are free while private schools charge *fees for tuition*. Or a child may attend a school run by a religious group or organization, such as a Catholic *parochial school*, in which many of the teachers are priests or nuns. Such religious schools provide the full program of required subjects in addition to instruction in religion. In 40 states there are also *charter*

schools, independent public schools designed and operated by educators, parents and community leaders. These receive charters from the state to offer innovative and experimental programs of study.

After finishing elementary school a child will start *junior high school* (also known as *middle school* – the names and systems vary from state to state) in the seventh grade and continue through the eighth or ninth. From the ninth or tenth through the twelfth grade he attends *high school*. (And a tenth-grader will say, "I'm in the tenth grade," **never** "I'm in the tenth class.") Upon successful completion of twelfth grade he is awarded a *high school diploma*.

Both elementary and high schools are headed by a *principal*, and instruction is given by *teachers*. In high school there is a *homeroom teacher* for each class. Here administrative matters are attended to and attendance is taken. The students then move from classroom to classroom for each *class period*. The English teacher has her own *classroom*, the history teacher another room, and the chemistry teacher usually gives instruction in the laboratory.

Students are given *homework*, assignments to be done at home and handed in to the teacher the next day. If the student starts *cutting* classes we say that he is *playing hooky* (прогуливает уроки). In that case even if he *crams* (зубрит) for his final exams he is likely not to *pass* (сдать) but rather to *fail/flunk* the exam (провалиться на экзамене), test or *quiz* (контрольная работа). The verb can be used both to mean that the student has not passed the exam or that the teacher did not pass the student:

Anne failed/flunked the test. She needed 65 to pass (обычно в США нужно набирать 65 баллов, чтобы сдать экзамен) *but since she only got 62 the teacher failed/flunked her.*

If the student answers all the questions correctly – "*got everything right*" – we can say that "*he aced the exam*" (сдал блестяще/с блеском).

In both high school and college, exams are *written*, not *oral*. *Grades* usually go from "A" to "F," corresponding to the Russian system

of 5 to 0. Many exams are graded from 1 to 100 (a perfect score), and the student gets a certain number of *points* for each correct answer. A very good student gets *excellent grades* or *high marks* (these terms are synonymous). The teacher may require a *mid-term* or a *final* exam and/or *term paper*, a fairly long composition usually involving library research. Report cards with the student's grades and teachers' comments are usually sent home every semester for signature by parents.

During the fall semester of twelfth grade, the student who wants to continue his education *applies* to several *colleges* and *universities*. The only difference between these two types of institutions is that a *university* always has graduate programs, while a *college* may have only a four-year *liberal arts undergraduate* program. Both colleges and universities are *institutions of higher learning* with a four-year "*liberal arts*" program culminating in a *Bachelor's Degree*, either a *BA* (*Bachelor of Arts*) or *BS* (*Bachelor of Science*). The kind of degree is stated on the student's *college diploma*.

A student who wants to receive technical training for a field such as electronic technology or carpentry can apply to a *vocational school*. If he does not want to go through a full four-year *liberal arts* program at a college or university, the student can apply to a two-year *community college* or *junior college*. These institutions are much less demanding of students both in terms of admission requirements and the program of study

Note the following terms:

a high school ninth-grader or a first-year college student is a "*freshman*."

a high school tenth-grader or a second-year college student is a "*sophomore*."

a high school eleventh-grader or a third-year college student is a "*junior*."

a high school twelfth-grader or a fourth-year college student is a "*senior*."

And a college student is in his second or third "*year*," **never** "*course*."

A college student is known as an *undergraduate*, while someone continuing his

studies in a graduate school program is a *graduate student*. The term *post-graduate* is much more common in the UK than in the US, though Americans may talk about *post-graduate work*, meaning any course of study in graduate school. Like high schools, colleges and universities are either *public/state/municipal* (free) or *private* (charge tuition).

The *application process for admission to college* can be long and arduous, particularly if the student wants to attend one of the top private colleges such as Harvard or Yale. The college's admissions committee first considers the student's grades (the list of courses and grades, for both high school and college, is known as a *transcript*.) Also very important for admission are extracurricular activities including participation in various *clubs, sports activities* and *school athletic teams* and *community service*. The latter might include volunteering at a soup kitchen or helping to tutor children in overcrowded schools. The applicant is asked to write essays on various subjects to show his intellectual abilities and interests and must have letters of recommendation from his teachers and other people who know him well. He must also have *high scores* on the *SAT examinations*. This is not a competitive exam for admission to a university; it consists of a series of questions in English and mathematics designed to test the student's aptitude rather than his knowledge and achievement. A personal interview may also be required. A student who has been accepted by a college is *accepted by* or *admitted to* that institution, e.g. *Fred was accepted by/admitted to Harvard, but was rejected by/didn't get into Columbia*.

Students applying to private colleges and universities may also apply for *financial/scholarship assistance/aid*, which may cover tuition, housing (the cost of a *dormitory* room and other expenses) in full or in part. *Loans* are another form of financial assistance, and many students work part-time to help *put themselves through college* (*pay for their expenses*). A graduate student may have a *TA* (*teaching assistantship*) teaching several hours a week, or a *research assistantship*, helping a professor with a research project. City and state

universities, which are public institutions, charge much lower fees or no tuition at all.

At the beginning of his first *term/semester* (these are synonyms) he will have an "*orientation week*" before college classes begin. If he is living in a *dormitory* (known colloquially as *dorm*) he will get to know his *roommate* and other students in the building. Deans, administrators, professors, and older students will introduce him to life on the *college campus*, the facilities available to him within the university and nearby. He must *register for courses* which he chooses from the *course catalogue* which lists all the courses and seminars offered by the various *departments*. While some universities have *Divisions*, e.g. "Division of the Humanities," most American universities have only *departments*. A department is headed by a *chairman*, e.g. the *chairman of the history department*. A student is *registered for* or *enrolled in* a course. If he is a *full-time student* in a *degree program*, he considered to be *matriculated*; a student taking a few courses but not enrolled in a degree program is *non-matriculated*. He may sign up to take *evening courses*. A student who received his course materials and examinations in the mail is taking *correspondence courses*, though today these are mostly conducted on-line.

While the courses of study in American educational institutions differ, most colleges and universities require a *basic/introductory (core)* course in the *natural sciences*, the *humanities* and the *social sciences*. These may include a survey course, generally a lecture course providing broad coverage of a considerable amount of material or a lengthy time period, e.g. "A Survey of French Literature, 1200–2000," or "Introductory Biology." These and other courses will meet the *distribution requirements* – the number of courses which are mandatory in the humanities, social sciences or natural sciences. Each college course is worth a certain number of credits, corresponding to the number of hours a week the course is taught. A three-hour a week course is thus worth three credits, and the student must have a minimum number of credits in order to graduate.

After his first year the student is likely to take more seminars and smaller lecture courses rather than the broad survey courses he took as a *freshman*. In his second year of study the college student usually will have to *choose/ declare* a major or *field of concentration*, his field of specialization in which he will have to take a required number of courses. He may choose a second field, in which he will have to take a smaller number of courses, known as his *minor*. If he wishes to specialize in two subjects of equal interest to him (e.g., French and Italian, or history and government), this is a *double major*. The student can also *take* (слушать) optional (not required) courses known as *electives*. If he attends the lectures but does not take exams or write papers for a course, he is an *auditor*.

To enroll in an advanced course a student may first have take a required preliminary course, known as a *prerequisite*. If a student does not have enough time to finish writing a *paper* or *term paper* for a course, he can ask for an *extension* – extra time for his research. Then he can *hand in* (сдать) the paper at a later date. In some universities he will be required to write a *senior thesis* (дипломная работа).

And if he cannot take a scheduled exam because of illness or an emergency situation, he can ask for a *make-up exam*, i.e. an exam to "*make up*" what he has missed. (In America students *take exams* rather than *sit for exams*, as do British students).

A very good student can receive his bachelor's degree "*with honors*" (с отличием). There are three such categories for awarding degrees, described with the Latin words for "with highest praise" – *summa cum laude*, "with high praise" – *magna cum laude*, and "with praise" – *cum laude*. Once the student has received his university diploma he is a graduate or an *alumnus* (*alumna*, if a woman) of that university. While the grammatically correct English expression is "*he was graduated from Yale*," and not "*he graduated from Yale*," the colloquial usage has taken over in standard spoken English.

The head of a university is the *President*, assisted by a *provost* and several *deans*. The

provost helps with implementing new programs, fund raising, hiring administrators, and drawing up university policy. The deans have different responsibilities; there may be a "dean of students," a "dean for academic matters," etc.

At the lowest level of the college teaching staff is the *Lecturer* or *Instructor* (who can be promoted to the rank of *Assistant Professor*, several years later to *Associate Professor*, and lastly to *Full Professor*. (In casual conversation, however, a student will generally disregard precise academic titles and refer to "*my chemistry professor*" or "*my French teacher*" regardless of whether the individual is a lecturer or a full professor).

The goal of anyone moving up the American academic ladder is to get *tenure* – a permanent, lifetime contract. A teaching position that can lead to tenure is known as a *tenure-track position*, while one that does not is a *non-tenure track position*. (The latter are sometimes jokingly called "*revolving door positions*," since the person holding such a post is automatically replaced every few years.) When a young professor is being considered for tenure he is *up for tenure*, which he either *gets/is granted* or *doesn't get/is denied*.

For example:

"Jane, are you going to France this summer?"

"No way! I'm up for tenure in spring and I've got to finish two articles and go over the proofs of my book that I just got back from the publisher. Last year my friend Jim was denied tenure, and he still hasn't found a teaching post. If I don't get it I'll have to start looking for another job right away."

At various points in his career a college teacher may be given a *sabbatical* so that he can *go on leave* to write and publish scholarly works. "*Publish or perish*" is what all young academics must do: if they do not produce scholarly articles and books of sufficiently high quality they will be denied tenure and will "*perish*" as academics.

A student who wants to go to *graduate school* applies to a university graduate

department in his chosen field. After a year or two in a *Master's degree* program, which includes courses, an exam, and often writing a thesis, he will receive a *MA (Master of Arts)* or a *MS (Master of Science)* degree. If he decided to stop his graduate studies and not to continue for a Ph.D., his degree is known as a *terminal MA*. To the American ear this sounds quite odd, because the word "*terminal*" is used in describing incurable illnesses: "*He has terminal lung cancer.*"

To get a *doctoral degree/doctorate/ Ph.D. degree* the candidate will have to take a required number of courses in his chosen field, pass a written exam (and possibly an oral one, known as "*orals,*") and write a *doctoral thesis/dissertation* (these are synonymous). He will do so under the supervision of a *thesis adviser*. Then he will have to *defend the thesis/dissertation*, but in America there are no авторефераты, no оппоненты, and *dissertation defenses* are not open to the public. The successful candidate is then *awarded a Ph.D. degree* in his specific subject; e.g. "John has a Ph.D./a doctorate/ in *Spanish literature.*"

If a college graduate wants to become a doctor, lawyer, or go into business, he may apply to *medical school, law school* or *business school*. These three schools require an undergraduate degree; a student who does not have a bachelor's degree will not be admitted to one of these *professional schools*. Medical school takes four years, followed by three years of internship and residence; law school involves a three-year program; and business school takes three years.

Some people, however – and they are to be found all over the world – are "*eternal students.*" Many colleges and universities offer so-called "*adult education courses*" and "*extension courses*" for older people with an interest in taking a single course in a particular subject. Dozens of retirees, grandmothers and older people sign up for such courses, and it is not at all unusual to see them strolling across campuses next to students who could be their grandchildren. And why not? After all, learning is a life-long process.

Почти серьезно...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА (продолжение)

Сразу же заметим, что врожденной грамотности, как правило – по крайней мере, на ранних этапах развития личности, когда и определяется главное направление этого развития, – сопутствует склонность человека к чтению. Благодаря этой склонности он приобретает необходимый будущему переводчику литературный кругозор. И последним внешним условием, без которого успешную карьеру на поприще художественного перевода сделать невозможно, является знание хотя бы одного иностранного языка.

Далее, в качестве общей психологической характеристики, формирующей образ идеального переводчика, следует назвать отсутствие у человека яркой индивидуальности. Легко заметить, что обратная ситуация имела бы как минимум два неприятных следствия: во-первых, образ автора оригинального произведения при переводе неизбежно оказался бы искаженным и читатель получил бы о нем превратное представление; и во-вторых, наличие у переводчика ярких индивидуальных особенностей непременно сузило бы круг авторов и тем, коррелирующих с этими особенностями, а потому резко ограничило бы возможности выбора произведения, предназначенного для перевода.

Теперь на минуту представим себе, что человек, обладающий врожденной грамотностью, знающий иностранный язык и не имеющий яркой индивидуальности, трудолюбив и не стремится к личной наживе. Если представить себе такого человека в роли переводчика, сразу становится понятно, что для самореализации он совершенно не нуждается во вдохновении: он и так будет постоянно обеспечен работой, поскольку не найдет в себе сил отказаться от перевода любой книги, не внушающей ему слишком уж глубокого отвращения. Такой специалист, безусловно, плодовит, но по сути ничем не отличается от обыкновенного халтурщика, так как высокохудожественный перевод требует для своего создания настоящей увлеченности и творческого горения. Таким образом, мы обнаруживаем первое собственно психологическое качество, необходимое идеальному переводчику: он должен быть ленив. Только в этом случае он возьмется не за любую книгу, а только за ту, интерес к которой позволит ему на некоторое время позабыть о лени.

Пытки переводчика*

М. Берди

Fun: развлечение, забава, веселье, удовольствие, шутка.

One of the first words Russians pick up in America is “fun.” After about the third day in New York or Peoria, a well-spoken Russian with two higher degrees in linguistics will cheerfully tell you *Мы были на вечеринке и было фан.* (We were at a party and it was fun.) I’m not sure why this is, since Russian has many perfectly good words to describe various kinds of fun. My theory is that, first, Russians pick it up because Americans use it constantly (for Americans everything is fun, from shopping to sex), and second, because it puts in one simple, easily pronounced word a number of concepts that are expressed by different words and expressions in Russian.

For example, “Lets do this just for fun!” *Давайте сделаем это просто ради удовольствия!* Or “I said that in fun.” *Я это сказала в шутку.* Or “The party was fun.” *На вечеринке было весело.* Or “He’s fun to be with.” *С ним весело, с ним не соскучишься!* (literally “with him you never get bored.”). *Забавно* means fun in the sense of funny, entertaining, amusing. *Я видел очень забавный фильм. Смеялся весь вечер.* (I saw a very funny film. I laughed the whole evening.)

The most common verb you use for having fun in Russian is *развлекаться*, which can be translated as “to be amused, to have a good time, to entertain oneself.” To my ear it’s this last whisper of connotation that differentiates *развлекаться* from “to have fun.” In English “having fun” can be a passive activity: you sit

on your couch and “have fun watching TV.” In Russian you’d be more likely to describe that pleasure as “мне было весело.” *Развлекаться* implies that you are entertaining yourself – it’s a more creative process. *Он такой чудак! Сам строит себе самолет. Так он развлекается.* (He’s such an oddball! He’s building himself an airplane. That’s the way he has a good time.)

Another way to have fun in Russian is *веселиться*: *Мы долго сидели на кухне и вспоминали наше детство в деревне. Мы так веселились, что разбудили соседей!* We sat in the kitchen for a long time and talked about our childhood in the village. We had such a good time that we woke up the neighbors! *Расслабиться* can mean to relax tense muscles, but it can also mean to “relax and have a good time,” usually with the help of something alcoholic. *Вчера вечером мой муж расслаблялся с друзьями. Я не могу его упрекать – он много и напряжено работает, – но сегодня он страдает с похмелья.* (Last night my husband kicked back with his friends. I can’t give him a hard time – he’s been working a lot, and there’s pressure at the office – but today he’s got a hangover.) If we up the wattage from “kick back” to “let it rip,” you can use the word *гулять*, which is having fun with lots of alcohol: *После подписания контракта они гуляли по-черному три дня.* (After signing the contract they went on a real binge for three days.)

Other slang expressions for “having a rip roaring good time” are *отвязываться*, *отрываться*, *оттопыриваться* and *оттягиваться*. All are cheerfully nonstandard, mostly youth slang, and totally inappropriate for what are called

* Начало см. в «Мосты» № 1. 2004

in Russian светские разговоры – civilized conversation. *Мне так нужно было отдохнуть. Я поехал в Антاليю и оттянулся по полной программе. Потратил за один вечер тысячу баксов, не знаю на что, и проснулся в другом городе. Во оттяг!* (I really needed a break. So I went to Antalya and really cut loose. In one evening I spent a thousand bucks, don't even know on what, and I woke up in another city. Was that a bender or what?)

This is okay for the dorm room, not okay for the board room – that is, unless your business partners are childhood friends or prone to the same kind of wild partying.

Or unless you think they took the thousand bucks.

Бухать: (slang) to tank up, hit the bottle, booze it up

Even if it's a myth that Eskimos have 50 words for snow, it's no wonder that Russians have lots of words and expressions for drinking. Although, to be fair, most languages do have a large repertory of expressions for imbibing, as if people need an entire non-normative lexicon to describe their non-normative behavior. Luckily for translators, even so-called Puritanical English provides rich resources for cross-cultural benders.

In Russian the most neutral way to say “to drink” is *выпивать/выпить*, as in *Мы сидели весь вечер на кухне, говорили, выпивали.* (We sat in the kitchen all evening, talking and drinking.) There are a few expressions for “tippling,” or drinking just a bit. You can simply say, *Я зашел, выпил и ушел.* (I stopped in, had a drink, and left.) This is, by the way, an entertaining way of putting all those lessons in imperfective and perfective verbs forms to good use. *Выпить* – one drink and call it a night. *Выпивать* – sit around knocking them back. Or if you want something a bit more expressive, you can say, *Мы сидели недолго. Клюкнули, обсудили дела и разошлись.* (We didn't sit around for long. We had a drink, discussed our business, and went our separate ways.) Or, more delicately: *Она слегка выпила, и мы с мужем выпили по бокалу красного.* (She had a

little bit to drink and my husband and I had a glass of red wine.) If someone says, *После работы мы всегда встречались, принимали по 100 грамм и болтали,* (After work we'd get together, have 100 grams, and yak it up), there's no need to ask “100 grams of what?” And no need to fear if the answer is *горючего* (fuel). Here the fuel is rated by proof and not octane.

Among my favorite colorful expressions are *залить глаза*, which is almost the equivalent of the English expression, “his eyeballs were floating.” *Or: Он заложил за воротник, literally,* “he put it down his collar.”

What if you really hit the bottle? *Мы распили бутылку* (we drank an entire bottle), or, in order of increasing slanginess, *Мы раздавили бутылку, мы выжрали два литра* (we finished off a bottle, we put away two liters). *Бухать* is another good, but decidedly non-standard, word for boozing it up: *Ой! Как голова сегодня болит! Мы с Ваней вчера весь вечер бухали.* (Boy, does my head hurt! Me and Vanya really hit the bottle all last night.) You can also use the word *поддать*, as in *Он вчера здорово поддал.* (Yesterday he really hit the bottle.)

If you drink to the point of drunkenness, you say *напиваться*, as in *Марина с ним развелась. Каждый вечер он напивался, дрался. Пропивал зарплату. Это было невыносимо!* (Marina divorced him. Every night he'd get drunk and get into fights. He drank away his paycheck, She couldn't stand it!) Most of the slang words for drinking too much also start with the prefix на-, which my Oxford Russian dictionary tells me indicates “action continued to sufficiency, to point of satisfaction or exhaustion.” Sounds about right to me: *Я с ним больше никогда не буду встречаться. Мы пошли в гости к моим пожилым родителям, и он там нажрался.* (I'm never going to date him again. We visited my elderly parents, and he got rip-roaring drunk.) Other (equally slangy) versions of this are: *наклюкаться, надраться and накушаться.* I'm fond of *назююкаться*, which sounds like the slur of someone who has been drinking a bit too much. (You might translate it as “to be pixilated,” for the same sense of sweet

intoxication.) Or *налакаться*, which can be translated as “to lap it up.”

At the end of the evening, both Russian and American hosts might propose a final drink *на посошок* (from the word *посох*, walking stick) or *на дорожку* (“one for the road,” or a “nightcap,” the final drink that caps off the evening).

However, the next day only a Russian will suggest *похмеляться*, “to drink the day after in order to mitigate a hangover (похмелье). In English you have to spell it out, or use the expression “to have the hair of the dog” – a very awkward way of expressing a very useful practice. Which just goes to show that we English-speaking drinkers could learn a bit, linguistically and otherwise, from our Russian drinking buddies.

Тепленький: (slang) drunk, tipsy, spoookered.

We’ve been having a good time for weeks now (*Эх, ребята, хорошо гуляем!*), happily knocking them back (*киряли, вмазали*), and now we are in a delightful state of intoxication. If someone is a little tipsy, and we are in polite company, we might say, *Он заскочил к нам вечером, слегка выпивши, долго сидел и развлекал нас анекдотами и байками*. (He stopped in yesterday evening already a bit tipsy, stayed for a long time entertaining us with jokes and yarns.) Or you can say, *он был в подпитии* (under the influence), *под градусом* (pickled), *под хмельм* (intoxicated). All of these imply a moderate to heavy level of drunkenness, and might be translated as “besotted, tight, tipsy, stewed, or buzzed.” Among my favorite slang expressions are *тепленький* or *готовый*, literally “warm” and “ready,” which implies that drinking is like baking *пирожки*, and the result is something hot from the oven. *По дороге ко мне, его остановил мент, унюхал запах спиртного и сказал: «Вылезай, парень! Ты уже тепленький!»* (On the way to my house a cop stopped him, caught a whiff of alcohol and said, “Get out, kid. You’re already fried!”)

If you are a teenager with a bad mouth, you might say use some of the adjectival forms of

words for “to get drunk,” such as *бухой* (“blasted,” from *бухать*) or *загашенный* (“out” or “out like a light,” from *загасить*), or *датый*, which is a short version of *поддатый* (something like “stewed” or “soused,” from the word *поддать*).

If you’ve really tied one on, you can say *Я напился до потери пульса, до потери сознания* (I was totally out of it, I was blotto – literally “to the point of no pulse, to the point of unconsciousness”). There is an old expression still used sometimes: *Он напился до положения риз*, a reference to vestments a priest wears. Linguists speculate on the derivation of this expression: either it’s a reference to the celebratory nature of a church holiday, or the propensity of Orthodox priests to tittle. This isn’t the only profession known for drinking, however. To describe a heavy drinker you can say *Он пьёт как сапожник* (literally, He drinks like a boot-maker). In English we associate drinking with other professions and classes: He drinks like a sailor on shore leave, he drinks like a lord.)

For the truly drunk, Russian offers us a wealth of rather crude, but expressive ways to describe various unsavory results of a serious drinking bout. *Он напился в стельку* (literally “like the lining of a shoe,” smashed), *в сосиску* (literally “like a hot dog”), *в зюзю* (slurring drunk, bleary-eyed), *в дым* (“like smoke”, steamed), *вдрызг* (to the point of the runs).

I’ve also noticed that there are national differences among alcoholics. The typical American alcoholic drinks all day, every day. This is the business executive with a bottle of gin in his file cabinet, the unhappy housewife with bottles tucked in the laundry bin and linen closet, the cheerful drunk who pops a beer at 10:00 AM, downs a bottle of wine at lunch, and starts throwing back the scotch as soon as he opens the door at the end of the day. But a certain kind of Russian drunk can abstain for weeks or months, and then: *он ушел в запой*. (He went on a bender, a binge, a jag, a drinking spree.) Since we can say it in English, it exists, but I at least, have had the good fortune not to see that kind of alky (*алкаш*). And no one can

drink *по-черному* (literally “blackly”) like a good Russian drunk. This kind of drinker is called *запойный* or *загульный*, although the latter can also apply to a wayward husband, that is, a “good-time Charlie” who likes to hit the bottle and hit on girls. With this kind of drunk, beware the day after: *Осторожно с ним сегодня — он с бодуна*. (Watch it with him today — he’s got a hangover.) In English you can also say, “he’s suffering from the morning after the night before” — except in Russia it might not be the night before, but the fortnight before. In those situations, it’s better to *дринковать, треснуть* or *продолжать банкет* — keep the party going. As they say in Russian, *Выпил с утра, — весь день свободен!* (If you drink in the morning, take the day off!)

Кадрить: to pick up someone, to make a play for someone

As Moscow is decked out not with boughs of holly, but street banners (*перетяжки, растяжки*) advertising holiday entertainment, like *Встречай Новый год в стиле диско!* (See in the new year with disco!), it’s time to make sure your party language is up to your party behavior.

Let’s say you’re invited to a party (*вечеринка*) or get-together (*тусовка*). *Тусовка* is any gathering of people, from a small group of like-minded folks (who get together to do anything from skiing to recreational drugs) to a big, glittery social event. Depending on the context, it can be translated as party, get-together, crowd, scene, bash. *Я сегодня пойду на тусовку в посольстве*. (Tonight I’m going to a bash at the embassy.) *Вчера я был на тусовке у Герики. Пили пиво, смотрели видик*. (Yesterday I hung out with the crowd at Gerik’s. We drank some beer and watched a video.) Also depending on the context, *тусовщик* can be “one of the gang,” a “party-goer,” or what used to be called in English a “social butterfly.” There can be a slight whisper of the notion of social climbing, that is, hitting all the parties to make contact with important people. *Наверняка Герик знает этого человек. Ты знаешь, какой он тусовщик!* (I’m sure Gerik

knows that guy. You know what a social climber he is!) And since we know that context is everything, *тусоваться* can mean “to hit a party,” “to hang out,” or “to mingle.” *Я тусовался с ребятами, а потом пошел домой*. (I hung out with the gang and then went home.) *Я возьму бокал вина и пойду потусуюсь*. (I’m going to grab some wine and mingle.)

If you’re not interested in advancing your career at a party, you might be interested in advancing your personal life. You might try making eyes at someone, giving him a look: *Она строила ему глазки*. Although gender lines are somewhat blurred, this is usually an activity that women do. Men usually eye someone. *Он положил на неё глаз*. (He decided to make a play for her.) Once you’ve done your visual foreplay, it’s time to move in. *Герик подкатил к девушке*. (Gerik moved in on the girl.) If you’re a cultured kind of guy, you might “*оказывать ей знаки внимания*” (literally “show her signs of attention”). A courtly way of doing this is to keep her plate and glass full, saying as you do so, *Разрешите за вами поухаживать...* (Let me take care of you...) If you are an uncultured kind of guy, you might *приставать к ней* (hit on her, make a pass at her). Sometimes you get a slap in the face (*пощечина*) in return. But sometimes you score.

There are various impolite ways to describe scoring in Russian. *Он закадрил девушку на тусовке*. (He picked up a girl at the party.) *Он склеил (подклеил, подписал, подцепил) девушку*. (He picked up a girl.) *Он снял девушку на танцах*. (He scored with a girl at the dance — with the sense that he paid for her services)

“Going out” or “dating” in Russian is simply *встречаться*. *Мы стали встречаться. Он мне очень нравится!* (We started seeing each other. I really like him!). A date in Russian is simply *свидание*. There is no word in Russian that really captures the Doris Day-Rock Hudson connotations of “a big date.” If you wanted to imply that the evening is special, you might say, “*У меня сегодня Свидание*.” (I’ve got a big date tonight) and give the word

свидание a bit of verbal emphasis. Besides, language isn't just what you say. The fact that you have just spent six hours doing your nails, your hair and your make-up, and you are wearing a thousand dollar's worth of furs and frippery is a pretty good indication that you expect a lot out of the evening.

In English a "date" can also be the person being dated, as in the phrases, "Will you be my date for the party?" or "I'd like to introduce you to my date." In Russian you might simply say, *Ты пойдёшь со мной на вечеринку? or Разрешите вам представить моего молодого человека/моего друга/мою подругу.*

It may not be Rock Hudson and Doris Day, but then they never dated in Russia.

С прибабасом: said of someone is who slightly mad: loony, flakey, nutty, has a screw loose

As we say in New York – there's nuts, and then there's nuts. That is, someone can be a bit eccentric, outright strange, or stark raving mad. He can be nuts about scuba-diving or nuts about Mary.

Вчера вечером я познакомился с девушкой. Вроде ничего, но, по-моему, с приветом. (I met a girl last night – she seems okay, but I think she's a little flakey.) You can also say с прибабасом or с прибабахом, which can be translated as "loony, nutty, cracked, bent, with a screw loose." If someone's behavior is really noticeably odd, you might say in Russian, Он ведет себя ненормально (He's behaving strangely) or Он ведет себя неадекватно, a phrase that can be either colloquial (He's acting oddly) or part of a medical chart (His affect is inappropriate.). You might say this of a guy who laughs merrily after learning that he didn't figure his Russian taxes right for the last 5 years, and the fine is 37 times his total yearly salary. (On the other hand, if you don't laugh, you'd probably shoot yourself, so who's to say what's normal?)

У него сдвиг по фазе (he's slipped a gear, gone around the bend, flipped) is a nice phrase to describe someone who's a bit off: *Ты видел, что он сделал? Он красил свою комнату на работе в ярко-оранжевый цвет. По-моему,*

у него сдвиг по фазе. (Did you see what he did? He painted his office bright orange. I think he's flipped.) If someone behaves quite strangely on a regular basis, you might say of him, *Наверное, в детстве его уронили* (he must have been dropped on his head when he was a baby) – which express about the same level of nuttiness as the English expressions "not playing with a full deck, doesn't have all his marbles."

When someone has really and truly flipped, gone crazy, come unglued, gone nuts or gone batty, Russian slang gives a plethora of verbs: *Ты что – спятил? Свихнулся? Чокнулся? Сбрендил? Опупел? Сдвинулся? Рехнулся? Обалдел? Охренел?* Or you can ask, *Ты что – совсем больной, что ли?* (Have you completely lost your mind?) Another handy word is *одуреть*, which has the sense of being stupefied: *Мы сидели до трёх ночи, и он без конца рассказывал про свою первую жену. Я просто одурела.* (We sat up until three in the morning, and he kept telling me endless stories about his first wife. I was dumbstruck.)

If you are mad about some activity, you can say in Russian *Я помешан на рок-музыке* (I'm nuts about rock n' roll) or *Он повернут на компьютерных играх – он играет с утра до ночи!* (He's crazy about computer games – he plays them from morning til night.) And if you are mad about a person, you can say, *Я схожу по ней с ума* (I'm crazy about her) or *Я без ума от него.* (I'm mad about him.) If someone says, *Я от неё с ума сошёл*, pay attention to the context. This can mean either that he loves her (she drives him crazy) or he hates her (she drives him crazy).

Which probably says something important about the human psyche, but don't ask me to explain: *Я от всего этого одурела!*

Давайте говорить правильно

Суси или суши

Отповедь шепелявцам

В. Смоленский

Транслитерация как лакмусовая бумажка патриотизма

Вполне возможно, проблемы, о которой пойдет речь, могло бы и вовсе не возникнуть. Могло бы – будь Вавилонская башня чуть пониже. Но, видимо, уж до того сильно разгневан был наш Создатель, что не только насочинял разных слов и грамматик, когда смешивал языки, но вдобавок еще и наплодил непохожие фонетические системы. Вот и маемся теперь: как от одной переходить к другой? В частности, от японской к русской. Да еще и в условиях, когда всюду господствует английская транслитерация японских слов, ярким примером которой является слово “sushi”.

Само собой, надо вести разъяснительную работу среди населения. Этим мы займемся ниже. Но иногда такой работы бывает мало. Часто сталкиваешься с интереснейшим феноменом: люди, прекрасно знающие, как то или иное японское слово пишется по-русски, упорно произносят его через «ш» – «суши», «сашими», «Хоншу»

Я долго размышлял о причинах данного явления и пришел к тривиальному выводу: виной сему наше извечное низкопоклонство перед Дядей Сэмом. Латинскому шрифту русский человек доверяет больше, чем кириллице. На кириллице его слишком долго и бессовестно обманывали. Он даже склонен

считать, что обман продолжается.

Вот, например, обсуждаю я со своим соседом по офису – назовем его Павлом Петровичем – политические новости. Он говорит:

– А ты слышал, что ихний премьер Хашимото вчера заявил?

– Павел Петрович! Не Хашимото, а Хасимото!

– Да что ты мне будешь тут? Вон смотри! – и показывает мне “Japan Times”.

– Так ведь это по-английски. Понимаете, в их фонетической...

– Ничего не знаю. Говорю, как написано...

И это не курьез, это правило. Хиросима и Цусима мигом превращаются в Хирошиму и Цушиму, едва наш соотечественник узрит их английские написания. По первости этой метаморфозе даже сопутствует некоторое удивление: вон, оказывается, как правильно-то... Само же недоразумение быстро списывается на доморощенность наших японистов, которые, конечно же, никогда не видели, как японские слова пишутся «на самом деле».

Мне приходилось наблюдать русских резидентов с самыми различными политическими ориентациями. Видел немало таких, которые настроены вполне славянофильски, рассуждают о заговоре мирового капитала и клеймят американцев, всюду устанавливающих свои порядки. Но даже самые наиквасные патриоты все равно будут именовать суши «сушами»,

Давайте говорить правильно

сколько ты им не намекай, что подобная небрежность только обнажает их глубинное, тщательно скрываемое раболепие перед всем иностранным.

А вот я не таков. Я истинный патриот. Хотя и начисто лишен геополитического пафоса... И родного алфавита я им на поругание не отдам. Пусть даже не мечтают. Кирилл и Мефодий! Спите спокойно, ребята, я на страже. Я не уступлю врагу ни единой буковки – и через головы ренегатов, поправших самое дорогое, что у нас есть, через стадо равнодушных, наплевавших на высокие идеалы, я буду кричать, пока не охрипну, буду взывать ко всем не потерявшим еще совесть заблудшим душам:

В японских словах не должно быть буквы «ША»!!!

А теперь займемся научным обоснованием всего вышесказанного.

Суть проблемы

Казалось бы, чего проще – подобрать звук родного языка, близкий по звучанию. Получается действие, подобное математическому округлению. Но беда в том, что округлять можно в разные стороны. Положено до ближайшего – но ведь не всегда поймешь, где оно, это ближайшее. На глазок бывает не видно, вернее, на ушко не слышно. Поэтому сначала подпускают лингвистов с их натренированным ухом, и они авторитетно говорят: вот этот ихний звук по-нашему следует произносить так-то и так-то.

Однако не всегда лингвист под боком. И не всегда слово ушами слышишь –

бывает, только на бумаге его видишь. А самое худое – когда зришь его написанным на каком-нибудь третьем языке. Вот и получается: видит русский человек английское слово “sushi” – и как он его тогда по-русски напишет или произнесет? Известно как – «суши». А это ни в какие ворота.

Объясним же всю подноготную. Она не проста, но что делать...

Фонетические дебри

Итак, имеем японский слог し (запись в слоговой азбуке хирагана). Рассмотрим следующие его английские и русские транслитерации: “si”, “shi”, «си» и «ши». Различаются они звучанием согласного – его мягкостью и шепелявостью. Расположим их в порядке увеличения мягкости:

ши – si – shi – し – си

А теперь в порядке уменьшения шепелявости:

ши – shi – し – си – si

На обеих шкалах японский звук располагается между русским «си» и английским “shi”. Поэтому в качестве английской транслитерации было выбрано буквосочетание “shi”, а в качестве русской – «си». При этом русская транслитерация оказалась даже ближе к оригиналу, чем английская, особенно по второй шкале. Косвенным доказательством этого служит тот факт, что государственная система латинской транслитерации, принятая в Японии (в отличие от т.н. «хэпберновской», принятой в англоязычных странах), использует здесь слог “si”. Что же касается «ши», то звучание этого

русского слога и вовсе имеет крайне мало общего с японским произношением. Вплоть до того, что японец может просто не понять слова, произнесенного через твердое русское «ш». Такое произношение звучит, как безобразно утрированный английский акцент.

Другие буквосочетания

«ШИ» – это самая вопиющая из всех кустарных транслитераций. Поэтому здесь мы уделяем этому слогу столько внимания. Есть, однако, и другие слоги, вызывающие затруднения. Ниже они сведены для наглядности в таблицу – вместе со своими правильными русскими написаниями.

shi – си	ji – дзи		chi – ти		
sha – ся	ja – дзя	za – дза	cha – тя	ya – я	kyu – кя
shu – сю	ju – дзю	zu – дзу	chu – тю	yu – ю	kyu – кю
sho – сё	jo – дзё	zo – дзо	cho – тё	yo – ё	kyo – кё

Примечания и дополнения:

1. Крайняя правая колонка является обобщающей: на месте “к” может стоять другая согласная. Здесь главное то, что сочетание “у” с гласной по-русски передается одной буквой, а не двумя (“Токио” и “Киото” представляют собой укоренившиеся исключения).

2. Соответствие между “chi” и “ти” представляется не столь однозначным; вариант транслитерации «чи» имеет, пожалуй, не меньшее право на существование и иногда встречается у вполне профессиональных переводчиков. Но стандартом считается «ти». Поэтому, например, в городе, обозначенном на всех русских картах как «Хитати», находится фирма, известная всем как «Хитачи».

3. Буква «е» в английской транслитерации передается в русской, как «э». Однако иногда используется русское «е» – чтобы «смягчить» слово для глаза (сравните, например, «каратэ» и «карате»). Эта замена обычно не влияет на произношение, но, с точки зрения пуриста, недопустима.

4. Буквосочетания “nm”, “nb” и “np” передаются, как «мм», «мб» и «мп» соответственно и по-японски звучат именно так. Кстати, и латиницей они чаще записываются, как “mm”, “mb” и “mp” (хэпберновский стандарт).

5. Буква “i”, будучи встречена после гласной (“ai”, “ui” и т.д.), чаще всего отображается, как «й» (и-краткое). Исключения редки.

6. Сочетания “ou” и “uu” означают долгие слоги, в отличие от коротких. В русском написании следует просто опустить второе “u”. В учебной и лингвистической литературе используются специальные символы – двоеточие или черта над гласной.

7. Слог “tsu” логичнее передавать слогом «цу», а не копировать английское написание – «тсу». Все-таки тридцать три буквы – это не двадцать шесть.

Как гайдзин гайджинам

Последний раз о дилемме «СИ» и «ШИ»

Проблема транслитерации японских слов была поднята на «Виртуальных Сусях» более года назад (см. «Суши или суши?») и вызвала широкий общественный резонанс. Равнодушным не остался никто.

Анализ жарких дебатов в гостевой, электронных писем, частных разговоров и агентурной информации позволяют говорить о трех основных группировках, обозначившихся в контексте данной проблемы.

1. Сторонники. Сюда входят те, кто начинал изучение японского на родине и всосал традиционное написание с молоком первых лекций. А также те немногие, которых удалось убедить путем логических построений. Наиболее радикально настроены дипломированные филологи и лингвисты.

– «Милая, давай встретимся на Шынжуку»... Убила бы!

Давайте говорить правильно

В! Молодые люди! Ухаживая за японистками, произносите японские названия правильно.

И шире: если ваша дама имеет диплом филолога, следите за речью.

Иначе успеха не будет.

2. Противники. Довольно обширная группа. Лозунги выдвигаются такие:

«А мне слышится ШЫ!!!»

«СИ говорят только посольские и кэ-гэбэшники».

«Весь мир пишет ШЫ, а мы чего – рыжие, что ли?»

«Какая разница – главное, чтобы понятно было».

«Мы, физики, на это вообще плевали».

Надежд на эту группу мало. Надо научиться принимать их такими, какие они есть, и мирно сосуществовать.

3. Невъезжающие. Все встречающиеся здесь тезисы сводятся к одному:

«Спору нет, это не ШИ – но ведь и не СИ!»

Настоящая статья пишется в основном для третьей группы. С целью вырвать наконец корень зла, коим является хроническое смешивание вопросов транслитерации с проблемами произношения.

Произношение и транслитерация

Расставим же точки над **i**.

К сфере **произношения** относятся вопросы, связанные с ведением разговора на *иностранном языке*.

К сфере **транслитерации** относится *написание* иностранных слов средствами родного языка – и вытекающее из этого написания *произнесение* таких слов в разговоре на *родном языке*.

Интересно то, что даже не всякий дипломированный филолог осознает принципиальную разницу этих двух вещей. Таков, к примеру, мой друг Ковалевин. Употребляя японское название в разговоре по-русски, он неизменно пытается изобразить оригинальный японский согласный – между русскими [с'] и [ш]. Ту

же картину я не раз наблюдал, общаясь с другими японистами. И всякий раз поражался тому, что сия фонетическая аккуратность затрагивает только те звуки, в написании которых мы расходимся с американцами. И больше никаких.

Например, произнося в разговоре со мной слово «Ёсивара», мой друг Ковалевин произнесет [с'] вполне по-японски – а [в] и [р] совершенно по-русски. Получившийся гибрид уже нельзя будет отнести ни к одной из двух фонетических систем. Потому как японский [р] – это среднее между нашими [р] и [л], да еще и с примесью [д]. А японский [в] – звук губно-губный, близкий к английскому [w]. Тем не менее, самобытность этих звуков оказывается проигнорированной. Спрашивается: почему?

Нижеследующая мысль кажется мне вполне банальной, но тем не менее достойной помещения в рамочку:

В любой конкретный момент времени мы говорим на одном языке. Говоря по-русски, мы пользуемся *русской* фонетической системой. Говоря по-японски – *японской*. Говоря по-английски – *английской*. Любые комбинации в пределах одного и того же слова – сушая несуразица и издевательство над языком.

Иными словами: если вы подходите к вопросу основательно и заявляете, что неправильно говорить «ШИ» или «СИ», а надо говорить так, как говорят японцы, то вам придется быть последовательным и распространить ваш подход на все японские звуки, не совпадающие с русскими. А именно:

- на уже упомянутые [р] и [в]
- на гласный [у] (среднее между русскими [у] и [ы])
- на конечнослоговый сонорный [н]
- на срединный [г], тоже сонорный
- на разницу между краткими и долгими слогами
- на сочетание [эй], произносящееся, как долгий [э] («сэнсээ», а не «сэнсэй»)

- на редукцию [у] и [и] после глухих согласных
- на отсутствие силового ударения.

Только с учетом всех этих нюансов японские слова в вашем исполнении будут звучать по-японски.

Если же вы намерены проявлять последовательность и далее, то вам придется любое иностранное название произносить с соблюдением норм соответствующей фонетики – картавить по-немецки, придыхать по-английски и петь по-китайски. Правда, сомнительно, чтобы где-нибудь в мире нашелся человек, всерьез придерживающийся таких радикальных и со всей очевидностью бессмысленных правил. Такого человека просто не понимали бы.

Получается, что нашу педантичность следует как-то ограничить. Как?

Вариант первый: забыть про другие языки, ограничившись японским. Но уж японское произношение отшлифовать – и всякое японское слово, проскакивающее в разговоре, произносить так, как его произносил бы японец. Такой подход был бы, по крайней мере, понятен – но крайне неудобен из-за необходимости караулить каждое японское слово и своевременно переключать произношение.

Вариант второй: произносить по-японски только те звуки, которые являются поводом для споров. Именно так поступает мой друг Коваленин и многие другие уважаемые мною люди – которых, увы, я понять не могу, ибо подобный подход является не чем иным, как сущей несуразицей (об этом мысль в рамочке, помещенная выше).

Вариант третий: его придерживаюсь я и рекомендую всем как наиболее естественный и простой. Ведя русский разговор, используйте русскую фонетику! Не надо пытаться инкорпорировать в нее звуки, которых в ней не было и нет. Все японские слова: будь то имена, заимствования или макаронизмы, – прекрасно записываются русскими буквами

и, будучи произнесены в русской фонетике, звучат вполне адекватно.

А вот говоря по-японски, будьте любезны чужую фонетику уважить. Здесь уже не пойдет ни «СИ», ни «ШИ». Даже «ЩИ», на которое многие уповали, здесь не пойдет. Освойте оригинальное произношение – и почвы для споров не будет.

НО:

Если вам все-таки лень вникать в фонетические тонкости и напрягать мышцы языка, если вы не собираетесь звучать красиво, а просто хотите быть понятым и спрашиваете, какое из двух или трех **приближений** предпочтительнее – то я вам отвечу без колебаний: «СИ»

В глазах гордых русских физиков вы будете посольским кэгэбэшником, не уважающим мировое сообщество – но зато японцы вас поймут.

Вы все еще колеблетесь? Тогда, может быть, вас убедит мой любимый певец Сёкити Кина? В его песне «Цветы» есть такие строчки:

«Хана то ситэ, хана то ситэ
Сакасэтэ агэтай».

Послушайте, как он их поет. Если вам и здесь почудится «шитэ» или «щитэ», то мне останется только руками развести.

Откуда взялось SHI (исторический очерк)

Как известно, первыми европейцами, попавшими в Японию, были португальцы. Дело было в 1542 году. Последующие сорок лет они монопольно торговали и миссионерствовали в Японии с санкции римского папы. Именно португальские иезуиты были первыми, кто записал японские слова латинскими буквами. Для них это был единственный путь издать христианские тексты на японском языке, так как печатный станок, завезенный ими на Кюсю, не умел печатать иероглифы.

Естественно, португальский способ записи основывался на нормах португаль-

ской письменности. Самые первые ромадзи выглядят сегодня странновато: “qi”, “cu”, “ye”, “zzu”. А наш с вами любимый слог писался и вовсе дико: “xi”

Хотя, справедливости ради, следует заметить, что именно такое написание, через «икс», укоренилось в западных транскрипциях китайских слов. Имя «Дэн Сяопин» пишется сегодня по-английски как “Deng Xiaoping”

В XVII веке португальцев вытеснили голландцы. На протяжении всего периода Эдо они были единственными иностранцами, которым сёгунат позволял вести торговлю с Японией. Голландская фактория на островке Дэдзима в гавани Нагасаки служила единственным каналом культурного обмена наглухо закрытой страны с внешним миром. Как ни узок был этот канал, все же что-то делалось – например, составлялись словари. Для них голландцы разработали свою систему романизации, отталкиваясь уже от голландских правил. Здесь тоже хватало чудес: “я” писалось, как “ja”; “ха”, как “fa”; “у” как “oe”. Но зато наш старый знакомый писался вот как: “si”.

В середине XIX века страну открыли. Гайдзины хлынули в нее широким потоком и принялись изображать японские слова каждый на свой лад. Немцы писали “chi”, французы писали “chi” – имея в виду все то же. Но тут сказать свое веское слово пришел дядя Сэм.

Американский миссионер Джеймс Куртис Хэпберн предложил новую систему романизации. В ее основе лежала следующая интересная идея: при отображении согласных звуков отталкиваться от английской фонетики, а при отображении гласных – от итальянской либо немецкой. То, что получилось, известно сегодня под названием «хэпберновского стандарта». Именно с легкой руки Хэпберна злополучный слог стал писаться как “shi”.

«А хорошо ли это?» – задумались японцы задним числом. И решили выяснить. По заказу правительства вопрос был всесторонне изучен. Хэпберновскую

систему признали неоптимальной – из-за ее перекоса в сторону английского. Родился альтернативный стандарт, базировавшийся на родном, хираганном написании. Он получил название «кунрэй» («предписание, директива»). В этом стандарте «си» пишется так, как его когда-то писали голландцы: “si”

“Кунрэй” получил статус государственного стандарта и потихоньку начал вытеснять хэпберновскую систему. Его приняли на флоте, в армии, в правительственных учреждениях, в школах. Дольше других сопротивлялось Министерство Путей Сообщения – оно сдалось лишь в 1938 году, заменив вывески на всех станциях. Последним бастионом хэпберновской латиницы внутри Японии оставались школы английского языка – но и на них велось наступление.

Потом было поражение в войне и американская оккупация. Образовательная Миссия США в Японии развернула агитацию за всеобщий переход к латинице. По смелой мысли заокеанских реформаторов, это должно было облегчить процессы демократизации. Искоренить иероглифы, естественно, не удалось, но хэпберновская система взяла реванш за довоенные гонения – **распоряжение оккупационного штаба от 3 сентября 1945 года** объявило ее единственно правильным стандартом. Железнодорожные вывески снова пришлось менять.

Окончательно «кунрэй» все же не добились, но прежних позиций ему уже было не отвоевать. Споры между приверженцами двух систем не умолкают по сей день. Адепты хэпберновского стандарта говорят о доминировании английского языка в современном мире и необходимости под эти реалии подстраиваться. Защищающие «кунрэй» напоминают о законных интересах носителей других языков – в том числе и японского, потребностям которого «кунрэй» соответствует лучше по определению. Попытки найти компромисс неизменно проваливались.

Сегодня «кунрэй» используют в японском парламенте, отдельных правительственных учреждениях, некоторых словарях и учебниках. В остальных сферах господствует хэпберновская латиница. За пределами Японии встречается почти исключительно она. Ее приняли даже в португальском и голландском языках, несмотря на существовавшие ранее традиции и на несоответствие произносительным нормам. Столь сильным было стремление во всем унифицироваться с Америкой.

Русскую японистику на первых порах уберегла кириллица. Сегодня не спасает и она. Незнакомые с японским языком люди бездумно переносят английские написания, рождая монстров вроде «суши». С этим испорченным телефоном следует последовательно бороться, чем мы и занимаемся.

Фонетическая фантастика

Как уже говорилось, разрабатывая свою систему, Джеймс Хэпберн отталкивался от английского произношения согласных. В этом свете одна вещь выглядит крайне загадочно. А именно, передача звука [r].

Повторим: эта японская фонема представляет собой своеобразный гибрид русских [р] и [л] с некоторой примесью [д]. То есть, английский звук [r] имеет с этой фонемой крайне мало общего, он произносится с заворачиванием языка назад (эта особенность усиленно эксплуатируется при пародировании английского акцента). Куда как более логичным выглядело бы изображение этой японской фонемы через “l” – ведь соответствующий английский звук является альвеолярным и смычным, гораздо больше подходя для такого замещения! Голландская транскрипция, кстати, использовала именно “l”. То ли Хэпберн не видел голландской транскрипции, то ли у него временно помрачился рассудок – история об этом умалчивает, но факт остается фактом, выбор упал на “r”.

Нам следует Хэпберна возблагодарить. Ибо в любом случае русские японисты выбрали бы кириллическое «р» как более адекватное приближение. Так что с английским у нас могло бы выйти еще одно расхождение. Но не вышло. И слава Богу.

Представьте себе такую картину: мир наводнен словами типа “kalate”, “kalaoke”, “lamen”, “halakili”, “Hiloshima”... А на нашем сайте полемическая статья: «Мураками или Мулаками?».

Вот смеху было бы...

Шикотан или Сикотан?

Вопрос о географических названиях был поднят в одном из электронных писем, пришедших к нам на сайт. Автор, сторонник «ШИ», едко вопрошал: «А вот вы говорите, надо везде писать “СИ”, так что же – Кунашир и Шикотан надо писать как Кунасир и Сикотан?».

Отвечаем: нет, надо. При написании и произнесении топонимов критерий должен быть один – географическая карта. В России, как и раньше в СССР, карты изготавливаются централизованно, Главным Управлением по геодезии и картографии, что обеспечивает стандарт и исключает разночтения. В управлении работают квалифицированные специалисты по топонимике, которые способны учесть все аспекты – как чисто языковые, так и связанные с традицией – и вынести наиболее взвешенное решение.

Традиция в топонимике значит многое. Возьмите русское название любой страны – оно, как правило, будет отличаться от названия в соответствующем языке, а иногда и вовсе не иметь с ним ничего фонетически общего («Венгрия», «Китай», «Великобритания»). Топонимические изыски российского руководства последних лет, нарушающие многолетнюю традицию («Молдова», «Беларусь» и т.п.), выглядят по меньшей мере неуклюже.

В том, что касается Японии, традицией определяются русские названия

Давайте говорить правильно

самой страны («Япония», а не «Нихон» или «Ниппон») и некоторых городов: «Токио», «Киото», «Иокогама». Туда же, видимо, следует отнести и названия двух спорных островов. Все эти топонимы идут вразрез с правилами транслитерации, принятыми в русской японистике, но это не должно быть поводом к их замене.

Тем не менее, некоторые пуристы и здесь хотят сказать свое слово. Так, мой друг Коваленин, переводя роман Мураками «Dance, dance, dance», сделал из Иокогамы «Ёкохаму». Хорошо еще, что он сумел остановиться в своем экстремизме и не стал делать из Токио «Токё».

Нет, пусть Шикотан остается Шикотаном.

В Нарэ или в Нара?

Еще одна заковыристая проблема: склонять или не склонять японские имена и географические названия? На сегодняшний день ситуация с этим вопросом крайне запутана. Среди профессиональных японистов существует ярко выраженная тенденция к несклоняемому употреблению имен и названий. Очень часто можно встретить выражения типа «буддийские храмы в Нара» или «кинофильмы Куросава». Мой друг Коваленин тоже не отстает: «что в Ёкохама, что в Фукуока». С другой стороны, невозможно даже представить себе, чтобы кто-нибудь сказал «бомбежка Хиросима». В чем же тут дело? Почему здесь не наблюдается регулярности? Ответа на этот вопрос у меня нет.

В самом деле: возьмем любой другой язык. Если название оканчивается на «а» или «я», то в русском языке это название обязательно будет склоняться по первому склонению – даже если в оригинальном языке словоизменение отсутствует вовсе. «Встреча в Женеве», «прибытие в Филадельфию», «прогулки над Сеной». Соответственно, названия, оканчивающиеся на согласную, склоняются по второму склонению: «кварталы Шанхая», «купание в Ганге», «склоны Эвереста». Не изменяются только слова, оканчивающиеся на другие гласные, кроме «а» и «я».

Я буду признателен тому эксперту, который укажет коренное отличие японского языка от всех остальных языков мира, не позволяющее применить категорию падежа к японским именам.

(Материал раздела «Откуда взялось SHI» изложен по книге «Нихонго-но хёки»)

Почти серьезно...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА (продолжение)

Далее представим себе, что под влиянием чувства, которое можно условно назвать вдохновением, наш специалист дает согласие на перевод понравившейся ему книги, заключает договор с издательством и берется за работу. Именно в этот краткий промежуток времени происходит самое важное: переводчик, испытывающий творческий подъем, сразу же подбирает, так сказать, к книге ключик и задает тот высокий уровень перевода, который и определит качество его итогового труда. Что происходит потом? Период творческого подъема неизбежно завершается, и лень начинает постепенно вступать в свои права. Тут в игру включается новый фактор, который только и может позволить переводчику продолжать продуктивно трудиться. Этот новый фактор – его алчность. Получив на руки экземпляр договора с проставленной в нем суммой (сколько бы мала она ни была), которая должна достаться исполнителю по сдаче рукописи, переводчик тем самым получает мощный стимул для продолжения своего труда. Тут нужно отметить, что алчность переводчика должна быть умеренной, иначе она будет постоянно побеждать лень, фактор начального вдохновения вновь утратит свое значение и наш специалист снова превратится в самого заурядного трудоголика.

Тут возникает очередная сложность. Дело в том, что одной мотивированности гонораром явно недостаточно для того, чтобы обеспечить высокое качество переводческого труда. Казалось бы, что мешает переводчику, озабоченному скорейшим выполнением заказа и почувствовавшему, что его первоначальная увлеченность книгой сходит на нет, начать работать спустя рукава?

Заказчик — переводчик

Яков Иосифович Рецкер (1897–1984) – выдающийся советский лингвист, переводчик и лексикограф, классик науки о переводе. Много лет он преподавал теорию и практику перевода с английского и других языков сначала в Институте военных переводчиков, а впоследствии – в Московском институте иностранных языков имени М. Тореза (ныне МГЛУ).

Научные интересы Я.И. Рецкера были очень разносторонними. Он издал ряд учебников и пособий по переводу, реферированию, составил фундаментальный «Французско-русский фразеологический словарь» (1963). Этапной для отечественного переводоведения, наряду с трудами А.В. Федорова, В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, стала и его книга «Теория перевода и переводческая практика» (1974). В настоящее время издательство «Р.Валент» готовит новое издание этой замечательной книги, давно превратившейся в библиографическую редкость, но по-прежнему нужной и актуальной.

Не утратила актуальности и публикуемая ниже статья Я.И. Рецкера, рассказывающая об уникальном судебном процессе, когда один письменный переводчик обвинил другого в плагиате. Именно Я.И. Рецкеру удалось сделать разработанную им теорию закономерных соответствий – казалось бы, абстрактную академическую концепцию – мощным практическим инструментом, позволившим решить реальную жизненную задачу: достоверно отграничить плагиат от самостоятельного творчества и защитить честь и достоинство талантливого переводчика.

В наши дни, когда интеллектуальное пиратство стало, к сожалению, бичом литературы и издательского дела, эта статья напоминает, что добросовестная экспертиза вполне может вывести плагиаторов на чистую воду. Одновременно эта статья учит нас отделять талант от серости, профессионализм от ремесленничества, а честное служение своей профессии – от завистливой и амбициозной бездарности. Очень полезно, в том числе и для самооценки каждого из нас.

Д.И. Ермолович

Плагиат или самостоятельный перевод?

(Об одной судебной экспертизе)

Я.И. Рецкер

Что такое переводческий плагиат? Даже закон, предусматривающий любое правонарушение, об этом умалчивает. Не нашли мы ничего по этому вопросу и в специальной литературе¹. Поэтому, когда

¹ Единственным источником, содержащим наводящие мысли о проведении экспертизы по делу о плагиате перевода, послужила для нас книга А.И. Ваксберга, Издательство и автор. Правовые взаимоотношения, М., 1958, где на стр. 106–107 можно прочитать: «Отказывая М. в иске, суд отмечает, что “перевод Б. существенно отличается от перевода М. по своим художественным качествам, композиционному строению, разработке характеров, образности и словарю”».

весной 1961 года кафедре перевода 1-го Московского педагогического института иностранных языков было поручено городским судом произвести экспертизу по делу о плагиате перевода, нам, членам выделенной кафедрой комиссии, пришлось вырабатывать свою собственную методику, с которой, как мне кажется, будет интересно познакомиться и переводчикам, и преподавателям иностранных языков.

Из материалов судебного дела, содержащего до 450 страниц, нам стало ясно

большое принципиальное значение этого процесса. Многие художественные произведения, особенно классические, переводятся по нескольку раз. Нам известны семь переводов «Госпожи Бовари», одиннадцать – «Ярмарки тщеславия», не говоря уже о многочисленных переводах шекспировских пьес. Совершенствуется искусство перевода, и заново прочитываются произведения, известные в менее совершенных (а подчас и вовсе несовершенных) переводах уже многие десятилетия. Понятно, что в какой-то мере переводы одного и того же произведения должны совпадать. Если суд признает плагиатом даже частичное совпадение, чисто внешнее, то переводчики станут бояться работы над уже переведенными произведениями, а от этого в первую очередь пострадает читатель.

Но вернемся к сути дела. В конце 1959 года С.С. Серпинский подал в суд на переводчицу Т.А. Озерскую, обвинив ее в том, что она заимствовала у него перевод первых одиннадцати глав романа «Золотые мили» К. Причард, и потребовал взыскать с Озерской двадцать тысяч рублей гонорара в его пользу. Нарсуд Дзержинского района, рассмотрев дело на пяти заседаниях, признал факт заимствования и постановил удовлетворить иск Серпинского в половинном размере. Другими словами, суд признал, что Озерская взяла уже ранее (в 1949 г.) изданный перевод Серпинского, отредактировала его и выдала за свой. Опротестованное обеими сторонами решение нарсуда было отменено коллегией горсуда, и дело было передано на новое рассмотрение.

Приступая к экспертизе, наша комиссия (старшие преподаватели кафедры перевода И. Э. Воронцова, Н. Г. Санников и я) ознакомилась с заключениями двух экспертиз, имеющих в деле: экспертизой Союза писателей и экспертизой трех преподавателей МГУ. Эксперты пришли к диаметрально противоположным выводам: эксперты-переводчики

М.Ф. Лорие и О.П. Холмская, члены секции переводчиков Союза писателей, категорически отвергли обвинение в плагиате; эксперты МГУ не менее категорически признали, что перевод Озерской, изданный в 1954 году, — это отредактированный перевод Серпинского, причем плагиат «искусно замаскирован».

Различные выводы двух экспертиз вытекали из различных методов проведения экспертизы. Как было указано руководителем экспертов МГУ доктором филологических наук О.С. Ахмановой, комиссия не касалась вопроса о художественной полноценности переводов, но ограничилась «лингвистическим сопоставлением» переводов. Напротив, комиссия Союза писателей сделала упор на художественную самостоятельность перевода Озерской, не идущего ни в какое сравнение с первым переводом, и показала, что переводы эти принципиально различны по своему художественному методу.

Об эквивалентах и контекстуальных соответствиях

Наша экспертная комиссия оказалась перед очень трудной задачей. Ведь даже пользуясь совершенно другим методом перевода, можно заимствовать из имеющегося перевода решение наиболее трудных мест. С нашей точки зрения, плагиат при переводе (пусть частичный) заключается в несамостоятельном решении тех сложных переводческих задач, которые каждым переводчиком могут решаться по-своему. Для того чтобы установить, каковы эти трудности, мы применили положения лингвистической теории перевода, теории словарных соответствий. В то же время для установления закономерностей отбора стилистических средств мы пользовались методом литературоведческого анализа. Таким образом, мы применили комплексный способ проведения экспертизы – и лингвистический, и литературоведческий.

При переводе важно различать эквиваленты, то есть постоянные равнозначные словарные соответствия, как правило, не зависящие от контекста, и соответствия контекстуальные, словарями не регистрируемые. Речь идет, конечно, не только о соответствиях между словами, но и между словосочетаниями и смысловыми группами в разных языках.

Сколько бы переводчиков ни перевели одно и то же произведение, если они будут переводить правильно, они вынуждены будут пользоваться одними и теми же эквивалентными соответствиями. Именно поэтому, когда мы вслед за экспертами секции переводчиков Союза писателей сопоставили различные переводы «Госпожи Бовари» Г. Флобера, «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея и «Тихого американца» Грэма Грина (по пять страниц из разных глав романов), то, даже отбрасывая собственные имена и личные местоимения, мы получили в среднем свыше 40% совпадений слов, а на некоторых страницах – до 62%; совпадения неизбежны, и процент их может быть очень высок. Между тем Н. М. Любимов явно не списывал свой перевод у А. Ромма, а М. Дьяконов – у Гей. «Тихий американец» переводился одновременно под таким же названием двумя парами переводчиков для журнала «Иностранная литература» и для книжного издательства.

Мы подсчитали количество совпадающих слов в переводах Т. Озерской и С. Серпинского. Оказалось, что на 114 страницах (11 глав) из 337000 слов у Озерской совпадают с переводом Серпинского 29000 слов, то есть 9%. Почему же так мало по сравнению с приведенными выше примерами? На этот вопрос мы оказались в состоянии ответить лишь в конце экспертизы.

Сложней обстоит дело с грамматической стороной перевода. При переводе художественного произведения любые грамматические эквиваленты могут оказаться непригодными, то есть соответст-

вия грамматических форм и синтаксических конструкций могут быть отброшены из-за несоответствия структуры более крупного синтаксического целого ритмо-мелодике предложения или внутреннему ритму повествования. Особенно важно учитывать синтаксическую сторону перевода там, где у автора грамматические средства использованы в стилистических целях.

Конечно, стилистический фактор играет решающую роль и при выборе словарных соответствий в художественном переводе. Эксперты МГУ совершенно не учитывали этот фактор. Например, они не приняли во внимание, что в романе Причард почти все действующие лица оснащают свою речь просторечием и слэнгом. Между тем при переводе почти исключается возможность нахождения для каждого английского слова, принадлежащего к разговорному, просторечному или слэнговому пласту языка, русского слова такой же категории. Важно, чтобы общая тональность речи совпала, чтобы речевая характеристика была передана правильно. Переводчик действует здесь по методу компенсации: передает нужный оттенок там, где это возможно по законам русского языка.

Истец вообще причисляет слова и выражения разговорного и просторечного рядов² к своим переводческим «находкам», не понимая, что в данной ситуации это единственно возможный и естественный выбор. Вот примерный перечень части этих так называемых «находок»:

бахвальство, вранье, потаскушка, разглагольствования, мой старик, зашагал, затащил, удрала, повезло, смылись, повыходили замуж, кликнуть, обозлиться, обронила, оправила юбку, нипочем, навеселе, просто сил не было терпеть, просто не знаю, что мне делать, кто помоложе, уж не раз и т. п.

² Под просторечием мы понимаем тот языковой слой, который выделен этой пометой в новом «Словаре русского языка», тт. I-IV, Изд-во АН СССР, 1957–1961.

Эксперты МГУ в доказательство наличия плагиата настаивают на том, что вместо ‘бахвальства’ в английском подлиннике ‘хвастовство’, вместо ‘вранья’ – ‘ложь’, вместо ‘потаскушки’ – ‘проститутка’ (английское разговорное tart !), а вместо ‘ему повезло’ – ‘он был счастлив’. Всюду, где в обоих переводах совпадают отдельные слова, эксперты предлагают свой подстрочный, как правило, совершенно неприемлемый перевод, взятый из англо-русского словаря. Бездоказательность такого приема особенно наглядна, когда автор использует слово в его контекстуальном значении. Рассмотрим с этой точки зрения аргумент экспертов МГУ № 1 под рубрикой «буквальные совпадения в переводе, которые по своему характеру никак не могут быть признаны случайными» (стр. 13 *судебного Дела*):

«Эми была хороша собой и полна задора». (Пер. С. Серпинского, стр. 57.)

«Эми была хороша собой, весела и задорна». (Пер. Т. Озерской, стр. 56.)

А вот и подстрочный перевод, предлагаемый экспертами:

«Конечно, Эми была хорошенькой и живой».

Прямое значение последнего эпитета (*vivacious*) не удовлетворило обоих переводчиков, оба написали ‘задорна’ (из чего эксперты заключают, что у Озерской – плагиат). Но вчитаемся внимательно в перевод Озерской и на предыдущей странице увидим:

«Но когда Лора вышла замуж за Тима Максуини, она стала брать девочку по воскресеньям домой, и к той быстро вернулся ее шаловливый задор» (стр. 55).

Находим перевод этой же фразы у Серпинского: «... и вновь обрела свою жизнерадостность» (стр. 56) – книжный штамп вместо живой характеристики.

Эпитет ‘задорна’ в применении к Эми встречается в переводе Озерской еще раньше. На стр. 39 читаем:

«Эми уселась на ручку кресла Морриса. Пышные белокурые волосы небрежно рассыпались вокруг задорного разгоряченного личика, карие глаза с наивным кокетством нежно поглядывали на Дика».

Таким образом, ‘задор’, повторенный три раза в переводе Озерской, превращен ею в постоянный эпитет, очень метко характеризующий легкомысленную и темпераментную девицу.

Оправдано ли подобное раскрытие прилагательного *vivacious* в переводе с лингвистической точки зрения? Несомненно, если учесть, во-первых, что английские словари приводят в качестве его синонимов слова *lively*, *sprightly* и, во-вторых, что Русско-английский словарь под редакцией О.С. Ахмановой дает: *задорный* – *provocative*, *perky*, *full of life*, *full of mirth*.

Важно учесть, что обвинение в плагиате в основном опирается на совпадение коротких элементарных фраз, поддающихся дословному переводу. В первых трех главах романа таких предложений всего одиннадцать. Вот они:

1. Говорили, что Фред Кэрнс женился на ней. (Пер. Озерской, стр. 7.)

2. Он получил (сейчас)³ хорошую работу в (аналитической) лаборатории на (в) Боулдер-Рифе (стр. 12).

3. Пэдди ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего (стр. 16).

4. Разрешите представить мою жену (стр. 18).

5. Эми уселась на ручку (ручке) кресла Морриса (стр. 39).

6. Он выглядит чудесно, не правда ли? (стр. 36).

7. Ваш муж знает, что у нас здесь попросту (просто), без церемоний. Мы в это время обычно пьем чай (стр. 18).

8. Там, под землей, пройдены (целые) мили (стр. 22).

³ В скобках показаны разночтения в переводах.

9. 6.400 тонн теллуридов дали за несколько месяцев (золота примерно) на $\frac{3}{4}$ миллиона фунтов стерлингов (стр. 25).

10. Миссис Гауг будет очень рада повидать тебя и твою женку (жену) (стр. 31).

11. А миссис Моллой теперь бабушка (стр. 32).

Трудно представить себе, как можно иначе перевести перечисленные предложения. Указанные в скобках отклонения показывают, что и здесь полного совпадения не наблюдается.

В тексте романа Причард довольно много технических терминов. Поскольку ни один из членов комиссии не знаком с техникой, к участию в экспертизе был привлечен специалист по обогащению руд кандидат технических наук Д.С. Соболев, переведший на английский язык несколько трудов по этой специальности. Тщательно сверив оба перевода с подлинником, Д.С. Соболев не обнаружил никаких признаков заимствования перевода терминов. Единственное совпадение ошибочного перевода термина «обогачительный стан» объясняется опечаткой в Англо-русском политехническом словаре Белькинда (правильно: став).

О роли многоточия

На переводе 7-го предложения необходимо остановиться, так как совпадение переводов этих двух фраз фигурирует в решении нарсуда как главное доказательство плагиата. Сопоставим оба перевода всего абзаца:

– Очень рада познакомиться с вами, миссис Морфе. Прошу вас, пройдемте в дом. Сегодня такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь попросту, без церемоний. Мы в это время обычно пьем чай. (Пер. Т. Озерской, стр. 18.)

– Я рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Не хотите ли войти в дом? Такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь просто, без церемоний. Мы обычно пьем чай в это время. (Пер. С. Серпинского, стр. 22.)

"I am pleased to meet you, Mrs. de Morfe. Will you come in? It's such a hot morning, and your husband knows our free and easy way on the goldfields. We usually have a cup of tea at this time" (p. 23).

В судебном решении отмечается замена слов 'на золотых приискаx' словами 'у нас здесь' в обоих переводах. Однако говорящие знают, где они находятся, и было бы странно это подчеркивать. Замена вполне естественна. Только игнорируя нормы разговорной речи, можно настаивать, как это сделали эксперты МГУ, на том, что для перевода фразеологизма free and easy way следовало взять словарное соответствие 'непринужденный, чуждый условностей'. Но в данном случае, то есть в речи Салли Гауг, такой перевод нарушал бы разговорность стиля и звучал бы книжным штампом.

Конечно, суд должен был обратить внимание не только на совпадающие в двух переводах слова, но и на расходящиеся. Для перевода Серпинского характерен буквализм в передаче личного местоимения: «Я рада познакомиться с вами», тогда как Озерская дает естественное опущение 'я': «Очень рада познакомиться с вами». У Серпинского странный оборот фразы: «Такое жаркое утро», у Озерской – осмысленное с естественной интонацией: «Сегодня такое жаркое утро». У Серпинского логическое ударение в последнем предложении смещено: «Мы обычно пьем чай в это время». Конечно, главное ударение падает не на обстоятельство времени. Правильный порядок слов дан в переводе Озерской.

Но главный упор в обвинении сделан не на совпадение переводов отдельных слов и выражений, а на совпадение... многоточия! Как указывается в мотивировочной части решения нарсуда, после слов 'такое жаркое утро' в обоих переводах имеется многоточие, «чего в оригинале нет» (стр. 312 Дела).

Признаться, это многоточие сначала привело в смущение и членов нашей

комиссии. Но только сначала, пока мы не разобрались в том, почему в переводе на русский язык появляется многоточие там, где его нет в английском подлиннике.

Мы отметили все случаи употребления многоточия во всех одиннадцати главах романа, переведенных Озерской, за исключением тех, где многоточие стоит и в оригинале. У Причард многоточие появляется только там, где не закончено высказывание. В переводе Озерской многоточие встречается девять раз – на стр. 15, 33 (два раза), 82, 90, 104, 107, 112 и в процитированном выше месте на стр. 18, причем ни в одном из этих случаев в подлиннике многоточия нет. В двух фразах находим в оригинале тире, в одной – запятую, а в остальных шести никаких знаков нет. Что же это значит? Почему в переводе появляется многоточие? Сопоставив все примеры, мы увидели, что в русском переводе многоточие обозначает интонационную паузу, сигнализируя о том, что между частями высказывания есть какой-то логический разрыв. Например, в цитированном выше примере: «Сегодня такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь попросту». Какая связь между жаркой погодой и тем, что знает Фриско де Морфе? В английском языке интонационная пауза часто никак не обозначается, иногда обозначается запятой или тире. Например, в следующей фразе, где тоже в обоих переводах появилось многоточие, в подлиннике тире:

– Дьявольщина, не будь я... Нет!
(Пер. Серпинского, стр. 35).

– Клянусь святым... нет, что ты!
(Пер. Озерской, стр. 32).

Так, с ужасом восклицает приехавший на прииски Билл Джеррити, когда товарищ предлагает ему тряхнуть старинной и пойти в заведение Берты Кувалды. Но здесь переводы настолько несхожи и первый так выдает беспомощность переводчика, что эксперты МГУ не заметили наличия многоточий в обоих переводах. Не заметили они и того, что в переводе первой части трилогии Причард «Девя-

ностые годы» многоточие встречается ровно 30 раз там, где его нет в подлиннике. Озерская, переведившая и этот роман (вместе с В. Станевич), использовала тот же прием для передачи интонационных пауз в тексте.

Центральное место в иске занимает обвинение Озерской в том, что она заимствовала переводческие «находки» С. Серпинского общим числом 99. Что и говорить, цифра внушительная. Но тщательное сопоставление двух переводов с подлинником опрокидывает это обвинение. Во-первых, подавляющее большинство этих «находок» оказывается стандартным переводом стандартной английской фразеологии. Это те соответствия, которые можно найти в словаре В.К. Мюллера или в Англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина. Например, ‘он жил на широкую ногу’ (he lived in grand style); ‘откуда вы взялись?’ (where did you spring from?); ‘не терпится выскочить замуж’ (eager to get married) и даже такие штампы, как ‘игра не стоит свеч’, ‘сойти с рук’, ‘уплывать за море’, ‘черта с два’, и т. п.

В перечне «находок» было отмечено около десятка выражений, которые действительно могли бы сойти за индивидуальное, оригинальное решение переводческих трудностей, так как двуязычными словарями они не предусмотрены. На них-то и было сделано истцом и экспертами МГУ особое ударение, как на неопровержимое доказательство плагиата. Как они неоднократно заявляли, случайность совпадения переводов совершенно исключается.

О переводческом эксперименте

Чтобы проверить, возможны ли случайные совпадения при переводе отдельных словосочетаний и выражений, нашей комиссией был проведен переводческий эксперимент. Пятидесяти двум студентам трех факультетов 1-го МГПИИЯ были даны для письменного перевода два упражнения, состоящие из отдельных предложений, включающих упомянутые

выражения. Конечно, для эксперимента были отобраны лишь такие выражения, перевод которых возможен без широкого контекста. Вот первое из этих предложений:

«Свежий воздух оживил шахтеров, и мысль о кружке пива в ближайшем кабаке заставила сильнее биться вялый пульс». (Пер. Серпинского, стр. 93).

«Первые глотки свежего воздуха действовали живительно, а мысль о кружке пива в соседнем кабаке заставляла кровь быстрее бежать по жилам». (Пер. Озерской, стр. 93).

В английском тексте слова 'кружка' нет, но 18 человек из переведивших эту фразу 22-х вставили это слово, то есть 82%. Следовательно, это не случайность, а закономерность русского словоупотребления.

При переводе второй фразы. «После ночной смены он чувствовал себя, как крыса, выползшая на свет божий из канализационной трубы» – выражение 'на свет божий' (вместо английского «на свет дня») совпало у 36% писавших. В переводе третьей фразы: «...шахтеры спустились по веревочной лестнице, на которой не удержалась бы даже и муха» – 61 % писавших заменили буквальное «за которую не могла бы уцепиться и муха». Наконец, даже сугубо контекстуальный перевод междометия *hasn't got a bloody dog's chance* «черта с два!» совпал у шести писавших из восемнадцати (то есть 33%). Совпадения получились и в остальных случаях, при переводе таких фраз (совпавшие места выделены): «...человек не может *отгородиться от жизни*», «нет лучшего способа, как *потереться в их обществе*», «с какой *подчеркнутой вежливостью* он обращался с ней», «а мы как раз собирались посылать за тобой», «*а ну-ка пощупай*». Правда, совпадения в переводе этих четырех фраз были менее часты. Только при переводе одной фразы из десяти ни у одного из писавших упражнение не получилось варианта, совпавшего в переводах Серпинского и Озерской: «Что, по шпаргалке жарить, Джо?», хотя и был

близкий вариант: «С чужого голоса поешь, Джо?» Буквально в английском тексте: «Проглотил словарь, Джо?»

Таким образом, эксперимент полностью опровергает утверждение экспертов МГУ, что совпадения контекстуальных переводов исключаются.

Маскировка плагиата?

Для подкрепления своей шаткой аргументации истец выдвинул против Т. Озерской обвинение в «маскировке плагиата», и в этом его поддержали эксперты МГУ. На стр. 57–58 судебного Дела приводится список «примеров замещения синонимов» в переводе Озерской, якобы имеющих целью «замаскировать плагиат». Приводим этот список полностью:

У Серпинского	у Озерской
потом	затем
почему	зачем
Кассиди Холм	Кассиди Хилл
хелло!	привет!
рыдает	плачет
иммортели	бессмертники
ревела	выла
собрание	митинг
рояль	фортепьяно
Газета «Уоркер»	газета «Рабочий»

Совершенно очевидно, что такой список «маскировочных синонимов» можно было бы продолжить до бесконечности, взяв их из любых двух переводов одного и того же произведения.

Поскольку 308 000 из 337 000 слов в переводе Озерской не совпадают с переводом Серпинского, истец мог бы с таким же основанием считать все эти 308 000 слов «маскировкой плагиата». Может быть, за одним исключением: в гостинной Мак Суини было фортепьяно, как об этом упоминалось в первой части трилогии Причард «Девяностые годы» в переводе Озерской, а не рояль⁴.

⁴ Англичане обычно пользуются одним словом *piano*, дифференцируемым при переводе на русский язык.

При сличении переводов для установления их самостоятельности большое значение имеет сходство или различие синтаксического рисунка, особенно же там, где грамматические средства используются автором в стилистических целях. Необходимо отметить совершенно различный подход переводчиков «Золотых миль» к передаче синтаксической ткани произведения. В переводе Серпинского – явная склонность к синтаксическому буквализму. Переводчик часто попадает в плен английской конструкции предложения. Сложноподчиненное предложение остается в его переводе сложноподчиненным, сложносочиненное – сложносочиненным, прямой порядок слов – прямым, обратный – обратным. Даже специфические конструкции английского языка с единым подлежащим (централизованные конструкции) передаются им дословно. В результате у него нередко получаются тяжеловесные, рыхлые предложения, стилистически неполноценные, затемняющие смысл высказывания.

Напротив, Озерская часто творчески перерабатывает английскую фразу, соотносясь с законами русского языка и естественным течением мысли. Вот несколько примеров:

"Tom was thinking about that, and what Nadia had been saying the night before, about this war that was brewing..." (p. 95).

«Том думал об этом, думал и о том, что говорила ему Надя...» (Пер. С. Серпинского, стр. 91.)

«Том крепко задумался над словами Тэда; ему припомнилось, что и Надя говорила о назревающей войне». (Пер. Т. Озерской, стр. 91.)

"Ted worked stripped to the waist, as Tom was, and cursed the ventura which was out of order; but he was pleased with the rock he had brought down" (p. 96).

«Тэд работал, скинув рубаху, как и Том, и проклинал испорченный вентилятор, зато

радовался, что попал на хорошую жилу». (Пер. Серпинского, стр. 92.)

Это наивное противопоставление ('проклинал вентилятор, зато радовался') никак не подсказывается текстом. Иначе у Озерской:

«Тэд, так же как и Том, скинул рубаху и работал голый по поясу, проклиная вентилятор, который вышел из строя. Впрочем, он был доволен отбойкой — напал на хороший пласт...». (Пер. Озерской, стр. 92.)

Чтобы не получилось противопоставления, Озерская вообще разбила предложение на два.

Озерская нередко прибегает к замене косвенной речи несобственно прямой, что вполне оправдывается и общим стилем повествования, и тем, что автор дает речевые характеристики и в косвенной речи. Перевод повествования в несобственно прямую речь придает изложению выпуклость и яркость.

"Of course, she knew Tom had a good head on his shoulders" (p. 54).

«Разумеется, у Тома незаурядные способности — ей ли этого не знать». (Пер. Озерской, стр. 49.)

И буквальное воспроизведение английской фразы в другом переводе:

«Конечно, Салли знала, что у Тома хорошая голова на плечах». (Пер. Серпинского, стр. 51.)

"Dick had the brains, his mother was sure" (p. 53).

«Конечно, Дик способный малый — Салли в этом не сомневалась». (Пер. Озерской, стр. 49.)

«Мать никогда не сомневалась в том, что Дик способный мальчик». (Пер. Серпинского, стр. 50.)

Грамматический буквализм нередко приводит Серпинского к косноязычию:

«Но Пэдди протянул деньги столь величественным жестом, что она не нашла слов для ответа; ей очень хотелось рассмеяться ему в лицо и отказаться от такого фальши-

вого благородства, но нужно было думать об образовании Дика, а потому не следовало пренебрегать никакой суммой, если ее можно добавить к сбережениям для этой цели». (Пер. Серпинского, стр. 51.)

"But Paddy tendered it with such a magnificent gesture, she was taken aback: would have liked to smile and reject his spurious generosity. There was Dick's education to think of, however, and no sum of money was to be disdained if it added to her fund for that purpose" (p. 54).

Легко и естественно звучит эта фраза в переводе Озерской, где стилистически отточенно передана несобственно прямая речь:

«Но Пэдди таким величественным жестом протянул ей эту бумажку, что она растерялась. Ей хотелось рассмеяться ему в лицо и отвергнуть его мнимые благодеяния, но мысль о Дике остановила ее. Нет, она не имеет права отказываться от этих денег сейчас, когда дорог каждый пенни». (Пер. Озерской, стр. 50.)

Стоит привести еще один пример, где особенно важно было передать живые интонации несобственно прямой речи:

"His mother was dismayed at the prospect of Dick having to undertake the responsibilities of a home of his own while he was still so young and had such a small salary. But Laury, it seemed, agreed with Amy that she and Dick might as well be married, as remain engaged for a long time, or until he got a better position" (p. 21).

«Салли беспокоила мысль, что Дикку придется стать главой семьи, а он еще так молод и совсем необеспечен. Но Лора как будто соглашалась с Эми, что им лучше пожениться, чем оставаться помолвленными в ожидании, пока Дик не займет более выгодного положения» (Пер. Серпинского, стр. 20.)

Пример наглядно показывает, что Серпинский не замечает несобственно прямой речи в оригинале и не передает ее. Копируя многоэтажную структуру английского предложения, он не только обесцвечивает повествование, но превращает его в какую-то жвачку. Иное дело у Озерской:

«Миссис Гауг была далеко не в восторге от того, что ее Дик так рано, еще не оперившись, должен обзавестись своим домом и взвалить себе на плечи все тяготы семейной жизни. Но Лора, по-видимому, была на стороне Эми.

Раз уж они обручены, так почему бы им не пожениться, неизвестно, когда-то еще Дикку прибавят жалованье и сколько им придется ждать». (Пер. Озерской, стр. 16.)

Английское *might as well* дает полное право толковать дальнейшее как мысли Лоры и перевести фразу в план несобственно прямой речи, что и сделано в переводе Озерской.

В общем, проанализировав и сопоставив синтаксический рисунок обоих переводов, комиссия установила, что перевод Озерской резко и принципиально отличается от перевода Серпинского полным отсутствием грамматического буквализма, частым изменением грамматических категорий подлинника и широким применением несобственно прямой речи. В то же время перевод Озерской прекрасно передает живые интонации речи персонажей и авторского повествования и непосредственно связан с подлинником.

К приведенным выше пространственным примерам стоит вернуться совсем по иному поводу. Они неопровержимо доказывают, что и в отношении выбора слов перевод Озерской не стоит ни в какой зависимости от перевода Серпинского. В самом деле, в последнем примере сколько слов в переводе Озерской совпадают с переводом Серпинского? Только одно-единственное слово из 73-х — «пожениться»! Все остальное переведено иначе. В первом переводе: «Салли беспокоила мысль», во втором: «Миссис Гауг была далеко не в восторге», в первом: «что Дикку придется стать главой семьи», во втором: «что Дик должен обзавестись своим домом», у Серпинского: «Но Лора как будто соглашалась с Эми», у Озерской: «Но Лора, по-видимому, была на стороне Эми», у Серпинского: «им лучше

пожениться, чем оставаться помолвленными», у Озерской: «Раз они обручены, так почему бы им не пожениться?»

И несмотря на такое резкое расхождение переводов, истец и его защитники утверждают: раз слово ‘пожениться’ совпадает, стало быть оно украдено. А остальные 72 слова — маскировка плагиата?

Об ошибках в сопоставляемых переводах

Несмотря на редакторскую правку (к сожалению, в издательстве не сохранилось рукописи и потому установить, какова была эта правка, оказалось невозможно), мы насчитали в переводе Серпинского свыше трехсот ошибок, неточностей и неоправданных отступлений от подлинника, не говоря уже о многочисленных и тоже ничем не оправданных пропусках отдельных слов и выражений, по-видимому просто непонятых переводчиком.

Нельзя сказать, что и перевод Озерской абсолютно безупречен. В нем также есть мелкие неточности и отступления от подлинника. В общей сложности их не более двадцати. И все они иные, чем ошибки Серпинского. Вот характерный пример:

Перевод Серпинского

Золото не давалось Моррису в руки, он считал себя неудачником, хотя еще и возился с акциями. Салли не сердилась, если он иной раз впадал в азарт. Но в остальном он чувствовал себя удовлетворенным. Жизнь научила его тому, к чему многие только стремились, но никогда не достигали, — здравому смыслу, не позволявшему желать больше того, что могла дать проза будничного существования. И все же это существование не было таким уж будничным: с ним была Салли и мальчики; они создавали ощущение семейного счастья (стр. 37–38).

Перевод Озерской

Но Моррису не везло, и он решил, что, значит, не судьба. Впрочем, он и сейчас еще изредка поигрывал на бирже, и Салли мири-

лась с этим, понимая, что ему необходима время от времени встряска. Моррис в сущности был доволен своим существованием; он достиг того, что недоступно большинству, ни к чему больше не стремился, довольствовался тем немногим, что у него было. В конце концов, благодаря Салли и сыновьям, жизнь его была не так уж однообразна и уныла. Знать, что у тебя крепкая и дружная семья, — уже счастье (стр. 35).

Проанализировав около двадцати больших абзацев в переводе Озерской и Серпинского, мы поняли, почему процент совпадающей лексики и фразеологии в них так ничтожен (9% по сравнению со средним показателем совпадений 42% в сопоставленных переводах, как это указывалось на стр. 45). Когда переводы выполняются на высоком профессиональном уровне опытными переводчиками, то часто они избирают тот оптимальный вариант, который как бы напрашивается для передачи мысли на русском языке! Но когда перевод ремесленный, сделанный неопытной рукой, то оптимальный вариант не используется, и переводчик не попадает в цель, то и дело давая промах. Вот почему в переводе Озерской так мало совпадений с переводом Серпинского.

Наконец, для доказательства наличия плагиата обвинением использован еще один аргумент: совпадение ошибок. В самом деле, если ошибки и неоправданные отступления от подлинника одного перевода повторяются в другом переводе, то это доказывает, по меньшей мере, что второй переводчик заглядывал в первый перевод. В Приложении № 2 (стр. 17–21 *судебного Дела*) эксперты МГУ приводят 14 примеров «тождественных отступлений от оригинала», которые, по их мнению, «не могут быть случайными» (стр. 17.). Правда, часть этих «тождественных отступлений» оказалась вполне закономерной, как, например, неправильное написание имени Олф (Альфред), так как выяснилось, что именно так писалось это имя еще в переводе первой части трило-

гии Причард «Девяностые годы».

Но эксперты МГУ игнорируют переведенную Озерской первую часть трилогии и потому не учитывают, что переводчик может и должен сохранять известную преемственность в своей работе.

Так, например, они обвиняют Озерскую в слепом подражании Серпинскому, цитируя следующую фразу:

«Билл, конечно, хороший малый. Приглашая его на чашку чаю, Моррис знал, как рад будет Билл познакомиться свою жену с миссис Салли». (Пер. Озерской, стр. 36.)

Эксперты МГУ пишут: «В оригинале отсутствует слово ‘миссис’, да оно и не может там быть, как и не должно быть в переводе, так как автор передает мысли мужа о своей жене и включение слова ‘миссис’ в перевод ничем не оправдано» (стр. 19 *судебного Дела*).

Но и в первом переводе это роковое слово присутствует:

«Но Билл – славный малый, и когда Моррис приглашал его к чаю, он знал, как приятно будет Биллу познакомиться свою жену с миссис Салли». (Пер. Серпинского, стр. 38.)

Вполне вероятно, что оба переводчика вставили слово ‘миссис’ для благозвучия. Но эксперты обнаруживают поразительное незнание обычаев стран, говорящих на английском языке: и в Англии, и в США, и в Австралии муж, говоря о своей жене в третьем лице, часто называет ее ‘миссис’. Во всяком случае, Моррис фиц Моррис Гауг, из английской аристократической семьи, делает это. На стр. 245 романа «Девяностые годы» мы читаем:

«Уговоры Фриско еще более укрепили Морриса в его решении, “Миссис Гауг сама этого хочет”, – сказал он».

Каковы же остальные «повторения ошибок, допущенных при переводе первого издания», дающие право экспертам МГУ утверждать, что их «буквальное воспроизведение является совершенно неопровержимым доказательством прямого заимствования (плагиата) перевода из

первого издания» (стр. 13 *судебного Дела*)?

Во-первых, все остальные девять «ошибок», о которых говорят эксперты, по существу не являются ошибками, так как ни одна из них не искажает смысла подлинника. Во-вторых, во всех девяти случаях эксперты разбирают перевод отдельных слов. И, наконец, они опять предлагают совершенно ошибочный способ буквального перевода, неприемлемый для перевода художественного произведения.

На стр. 83 у Серпинского: «Говорят, ты в жожаках ходишь в профсоюзе горняков», у Озерской: «...говорят, жожаком заделался в союзе горняков» (стр. 82). Хотя австралийское слово означает ‘штатный оратор’, ‘пропагандист’, но в данной ситуации оно, несомненно, означает ‘начальство’, ‘вожак’.

О молодой туземке Маритане на стр. 14–15 оригинала говорится:

“Maritana had become a tall, scraggy woman, with skin like dirty brown paper, sagging on her high cheek bones”.

«Маритана стала высокой, тощей женщиной; ее кожа, обтянувшая выступающие скулы, походила на грязную коричневую бумагу». (Пер. Серпинского, стр. 13.)

«Маритана превратилась в долговязую костлявую женщину; сухая, темная, как оберточная бумага, кожа обтягивала выступающие скулы». (Пер. Озерской, стр. 9.)

В этой фразе эксперты считают ошибкой слово ‘обтягивала’ и предлагают свой, более «естественный» перевод: «обвисавшая на ее выступающих скулах кожа» или «свисающая складками» кожа (стр. 18 *Дела*), что было бы несуразно. Кстати, они не заметили ошибки Серпинского: brown rareg по-английски: ‘оберточная бумага’, как не заметили и нелепости: взрослая женщина ‘стала высокой’.

Явно не выдерживает критики и третий пример «повторенных ошибок»: “...there’s nothing Paddy can fasten on him” (р. 48). Оба переводчика написали ‘повредить’, а не ‘пришить’, как предлагают эксперты.

В четвертой фразе: «Она сообщила Тому о своей размолвке с Пэдди и обо всех его намеках» (*пер. Серпинского, стр. 67*), слово 'намеки' совершенно закономерно взято из предшествующего изложения. Пэдди действительно намекал на то, что если он попадет в незаконной скупке золота, то мужу и сыновьям Салли тоже не сдобровать. Эксперты МГУ опять предлагают дословный перевод: «и что Пэдди сказал о нем и его отце» (*стр. 20 Дела*), что равным счетом ничего не говорит читателю.

Никак нельзя признать ошибкой перевод Озерской и в шестом примере:

«Лучше быть неотшлифованным алмазом, чем поддельным бриллиантом» (*стр. 54*).

«Лучше быть неотшлифованным бриллиантом, чем модной подделкой». (*Пер. Серпинского, стр. 55*.)

Неотшлифованных бриллиантов не бывает. Эксперты МГУ предлагают свой перевод: «... чем фатом, шеголяющим показным блеском» (*стр. 20 Дела*).

Однако нелепо сравнивать бриллиант (или алмаз) с... фатом. В переводе Озерской логика сравнения восстановлена.

Выхватывая отдельные слова и обороты фраз из текста для доказательства плагиата, эксперты МГУ сделали особое ударение на совпадении следующей, как они полагают, ошибки:

«... и слишком большой дурак, чтобы понимать это». (*Пер. Серпинского, стр. 34*.)

«Этакого дурака чуть не сваяля». (*Пер. Озерской, стр. 32*.)

На первый взгляд можно действительно принять такой перевод за ошибку, если считать, что каждое слово должно переводиться отдельно. Эксперты полагают, что Серпинский ошибся, приняв слово full за fool, а Озерская просто списала его ошибку. Но сопоставим оба перевода высказывания в целом:

«Дубина, вот кто я был. – У Динни на лице изобразился ужас. – И слишком большой дурак, чтобы понимать это. Девчонка удрала с моим чеком на тысячу фунтов. Как подумаю,

что был на волосок от гибели, перестаю жалеть о деньгах». (*Пер. Серпинского, стр. 34*.)

«Помилуй Бог, было такое дело! – на лице Динни отразился испуг. – Этакого дурака чуть не сваяля, да девчонка удрала с моим чеком на тысячу фунтов. Как подумаешь, что был на волосок от гибели, так и денег этих не жалко». (*Пер. Озерской, стр. 32*.)

"Gord, so I was." Dinny looked scared. "And too full to know it. The girl got away with my cheque for 1.000. When I think of the narrow escape I had, I don't begrudge her the money" (*p. 37*).

В данном случае можно легко допустить, что оба переводчика в силу понятного психологически смешения слов одинаково неправильно прочитали fool вместо full. Но в целом фраза передана в двух переводах по-разному.

Тот факт, что из трехсот с лишним ошибок и неточностей в переводе Серпинского по существу встречается в переводе Озерской только одна, лишняя раз свидетельствует о самостоятельности перевода Озерской.

О передаче художественного замысла автора

Не углубляясь в стилистический анализ обоих переводов, мы считаем необходимым в заключение отметить, как по-разному оба переводчика раскрывают содержание романа. У Серпинского в среднем не меньше двух ошибок на каждой из 114 страниц перевода. Ему ничего не стоит ругательство превратить в лошадь, о спекулянте-биржевике сказать, что он хочет купить любовь молодой девчушки, как скот на рынке (stock, конечно, пакет акций). Но гораздо важнее, что он искажает идейную направленность романа. Вот некоторые примеры:

«Может быть, я старый болван, говорил он себе; ведь я до сих пор считал, что рабочий класс Австралии неплохо действовал в прошлом, а сейчас может создать новый закон и порядок путем постепенного изменения капиталистической системы или добиться

реорганизации профсоюзов по плану Чарли О'Рэйли». (Пер. Серпинского, стр. 77.)

У Озерской ошибки нет: Динни Куин вовсе не ставит на одну доску изменение капиталистической системы и... реорганизацию профсоюзов:

«Быть может, я старый дуралей, думал Динни, но мне как-то не верится, что рабочий класс Австралии, который совсем неплохо боролся за свои права в прошлом, не сумеет добиться новых порядков и законов путем постепенных преобразований капиталистической системы или хотя бы путем реорганизации профсоюзов по плану Чарли О'Рэйли» (стр. 76.)

В переводе Серпинского вдова рудопромышленника, погибшего в шахте, жалуется:

«Ух, как трудно мне было бы раздобыть у этих толстопузых грабителей на похороны моего старика» (стр. 68.)

Можно подумать, что “толстопузые грабители”, то есть шахтовладельцы, жертвуют на похороны своих рабочих. В действительности она жалуется на другое:

«...Если бы не вы, мистер Гаут, так просто и не знаю, где бы я взяла денег похоронить моего старика. Ведь все эти обдиралы из нового похоронного бюро рады случаю набить себе карман за счет убитых горем вдов и несчастных сирот». (Пер. Озерской, стр. 67.)

В обвинительном акте против Озерской фигурирует «кража» слов ‘мой старик’ из этой фразы, которая в переводе Серпинского искажена. Таких случаев десятки: истец и его помощники были лишены возможности сослаться на какие бы то ни было фразы целиком: приходилось пользоваться обрубками фраз, чтобы не демонстрировать ошибок первого перевода.

На стр. 74 Серпинский спутал «Международное товарищество рабочих» с «Индустриальными рабочими мира». Там же читаем:

«Мысль о тяжелой работе под землей приводила его в отчаянье. Он был уверен, что в конце концов доведет десятника и штейгера до такого бешенства, что все равно придет-

ся уволиться». (Пер. Серпинского, стр. 74.)

На самом деле Чарли вовсе не собирается увольняться по собственному желанию. Правильно у Озерской:

«Рано или поздно все кончалось тем, что он такого наговорит штейгеру или десятнику, что его тут же вышвырнут вон» (стр. 73).

Тому Гаугу, этому лучшему представителю сознательных рабочих, вообще не повезло в переводе Серпинского, который безо всяких оснований сделал его циником:

– Эми не терпится выскочить замуж? – спросил Том.

– Чем скорее, тем лучше, – говорит она.

– Превосходно, что же тут плохого? Это что-нибудь да значит, когда девушка так и рвется (стр. 80).

Но в английском подлиннике is willing, в чем нет и тени цинизма. Кроме того, Том не мог цинично говорить о невесте брата, которого он «слепо и беззаветно обожал» (стр. 83). Поэтому зря истец упрекает Озерскую в том, что у нее: «...когда девушка так и рвется к тебе».

Даже образ главной героини романа Салли Гауг искажен в переводе Серпинского, который делает ее набожной христианкой. Пьяный горняк Динни Куин говорит ей:

«А священники только и твердят беднякам – вы уж меня, хозяйка, простите: “На земле тебя обидели, на небе воздастся”» (стр. 109).

Получается так, будто Динни просит извинения за то, что оскорбил ее религиозные чувства. На самом деле он извиняется совсем по другой причине:

– А попы долбят нам в уши, что за нашу дермовую... – прошу прощения, мэм, – жизнь на земле нам воздастся сторицей на небе. (Пер. Озерской, стр. 110.)

В подлиннике действительно довольно грубое словцо.

Общий вывод из сопоставления переводов был сделан еще 25 декабря 1960 г. профессором Р.М. Самариным, который написал, что после тщательного озна-

Заказчик – переводчик

комления с обоими переводами он пришел к выводу, что «...художественные особенности работы Т. Озерской настолько отличаются от манеры перевода С. Серпинского, что вопрос о плагиате, на мой взгляд, отпадает».

Выводы комиссии экспертов 1-го МГПИИЯ обсуждались на заседании кафедры перевода 25 апреля 1961 г. и были утверждены единогласно.

Московский городской суд в заседании от 25 октября 1961 г. под председательством члена коллегии Б. М. Калабина постановил в иске Серпинскому отказать. Интересна мотивировка суда:

«...Перевод Озерской резко отличается от перевода Серпинского по творческим приемам и художественным качествам и синтаксическому рисунку... Лексические и фразеологические совпадения в двух переводах носят закономерный характер как постоянные соответствия в английском и русском языках или как контекстуальные соответствия, подсказанные конкретной ситуацией» (*лист 457-й судебного Дела*).

Остается сказать несколько слов об эпилоге этого процесса. С. Серпинский обжаловал решение Мосгорсуда, требуя признать заключение экспертов МГПИИЯ недействительным. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР в судебном заседании от 8 декабря 1961 г. определила: «Решение Мосгорсуда от 25 октября оставить в силе, а жалобу С. Серпинского – без удовлетворения».

На этом можно поставить точку.

Почти серьезно...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА (окончание)

И действительно, заставить переводчика демонстрировать высокий профессиональный уровень на протяжении всего рабочего периода может только одно: он должен быть робок. Боязнь не оправдать доверия издателя и вследствие этого остаться в дальнейшем без работы, подогреваемая алчностью, не позволяет исполнителю халтурить. Нужно отметить, что самоуверенность исполнителя оказывается губительной для качества перевода и по другим причинам: она мешает специалисту лишней раз заглянуть в словарь, поискать более удачный вариант трудной фразы, а в предельном случае может вообще заглушить голос совести, требующий от переводчика максимально ответственного отношения к поставленной перед ним задаче.

Наконец, плодотворный творческий процесс может иметь место лишь в том случае, если переводчик обладает еще одной характерной особенностью: для успешных занятий переводом он должен питать непреодолимое отвращение ко всем видам человеческой деятельности, способным обеспечить человеку приличный заработок. Психологическим коррелятом подобного отвращения является неспособность переводчика заниматься, во-первых, любыми видами физического труда и, во-вторых, всеми разновидностями умственного труда, которые востребованы обществом, то есть выполнять работу адвоката, экономиста, репортера и т.д. Такая неспособность, в свою очередь, объясняется тем, что человек ощущает свою обособленность и даже изолированность от общества; подобное чувство можно считать симптомом легкой формы аутизма, граничащего с социопатией.

Итак, подведем итоги: каким же представляется нам идеальный переводчик? Это человек, обладающий врожденной грамотностью и знающий хотя бы один иностранный язык, но не имеющий ярко выраженной индивидуальности; он ленив, умеренно алчен, застенчив и неуверен в себе и вдобавок страдает легкой формой аутизма либо социопатии.

Мечь переводчика

В.К. Ланчиков

Много лет назад мне пришлось письменно переводить на английский доклад высокопоставленного чиновника, ведавшего вопросами образования. Доклад предназначался для международной конференции.

Отвертеться я не мог, а переводить как не хотелось. И не только потому, что предстояла работа с текстом, который в первую очередь не мешало бы перевести на русский. Имелась и другая причина: обида за профессию. Я помнил, что примерно неделю назад этот самый чиновник в телевизионном выступлении рассуждал: «Да зачем вообще учить студентов переводу? Вот я: освоил английский – и прекрасно обхожусь без переводчиков. Языку надо учить, языку!»

И вот, корпя над пишущей машинкой, пытаюсь извлечь из казённо-научно-образной зауми хоть что-то похожее на смысл, я то и дело бросаю работу и раздражался желчными тирадами: «На кой тебе чёрт переводчик понадобился, Полиглот Цицеронч? Знаешь английский – ну и докладывай по-английски».

Но при тогдашних обстоятельствах толку от этих причитаний было не больше, чем от ропота на несовершенство мироздания. Я вернулся было к переводу, и тут мне вспомнилась одна история переводческого свойства, случившаяся в начале XX века.

Чтобы оценить её прелесть, надо сперва познакомиться с её главным действующим лицом.

В 1881–1918 гг. в Москве издавалась газета под названием «Московский листок», пользовавшаяся необычайным успехом прежде всего у тех, кто обычно газет не читал: приказчиков, лавочников, извозчиков, мастеровых. Её основателем и до 1911 г. издателем был Николай Иванович Пастухов, человек-легенда – уже хотя бы потому, что отделить в его биографии правду от вымысла невозможно. Гжатский мещанин, ставший на газетном поприще чуть ли не миллионером. Ловкач, который в юности изобразил в балагане «дикого человека из Австралии», евшего живых голубей, а в зрелом возрасте был гостем на балу у президента Франции Сади Карно. Автор сенсационного романа «Разбойник Чуркин», которым зачитывались дворники, подмастерья и горничные. (Роман печатался в «Московском листке» с продолжением, по определённым дням, и в эти дни, как вспоминает современник, «тираж газеты поднимался на такую высоту, которой ни одна из московских газет никогда не достигала. Номера газеты с «Разбойником Чуркиным» у разносчиков брались нарасхват».) И притом – отчаянный разоблачитель, протаскивавший в своей газете недобросовестных торговцев, хапуг-околоточных и купцов, тиранящих домашних и прислугу. (В одном юмористическом журнале была помещена карикатура: под забором лежит пьяный Пастухов. Подошла свинья, толкает его рылом. Пастухов огрызается: «Не трогай, а то обличу!»)

Заказчик – переводчик

Выразительный портрет Пастухова оставил в книге «Москва газетная» В.А. Гиляровский (который, кстати, и сам печатался в «Московском листке» и по заданию издателя собирал материалы для «Разбойника Чуркина»). Есть в этой книге эпизод, имеющий прямое отношение к переводу.

Случилось это во время первой поездки Пастухова (уже прославившегося как издатель «Московского листка») во Францию. Сопровождал его сотрудник, Н.С. Иогансон, слывший знатоком иностранных языков. На самом деле ни один, ни другой французским не владели. Но, уезжая из Москвы, на шутки провожавших отвечали: «Ладно! Смейтесь тут! А мы станем Францию удивлять».

Далее приведу события в изложении Гиляровского.

«Первое “удивление” было вызвано тем широким барским масштабом, в какой Н.И. Пастухов поставил свой ежедневный обиход.

Номера он и в Париже, и в Лионе занимал самые дорогие и самые лучшие, на “водку” прислуге раздавал деньги щедрой рукой, обязательно сопровождая каждое приношение приветом:

– Вуаля! Алле!

Экипажи он заказывал себе самые дорогие и, легко и приветливо знакомясь со всеми, угощал при этом всех такими лукулловскими обедами, что среди всей прислуги ресторанов и отелей известен был под лестным именем “боярина”.

Наступил день банкета, который город пожелал дать прессе, и представителям седьмой державы разосланы были почётные приглашительные билеты.

Получили такие билеты и Н.И. Пастухов и Н.С. Иогансон, которым было отведено видное место.

Во всех концах стола шла оживлённая беседа, только “бояре” ели молча, потому что никакого разговора поддержать не могли.

Когда предложены были тосты за всех почётных посетителей, один из представите-

лей муниципалитета попросил слова, поднял бокал за присутствовавшего на банкете представителя широко распространённой газеты, издающейся в Москве, этой исторической колыбели России, близкой, понятной и дорогой всему просвещённому миру.

Поднимая бокал, он обратился к Н.И. Пастухову и низко, почтительно поклонился ему.

Оба “боярина” наши сконфузились и растерялись.

– Николай Степанович, чего они? – конфузливо проговорил Н.И. Пастухов, обращаясь к Н.С. Иогансону.

– Ваше здоровье пьют, Николай Иванович, речь вам сказали. Ответить надо, – шепнул в ответ Н.С. Иогансон.

– Ну, вот ещё выдумал! Нешто я могу... Ты за меня скажи.

– Да я тоже не могу, Николай Иванович... – сознался шёпотом “лингвист”.

Со стороны моряков, которых по целым дням неумоимо угощал “боярин”, тоже последовала приветственная речь по его адресу.

– Надо сказать что-нибудь, Николай Иванович! Непременно надо! – убедительно прошептал Н.С. Иогансон.

Пастухов и сам, вероятно, понял необходимость ответить на адресованные к нему приветствия, и, поднявшись с места, он низко раскланялся на все стороны и коротко и прочувственно сказал:

– Спасибо, голубчики...

– Что он сказал? – раздалось со всех сторон, когда сдержанный оратор опустился на своё место.

Французы, присутствовавшие на банкете, по-русски не понимали, и все обратились за разъяснением и переводом к сидевшему в центре стола секретарю нашего посольства в Париже Нелидову.»

Позволю себе поправить неточность. Александр Иванович Нелидов был не секретарем посольства, а не больше не меньше как русским послом во Франции. Гиляровский недооценил пикантность положения: заслуженный дипломат, товарищ министра иностранных дел, бывший

посланник России в Константинополе, с мнением которого считалось правительство Великой Порты, вынужден выступить в роли переводчика. И при ком! При издателе «Кабацкого листка» (как называли «Московский листок» недруги), загулявшем купчине, который позорит русское общество перед французами. Изволь переводить этих «голубчиков». Точно не к именитым французам обращается, а к охотнорядским сидельцам.

Словом, легко вообразить, что творилось на душе у Нелидова в эту минуту. Ему явно хотелось выставить стоеросового невежу на посмешище. Сделать это было проще простого: Нелидов, великолепно говоривший по-французски, без труда мог перевести «голубчиков» столь же разухабисто-фамильярным обращением.

Но – престиж державы...

В Нелидове чувство (уязвленное самолюбие, досада на дремучего «боярина») боролось с долгом. Долгом дипломата и переводчика. Если взглянуть на дело глазами переводоведов, можно сказать, что чувство толкало воспользоваться для перевода стилистически эквивалентными средствами, долг же требовал прибегнуть к прагматической адаптации.

И Нелидов (что значит дипломат!) нашел соломоново решение.

Гиляровский описывает дальнейшее так.

Нелидов «к числу друзей Н.И. Пастухова не принадлежал, находил, что он “компрометирует русское общество”, но, вынужденный настоятельностью обращённых к нему вопросов, пресерьёзно ответил, подстрочно переводя коротенький привет Н.И. Пастухова: “Спасибо, голуби!”

Характерный эпизод этого оригинального привета и его не менее оригинального перевода быстро облетел весь стол и в тот же день сделался достоянием всего съехавшегося общества».

Переводческое решение, что и говорить, необычное и, понятно, не для всех

случаев подходящее. В обычных условиях отношение переводчика к своему подопечному – дело сугубо личное и на переводе сказываться не должно.

А с другой стороны, эта история – хороший урок тем «подопечным», которые требуют переводить их, «ничего не изменяя и не добавляя». (Всякий переводчик знает: хуже нет, чем работать с клиентом, имеющим некоторое представление об иностранном языке и не имеющим никакого представления о переводческом ремесле. Замучает нелепыми поправками и придирками.)

Вернусь к тому дню, когда я сидел за пишущей машинкой и бился над чиновничьими словесными вензелями. Вспомнил я историю о Пастухове, снова вспомнил телевизионное выступление своего клиента и, вдохновленный примером Нелидова, решил: «Узнаешь ты у меня, нужно учить переводу или не нужно!»

Мой план мести строился на том, что я переводил доклад – то есть текст, рассчитанный на устное воспроизведение. Писавшие доклад референты моего заказчика (не сам же он, сердешный, утруждал себя писанием: уровень не тот) либо не учли этого обстоятельства, либо руководствовались тем, что их патрон будет выступать, лишь отчасти придерживаясь заготовленного текста. Так или иначе, синтаксис выступления – тяжелый, путаный, вязкий – на слух воспринимался бы невразумительно.

Профессиональная добросовестность требовала, чтобы при переводе я распутал синтаксические узлы, упростил строй фразы (заказчик-то будет выступать устно, причем на чужом языке), сделал мысль доходчивее – словом, прибег к прагматической адаптации.

Но навык таких преобразований вырабатывается при обучении; если же клиент считает, что переводу учить не надо, пускай получает перевод, выполненный без такого навыка.

Заказчик – переводчик

Ни оригинала, ни перевода доклада у меня не сохранилось. Однако постараюсь показать свою тогдашнюю переводческую стратегию на таком примере. Представьте, что вы переводите переговоры американского и российского дипломатов. Среди прочего американец произносит: *“I know you believe you understand what you think I said, but I am not sure you realize that what you heard is not what I meant.”* (Смех смехом, но это подлинное изречение председателя совета правления Федеральной резервной системы США Алана Гринспена.) Если освободить эту фразу от завитушек, смысл прост: *«Вам, конечно, кажется, что вы меня поняли, но, по-моему, вы поняли меня неправильно»*. В указанных условиях именно так и можно перевести. Тут важен не орнамент, а то, что под орнаментом скрывается.

Иное дело, если бы это высказывание встретилось в художественном тексте – там оно служило бы хорошим средством речевой характеристики и переводчик просто обязан был бы сохранить его словесную лепнину. Хотя бы так: *«Я знаю, вам кажется, будто вы поняли, что я сказал, но, по-моему, от вас ускользнуло, что мои слова заключают в себе не тот смысл, который вы в них углядели»*. Перевод не буквальный, но архитектурных излишеств, как и в оригинале, предостаточно.

И я пошел по второму пути. Переводил, добросовестно воспроизводя бюрократическое барокко и делая вид, будто мне и невдомёк, что текст перевода будет произноситься вслух. Уличить меня в коварстве мог бы только свой брат переводчик. Дилетанту же можно было возразить: *«А что вас, собственно, не устраивает? Смысл передан точно. И стиль воспроизведен. Буквализм? Помилуйте, где вы видите буквализм? Ах, читать трудно? Ну, это упрек не ко мне»*.

Не знаю, как справился мой клиент с выступлением, но можно не сомневаться: попотеть ему пришлось. Ему,

конечно, и в голову не пришло, что переводчик всего-навсего сделал вид, будто он понятия не имеет о необходимости соотносить отдельные приемы и всю стратегию перевода с конкретными условиями, с намерением говорящего, с возможным восприятием слушателей – короче говоря, со всем тем, что составляет понятие «прагматика перевода».

Почти серьезно...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА (окончание)

Ко всему этому следует добавить высокую психологическую устойчивость, способную исключить возможность нервных срывов и обеспечить стабильный выход продукции. Если человека, обладающего всеми этими качествами, поставить в тяжёлые жизненные условия или позволить ему оказаться в них самому, что при отсутствии финансовых вливаний извне происходит довольно скоро, у него появляются шансы для исключительно успешной самореализации на ниве художественного перевода.

В заключение хотелось бы сделать два дополнительных замечания. Во-первых, далеко не каждый индивидум, обладающий вышеперечисленными качествами, действительно способен превратиться в идеального переводчика. Для этого необходимо наличие некоей трансцендентной психологической составляющей, способной одушевить и привести в движение весь обрисованный нами психологический комплекс. К сожалению, характер этой составляющей и методы ее диагностирования пока остаются неизвестными.

Во-вторых, хотя сам докладчик – то есть я – считает себя не лишенным некоторых черт, составляющих основу личности идеального переводчика, он – то есть я – полностью осознает ту пропасть, которая отделяет его от идеала. Я говорю это затем, чтобы насмешливый писатель или какой-нибудь издатель замысловатой клеветы, сличая здесь мои черты, не повторял потом безбожно, что намарал я свой портрет (как Байрон, гордости поэт), как будто нам уж невозможно читать доклады о другом, как только о себе самом.

Благодарю за внимание.

Технология Translation Memory

В.Н. Грабовский

Нейронные сети в работе переводчика

Теории машинного перевода, разрабатывавшиеся в вялотекущем режиме с незапамятных времен, с 1970-х годов получили серьезный импульс. Это было связано с существенными достижениями в области моделирования интеллектуальной деятельности. Помимо чисто научного интереса, это объяснялось возрастающей ролью межязыковых коммуникаций в современном мире.

Кроме электронных словарей и словарей-разговорников, к середине 1990-х годов довольно большое распространение получили «электронные переводчики» (их стали называть технологией МТ [Machine Translation – машинный перевод]). В принципе, «электронные переводчики»¹ – это программы, которые могли обработать целый текст. Правда, на выходе получалось не совсем то, что надо, а если откровенно, то совсем не то. Для того чтобы результат работы технологии МТ стал действительно связным текстом, человеку приходилось немало поработать над ним.

Понятие «машинный перевод» стало общеизвестным. Довольно большое распространение у нас получили отечествен-

ные программы Stylus (сейчас она называется Promt) и Socrat. Впрочем, интерес к таким программам после периода первоначального любопытства постепенно снижался, и сейчас он невелик, даже несмотря на то, что их в значительной степени доработали. В настоящее время их используют в основном для знакомства с содержанием иноязычных сайтов в Интернете, а также для чтения и написания электронных писем на иностранном языке.

По большому счету, работа переводчика за столетия принципиально не изменилась. Да, появились компьютеры, такие быстродействующие и удобные пишущие машинки. Да, появились «электронные переводчики». Однако при всем том, что технологии МТ совершенствовались, они так и не стали инструментом, имеющим широкую сферу применения и позволяющим по-настоящему экономить время и силы.

Что такое технология Translation Memory

Новым инструментом переводчика стала технология Translation Memory (ТМ). На Западе технология ТМ и созданный на ее базе инструментальный переводчик – Translation Memory Tools (ТМТ) – хорошо известны и широко применяются. Особенностью такой

¹ Сейчас их нередко называют онлайнowymi переводчиками, поскольку их используют на ряде ресурсов в Интернете.

технологии является механизация переводческой деятельности, а не ее автоматизация в том виде, каком ее видели создатели технологии МТ. Причем это более скромное на первый взгляд решение принесло практической пользы неизмеримо больше, чем глобальный замысел «электронных переводчиков».

Отличие от электронных словарей и других инструментов переводчика заключается в том, что типичная программа класса ТМ основана на нейронных сетях, которые способны в определенной степени моделировать работу человеческого мозга при обработке данных. Эти сети способны обучаться и анализировать сложные наборы данных, которые сложно обрабатывать с помощью линейных алгоритмов.

В этих программах используется размытый алгоритм, позволяющий отыскивать слова не только в их словарных формах, но и в других формах, например, в другом падеже. Кроме того, они могут находить словосочетания в другом порядке слов. Самоорганизующаяся искусственная нейронная сеть способна находить закономерности и определять взаимосвязи между ними. Программа сравнивает тот фрагмент, над которым вы сейчас работаете, с содержимым базы данных, и предоставляет эту информацию на дисплей. Она может установить, что данный фрагмент похож на аналогичный, имеющийся в памяти системы, например, на 99%, на 74%, или даже на 20%.

Каждому переводчику знакомо ощущение, что фраза, над которой он сейчас бьется, уже где-то когда-то встречалась, хотя бы в приблизительном виде. Причем попадалась либо в этом же материале, либо в каком-то другом, переводимом ранее. Прямо дежавю какое-то... Посмотреть бы ее, эту фразу, хотя бы для справки, чтобы толково сформулировать ту, над которой работаешь сейчас...

Начинаешь листать оригинал в обратную сторону, рыться на книжной полке. И часто бывает так, что искомая фраза действительно обнаруживается,

однако чаще всего, когда уже поздно, уже после того, как работа над переводом закончена. Думается, в такую минуту все бы отдал за средство, которое помогло бы найти необходимый текст. Даже сейчас, когда печатаешь текст перевода с помощью компьютера, а не на пишущей машинке, всегда жаль переделывать то, что сочинялось с таким трудом. Давняя мечта переводчика – придумать какое-либо средство, которое бы освобождало от необходимости переводить одну и ту же фразу по нескольку раз.

Подобного рода идея лежит в основе создания технологии Translation Memory, или просто ТМ, на основе которой с конца 80-х — начала 90-х годов XX века начали появляться более или менее работоспособные программы. По сути дела, такая программа представляет собой управляющую оболочку, которая работает с той или иной подключаемой базой данных (ТМ) и которую я бы назвал копилкой переводов. ТМ – это компьютеризированная версия большого картотечного шкафа, в котором хранится каждая фраза, которую вы когда-либо переводили, причем хранится в паре – как на языке оригинала, так и в виде перевода. Каждая такая пара называется *билингва*. Программа мгновенно напомнит вам, как эта фраза была переведена в прошлый раз. Доступ к информации легкий и быстрый.

Обзор основных программ класса Translation Memory

В настоящее время на мировом рынке представлено несколько программных продуктов, использующих технологию ТМ. Они отличаются друг от друга, и порой существенно. В то же время всем им присущ ряд общих функциональных возможностей.

Например, как правило, у всех у них предусмотрен текстовый редактор, имеющий два параллельных окна. Одно предназначено для текста оригинала, второе – для перевода. Когда в окно оригинала выводится исходный фрагмент текста (это может быть предложение, абзац, отдель-

ное слово), начинается поиск аналогичного фрагмента в базе данных. Если в памяти оказался точно такой же фрагмент, он выводится в окно перевода автоматически. Если такого же в точности фрагмента не нашлось, но обнаружился похожий, то он выводится в окно программы с указанием процента совпадения.

Переводчик редактирует предложенный программой текст перевода, приводя его в соответствие с оригиналом, посылает его в память базы данных и приступает к следующему. Если ничего не нашлось вообще, то переводчик переводит его с нуля, впечатывая текст в окошко перевода. Закончив работу над этим фрагментом, переводчик посылает его в память базы данных и приступает к следующему. Таким образом, пополнение ТМ происходит автоматически, по мере работы. Сразу после того, как билингва попала в ТМ, она становится доступной пользователю. Если ТМ-программа расположена на сетевом диске и с ней работают другие пользователи, то новая билингва сразу же становится доступной и для остальных переводчиков. После того, как фрагмент оригинала и фрагмент перевода отправлены в базу данных, в окне оригинала выводится следующий фрагмент.

Первую программу такого типа, получившую название Translation Manager, разработала фирма IBM. Вначале IBM использовала Translation Manager для собственных потребностей – для локализации (адаптации на иностранные языки) собственного программного обеспечения. Затем Translation Manager был предложен рынку в качестве коммерческого продукта, и некоторое время он был монополистом в этой области. Эта программа довольно проста в использовании, отличается быстродействием и обеспечивает хорошие возможности для индивидуальных настроек пользователя. Для каждой из трех основных функций предусмотрены отдельные окна – Translation, Translation Memory и Dictionary. В окне Translation Memory отображаются найденные в памяти соот-

ветствия, если они там есть, а в окне Dictionary выводится терминология из словарей, разработанных IBM. Есть в этой программе и некоторые неудобства, например, усложненная процедура поиска в копилке памяти (Translation Memory) отдельных слов.

Еще одна программа – SDLX – разработана для своих собственных потребностей английской компанией SDL, занимающейся локализацией программного обеспечения. Каждая программа, входящая в комплект, устанавливается отдельно. SDL Edit – это, собственно, сама программа, с помощью которой осуществляется перевод. В ней есть три окна, показывающие исходный текст, перевод и Translation Memory. Следует отметить, что документ для перевода нельзя импортировать непосредственно в SDL Edit. Сначала его необходимо преобразовывать при помощи SDL Convert, что является определенным неудобством.

Программа Déjà Vu пользуется у переводчиков в Европе популярностью благодаря своей гибкости и адаптивности. Помимо удобства, Déjà Vu отличается от других продуктов самым высоким соотношением цена/качество. По сравнению с двумя предыдущими программами рассматриваемый продукт имеет ряд удобных возможностей. Специалисты отмечают, что с самого начала эта программа разрабатывалась в контакте с ее будущими пользователями. Известно, что последняя версия Déjà Vu тестировалась, в частности, российскими переводчиками. Один из них, Андрей Герасимов, написал положительную рецензию на эту программу в журнале MultiLingual Computing & Technology².

Известна в нашей стране и популярная в Европе программа Star Transit. По своей идеологии она совершенно не похожа на другие продукты рассматриваемого класса. Вы уже получили определенное представление о них, и знаете, что все они имеют центральную базу

² #45 Volume 13 Issue 1, Jan/Feb 2002.

данных большой емкости, копилку переводов, в которой нужные данные обнаруживаются мгновенно (если они там есть, конечно). Как сказал бы Билл Гейтс: "Information at your fingertips". Так вот, все программы Translation Memoгу имеют электронный каталожный шкаф, а Transit — не имеет. У него все по-другому. Исходные данные и перевод сохраняются в текстовом формате в виде файлов, которые переводчик размещает в директориях по своему усмотрению. Затем переводчик может просто указать программе, какие директории и даже какие файлы ему необходимы. Затем Transit формирует ассоциативную сеть ссылок, с которой и ведется работа. Несмотря на отдельные плюсы, в России Transit не получил широкого распространения. В конечном счете Promt, официальный дистрибьютор Transit, переключился на дистрибуцию Translator's Workbench фирмы Trados.

А вот Translator's Workbench, или просто Традос³, быстро получил широкое распространение в России, сначала среди переводческих фирм, а затем и среди индивидуальных переводчиков. Наверное, это можно объяснить тем, что он дает возможность работать, не выходя из Word'a, что психологически комфортней. Кому приятно смотреть на текст, испещренный всевозможными кодами в квадратных скобках? Translator's Workbench (Традос) по сравнению с другими программами более удобен для обычного переводчика, который не является специалистом по программированию, он более понятен по сравнению с остальными программами подобного типа. В частности, кнопки управления снабжены всплывающими подсказками. Находясь в знакомом и понятном Word'e, можно использовать все его инструменты (например, автотексты).

Данный продукт обладает полным набором полезных инструментов, кото-

рые в остальных программах присутствуют лишь в той или иной степени. Одним из таких инструментов является Analyse, позволяющий заранее проанализировать текст оригинала и выяснить, есть ли там (и в каком количестве) полные и неполные совпадения. Стоит упомянуть и такой удобный инструмент, как Placeables, позволяющий, например, автоматически менять цифры в тексте, если все остальное в переводимом фрагменте совпадает с обнаруженным в копилке переводов (ТМ). Очень удобна автоматическая функция замены в цифрах десятичных точек и/или запятых, формата времени, аббревиатур и т.д. на соответствующие параметры, задаваемые переводчиком.

Подавляющее большинство российских переводчиков, использующих технологию ТМ, предпочитают Translator's Workbench (Традос).

Что общего у программ Translation Memory

Резюмируя описание основных программных продуктов класса Translation Memory, следует отметить наличие у них, как правило, ряда общих функциональных возможностей.

Сведение — Alignment

Эта функция позволяет создавать копилки переводов (ТМ) из существующих файлов. Из двух файлов — один с текстом оригинала, а другой с текстом перевода — создается набор билингв. Напротив предложения исходного текста выстраивается его перевод. И так по всем файлам, которые переводчик свел в единую копилку. Степень удобства функции совмещения у разных программ различная.

Обслуживание — Maintenance

По мере накопления в базе данных билингв их количество может увеличиться настолько, что содержимое базы может выйти за все пределы. Могут обнаружиться какие-то неточности и даже ошибки, особенно если программа используется в сети многими пользователями. Возникнет

³ За данной программой в России закрепилось именно это название.

необходимость что-то отредактировать или уточнить, а то и просто удалить. Справедливости ради надо сказать, что упомянутое средство обслуживания программ до конца эту проблему не решает — бороться на практике с засорением копилки переводов все равно затруднительно.

Терминологический словарь — Terminology Program

Все рассматриваемые программы имеют свои терминологические словари, являющиеся по сути известными всем электронными словарями. Терминологические словари могут импортировать файлы в формате словарей или глоссариев, их можно пополнять и вручную.

Текстовый редактор — Document Editor

Здесь, собственно, и осуществляется процесс перевода. Для этого у всех программ предусмотрены упоминавшиеся выше два окна — для исходного текста и для его перевода. У всех текстовых редакторов есть возможность устанавливать в процентах степень сходства между переводимым в данный момент исходным текстом и текстом в копилке переводов. Чем выше вы установите процент сходства, например, 90% или 95%, тем меньше вероятность обнаружения там подходящего текста. Однако если установить процент поменьше, может набраться немало материала, который был бы полезен хотя бы для справки.

Конкорданс⁴ — Concordance

Это очень полезная функция всех рассматриваемых программ. Нередко бывает, что какой-то термин (или сочетание терминов) может иметь несколько значений или оттенков значений. Выделив термин, можно просмотреть в окне все биллинги, имеющиеся в копилке, причем в самых разных контекстах. Это всегда облегчает выбор наиболее точного варианта перевода данного термина или сочетания.

⁴ Связка словоупотребления с контекстом.

Наталья Шахова, директор агентства EnRus, считает что большинство ТМ-продуктов избавляют пользователя от необходимости знакомиться с различными текстовыми процессорами. Достаточно изучить особенности текстового редактора самого продукта, и вам станет подвластно все разнообразие текстов, будь они представлены в QuarkXPress, FrameMaker или Adobe Illustrator. Здесь есть, конечно, некоторый подвох: для того чтобы освоить очередной текстовый процессор или издательскую систему, вам понадобится соответствующая программа-фильтр, которая — что? Правильно — продается за отдельные деньги! Вообще денежный вопрос самый серьезный, когда речь идет о ТМТ. Стоят они недешево (как правило, несколько сотен долларов), совместимости, понятное дело, нет. Поэтому если вы приобрели (и освоили!) какой-либо продукт для одного проекта, то для следующего может потребоваться приобрести другой продукт и снова тратить время на его изучение.

Далее Наталья Шахова отмечает, что на Западе уже вовсю обсуждают последствия повсеместного распространения таких программ. Одно из них заключается в том, что переводчик-новичок теряет возможность выйти на рынок. Точно так же, как в России уже очень трудно получить заказ переводчику, если у него нет компьютера и принтера, так за границей возникают проблемы трудоустройства у переводчиков, не имеющих ТМ-программы. У этого явления есть и положительная сторона — нанимая на работу владельца ТМ-программы, заказчик получает некоторую гарантию его профессионализма. Но ведь и новички должны иметь возможность стартовать!⁵

Что дальше?

Отношение к технологии Translation Memory в нашей стране разное.

Когда в 1999 году бюро переводов «Фонетикс» начало работать с Trados Translator's Workbench, то естественно, в

⁵ PC Week, <http://www.bnnp.ru/cat/result.asp>.

ходе контактов с заказчиками мы рассказывали о переходе на новую технологию. Вопреки ожиданиям, реакция была настороженной, а порой и просто отрицательной. Оказалось, что идея машинного перевода была уже скомпрометирована бездумным применением в 90-х годах программ типа Stylus и Socrat. Причем их нередко использовали переводчики, скажем, не очень высокой квалификации, которые не утруждали себя редактированием того, что выдавали "электронные переводчики". Впрочем, пользователей этих программ тоже можно понять – редактирование текстов требовало много времени и сил.

Даже сейчас порой можно встретить со стороны заказчиков из числа российских организаций настороженное отношение к любым новациям в сфере программного обеспечения для переводов. Вместе с тем иностранные фирмы, наоборот, требуют применения программ класса Translation Memory. Зачастую у них есть сложившиеся предпочтения, в основном это Trados Translator's Workbench, а также Star Transit. У них нередко имеются готовые ТМ (копилки переводов), которые они предлагают использовать.

Что касается переводчиков, то они испытывают к технологии Translation Memory вполне понятный интерес. Еще более понятный интерес испытывают к ним бюро переводов. Они имеют дело не столько с художественной литературой, публицистикой, поэзией и т.д., сколько с инструкциями по эксплуатации, руководствами по поиску и устранению неисправностей, а также с локализацией программного обеспечения, т.е. с теми материалами, где имеются повторяющиеся или схожие фрагменты текста.

В своем нынешнем виде программы Translation Memory, по-видимому, достигли потолка. Дальнейшая работа по их доработке идет по пути совершенствования их существующих функциональных возможностей. Это ведет к тому, что программы становятся все более громоздкими и сложными, и это при том,

что каких-то принципиально новых идей там нет. Тот же Translator's Workbench (Традос) в своей последней версии оброс таким набором инструментов, что простому пользователю разобраться в них очень сложно.

Эксплуатация этой программы предполагает наличие в штате бюро переводов отдельного сотрудника. Помимо руководства пользователя, в документации предусмотрено руководство для выделенного специалиста (TRADOS Specialist Guide). Кроме этого в пакет документации входит Project Management Guide, MultiTerm User Guide и WinAlign User Guide. Даже у подготовленного переводчика на ознакомление с сотнями страниц этих документов потребуется много сил и времени.

Поиском новых решений занимается группа исследователей в университете Мэрилэнд, округ Балтимор (США), под руководством профессора С. Ниренбурга, известного специалиста в области искусственного интеллекта и машинного перевода. Пока разработки находятся на стадии теоретических исследований, и скорее всего доведение этих исследований до стадии коммерческого продукта потребует значительного времени.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на рынке инструментов переводчика работают в основном зарубежные фирмы. Хотелось бы надеяться, что это не будет продолжаться вечно. Потенциал теоретических разработок российских специалистов в области семантического анализа очень большой. Наши исследования в этой области достигли весьма высокого уровня. Есть все основания рассчитывать, что эти разработки будут материализованы в виде принципиально новых лингвистических технологий, которые позволят в полной мере раскрыть творческий потенциал переводчика.

Выражение побуждения как переводческая проблема

Особенности английского и русского коммуникативного поведения

Т.В. Ларина

Трудности перевода связаны не только с различиями в языках, но и с различиями в культуре, составной частью которой является коммуникативная культура¹. Особые сложности возникают тогда, когда речевые клише в двух языках не совпадают и необходимо сделать правильный выбор, с тем чтобы переведенный текст звучал в той же тональности, выражал ту же степень вежливости. Еще одна проблема, с которой регулярно сталкивается переводчик, вызвана тем, что в реальном общении смысл высказывания далеко не всегда соответствует его значению. Для правильного толкования смысла необходимо знание контекста, в том числе и культурного.

Национальная специфика затрагивает практически все сферы коммуникации, и даже в самых, на первый взгляд, универсальных и повседневных ситуациях общения существуют важные национальные особенности, учет которых необходим как в межкультурной комму-

никации, так и в переводческой практике². Остановлюсь лишь на одном аспекте – выражении побуждения и на основных различиях в коммуникативном поведении англичан и русских в тех ситуациях общения, где оно выражается.

Побуждение связано с оказанием воздействия на собеседника, степень допустимости которого культурно вариативна. Чтобы понять, до какого предела оно воспринимается как вежливое, необходимо знать особенности социально-культурных отношений, характерных для рассматриваемой лингвосоциокультуры. Понять и объяснить многие национально-специфические особенности коммуникативного поведения представляется возможным при рассмотрении их через призму культуры, социально-культурных отношений и ценностей³.

² Подробные данные изложены в диссертационном исследовании автора «Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур)»: Диссертация ... докт. филол. наук. М., 2003. – 494 с.

³ Ларина Т.В. Категория «вежливость» как отражение социально-культурных отношений (на материале английской и русской коммуникативных культур) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003, №4. – С.139–149.

¹ О коммуникативной культуре см. Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. Русское коммуникативное поведение. – М., 2002; И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: «Истоки», 2003.

Так, значительная социальная дистанция (горизонтальные отношения), характерная для английской культуры, как культуры индивидуалистической, создает зону личной независимости, являющуюся важнейшей культурной ценностью, для названия которой в английском языке существует специальное слово – *privacy*, не имеющее однословного эквивалента в русском. Сближение собеседников допустимо лишь до этой зоны, вторжение в которую является грубым нарушением норм общения. Одна из важнейших задач, стоящих перед английскими собеседниками, состоит в том, чтобы не допустить вторжения в эту свято оберегаемую зону ‘*privacy*’ и продемонстрировать свое уважение к личной независимости друг друга.

Отсюда – многочисленные табу, которые сводятся к недопустимости или минимизации прямого воздействия на адресата (англичане практически не делают замечаний, не дают непрошенных советов, не критикуют, не перебивают). В языковом аспекте минимизация прямого воздействия на собеседника проявляется в строгих ограничениях на употребление форм императива (*Do it – С/делай это*). Исследователи особенностей английского языка отмечают, что императив является тем грамматическим средством, употребление которого может самым разным образом повлиять на распределение ролей собеседников и предупреждают, что его следует употреблять с максимальной осторожностью, обращая внимание на то, чтобы был сохранен статус каждого из собеседников, так как, употребляя императив, говорящий изначально ставит себя выше своего адресата, опуская его на более низкую статусную позицию⁴.

Различия в использовании императива относятся к числу важнейших в коммуникативном поведении англичан и русских. В английском общении наблюдается тенденция избегать использования

этой формы, являющейся чрезмерно категоричной. Существует целая система стратегий и тактик, направленных на снижение степени воздействия на собеседника, регулярное применение которых привело к формированию таких черт английского коммуникативного поведения, как *непрямолинейность, некатегоричность, косвенность, завуалированность*⁵.

Данные черты коммуникативного поведения с наибольшей наглядностью проявляются в ситуациях, связанных с побуждением адресата совершить какое-либо действие, причем не только ориентированное на интересы говорящего (команда, просьба), но и ориентированное на интересы самого слушающего (приглашение, совет): *Could you please stop talking* (учитель – детям) / *Could you pass me that book?* (другу) / *Why don't you sit down* (гостям) / *Would you like to come through?* (парикмахер – клиенту).

В русском языке подобным высказываниям соответствуют чаще всего императивные конструкции (обычно со словом пожалуйста): *Перестаньте, пожалуйста, разговаривать* / *Передай, пожалуйста, ту книгу* / *Садитесь* / *Проходите, пожалуйста*.

Как показали многочисленные исследования лингвистов, императив в русском общении является наиболее распространенной формой выражения побуждения в разных коммуникативных ситуациях. Широкое его употребление связано с тем, что в русской культуре, основанной на принципах коллективизма и солидарности, нет такой зоны личной независимости, которая характерна для английских социально-культурных отношений. Сближение собеседников возможно до более близкого расстояния. Соответственно и степень допустимого прямого воздействия на собеседника гораздо выше. Коммуникативное давление не воспринимается как

⁴ Cheepen, Christine and James Monaghan. Spoken English: a practical guide. – London and New York: Pinter Publishers, 1990. – Pp.70–71.

⁵ Brown, Penelope and Stephen D. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Ларина Т.В Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003.

нарушение этикетных норм. Более того, оно может играть конструктивную роль в общении. Так, для того чтобы придать просьбе более вежливое звучание, русские усиливают ее, добавляя в высказывание второй императив: *Будьте добры, передайте за проезд / Сделай одолжение, позвони Сергею / Будь другом, одолжи велосипед*. Ту же тенденцию наблюдаем и в приглашении. Оказывая коммуникативное давление на собеседника, говорящий выражает тем самым свое искреннее желание в том, чтобы его приглашение было принято, и это не снижает, а повышает степень вежливости высказывания: *Обязательно приходи. Буду очень ждать. / У меня в субботу день рождения. Ты непременно должен быть. Отказы не принимаются*. С точки зрения англичан, подобные выражения просьбы и приглашения звучат недопустимо категорично. Английское приглашение, как и просьба, звучит тем более вежливо, чем более косвенно оно выражено: *I was just wondering whether you would like to come to my birthday party*. Буквальный перевод подобного приглашения (*Мне было просто интересно, хотел ли бы ты прийти ко мне на день рождения*) вызывает у русских недоумение и сомнение в истинности намерений приглашающего.

Таким образом, в одной и той же ситуации общения, преследуя одинаковую цель, английские и русские собеседники совершают противоположные действия: одни ослабляют, другие усиливают степень коммуникативного воздействия на собеседника, для чего отбираются соответствующие языковые средства. Следует отметить, что стратегии смягчения воздействия в некоторой степени характерны и для русского коммуникативного поведения (в русском общении косвенная просьба также является более вежливой, чем прямая — *Не могли бы вы сделать это? / Вас не затруднит сделать?* и т. п.), однако, как показывают результаты сопоставительного анализа, их применение отличается меньшей частотностью

и обязательностью и в большей степени характерно для формальных отношений.

В силу вышеназванных причин англичане при выражении побуждения предпочитают *косвенно-вопросительные высказывания* прямым, в результате чего эквивалентами русской модели *Сделай(те) это, пожалуйста* являются равнозначные ей по степени вежливости английские *Could / Would you do X⁶*. Следовательно, стилистическими эквивалентами таких, например, русских высказываний, как: Скажите, пожалуйста, где здесь автобусная остановка / Напечатайте, пожалуйста, это письмо, — являются соответственно *Could you please tell me where the bus stop is?* и *Could you please type the letter?*

Как при переводе английских текстов, так и в общении с англичанами представителям русской культуры следует учитывать тот факт, что английское *please* не является таким же «волшебным словом», как русское *пожалуйста*. Его добавление к императиву не делает последний столь же мягким, как в русском языке. Для смягчения воздействия на адресата одного лишь *please* недостаточно, необходимым условием является оформление побуждения в виде косвенного высказывания.

Тенденция англичан передавать побуждения в завуалированной, косвенной форме приводит к тому, что даже категоричные директивы (требование, команда) часто выражаются при помощи вопросительных конструкций, в которых говорящий апеллирует к желанию или возможности адресата совершить действие, создавая видимость того, что совершение этого действия зависит от него самого:

⁶ К. Айджмер отмечает, что данные модели являются немаркированным средством выражения просьбы в английской коммуникации Aijmer, Karin. *Conversational Routines in English: Convention and Creativity*. — London & New York: Longman, 1996. — P.141.

Переводя культуру

Would you kindly open your handbag, please? (на таможе),

Do you think you could check this for me (начальник – подчиненному),

Would you mind repeating that phrase? / Can I ask you to write down your answers? (учитель – ученику),

Could I draw your attention to this table? (преподаватель – студенту),

Would you mind moving up your car? (автоинспектор – водителю).

Буквальный перевод этих высказываний – *Вы бы любезно открыли вашу сумку, пожалуйста?* (на таможе) / *Как вы думаете, вы могли бы проверить это для меня?* (в ситуации «начальник – подчиненный») / *Ты бы не возражал повторить эту фразу?* или *Могу я попросить вас записать ваши ответы?* (в ситуации «учитель – ученик») / *Мог бы я привлечь ваше внимание к этой таблице?* (преподаватель – студентам) и др. – вызывают улыбку и недоумение у русских, привыкших к прямым директивам. Императивные высказывания в русском общении здесь являются наиболее уместными: *Откройте, пожалуйста, вашу сумку / Проверьте это, пожалуйста. / Повтори, пожалуйста, свою фразу / Запишите, пожалуйста, ваши ответы / Посмотрите на эту таблицу* и т.д.

Важно учитывать, что, несмотря на тот факт, что приведенные английские высказывания оформлены в виде просьбы, их смысл не меняется: они являются командой, которую следует выполнять. С точки зрения русских коммуникативных норм, подобная завуалированность при выражении побуждений, подлежащих обязательному исполнению, представляется неуместной, и смысл подобных высказываний может быть истолкован неверно. На этот факт обращает внимание, в частности, Дж.Томас, с удивлением отмечая, что если на уроке в английском классе такое высказывание, как *Would you like to read?* (*Хотел бы ты почитать?*) является директивным и представляет собой

общепринятый способ выражения команды, то в русском классе оно воспринимается как вопрос, на который может быть дан отрицательный ответ *No, I wouldn't (Нет, не хотел бы)*⁷.

Косвенное выражение побуждений при асимметричных отношениях, характерное для английской коммуникативной культуры, объясняется как уважением к личной независимости адресата, так и меньшей, чем в русской культуре, статусной дистанцией (или дистанцией власти – *Power distance*⁸), являющейся, наряду с социальной дистанцией, еще одним важнейшим параметром культуры. Даже при наличии социальной асимметрии лица, обладающие большей властью, не стремятся демонстрировать ее, а, напротив, стараются эту власть завуалировать, соблюдая принцип социального равенства. В русской культуре, напротив, коммуникативное давление со стороны лиц, обладающих большей властью (в силу их положения, возраста или ситуации), воспринимается как естественное. В подтверждение этому – несколько данных из проведенного мной эмпирического исследования: в ситуации «мать говорит сыну сходить в магазин» императивные высказывания употребили 80% русских информантов и только 6% английских (92% предпочли воспитательные высказывания с модальными глаголами), в ситуации «учитель говорит ученикам открыть книгу» императивные высказывания употребили все 100% русских информантов и 52% английских. Таким образом, как справедливо отмечает В.И. Карасик, «некатегоричность и вежливость связаны, но не тождественны»⁹.

Помимо оформления высказывания в виде вопроса, для смягчения побуждения

⁷ Thomas, Jenny. Cross-cultural pragmatic failure // *Applied Linguistics*, 4. – 1983. – P. 101.

⁸ Данный термин употребляют G.Hofstede, W.Gudykunst, P.Brown & S.Levinson и другие исследователи.

⁹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: «Перемена», 2002. – С.74

англичане широко используют разнообразные средства модальности, которые приносят долю сомнения в возможности совершения действия:

Perhaps you might kindly call me and tell me where Marilyn is? (Возможно, вы могли бы любезно позвонить мне и сказать, где Марилин?*)

Do you think you could possibly ring me at eight? (Вы думаете, вы, возможно, могли бы позвонить мне в восемь?) (сообщения, оставленные на автоответчике).

Чем больше доля сомнения говорящего в возможности совершения адресатом действия, тем выше степень вежливости высказывания. Не случайно русские словари переводят слово *perhaps* (в просьбе) как *пожалуйста, будьте добры*: *Perhaps you would be good enough to read this — Будьте добры, прочтите это*¹⁰. Однако, думается, подобный перевод данного слова нецелесообразен. Вряд ли, приняв во внимание данное значение слова *perhaps*, носитель русского языка сможет построить английскую фразу в соответствии с английской традицией. Здесь необходимо сопоставлять не отдельные слова, а смысл всего высказывания в целом. Знание коммуникативных стратегий при этом представляется наиболее эффективным.

Еще одна особенность, заслуживающая внимания: английские и русские высказывания часто различаются разной субъектно-объектной ориентированностью, что также связано с различиями в коммуникативном поведении и в стратегиях вежливости. Так, при выражении просьбы степень вежливости английского высказывания повышается, если акцент переносится со слушающего на говорящего: *Could I have the menu please?* звучит более вежливо, чем *Could you bring me the menu please?* Так же различаются

Could I see your passport? – Could you show me your passport? / Could I leave a message for her? – Could you give her a message? Суть различий состоит в том, что субъектно-ориентированные высказывания отличаются меньшей степенью воздействия на адресата, поскольку в них отсутствует направленность на него и также не содержится никакого указания на то действие, к которому говорящий побуждает своего собеседника, оно лишь заключает в себе вопрос о возможности говорящего. Другими словами, в результате переноса акцента на говорящего оказывается завуалированным не только исполнитель действия, но и само действие, к которому его побуждают, в результате чего снижается давление на собеседника и повышается степень вежливости высказывания. Таким образом, английским эквивалентом русского высказывания *Принесите, пожалуйста, еще чашку кофе* является *Could I have another cup of coffee, please?* (Мог бы я иметь еще чашку кофе, пожалуйста?), а не *Could you bring me another cup of coffee?* (Не могли бы вы принести еще чашку кофе?) и уж, конечно, не *Bring me another cup of coffee, please* (Принесите, пожалуйста, еще чашку кофе), которое, являясь буквальным эквивалентом русского высказывания, воспринимается английским собеседником не как просьба, а как приказ.

Для русской традиции данный способ смягчения побуждения (вывод адресата из ситуации) нетипичен. Русский человек вряд ли почувствует разницу между, например, *Могу я оставить для нее информацию? – Вы можете передать ей информацию?* Однако знание данной стратегии позволяет ему строить английские высказывания в соответствии с нормами английской лингвокультуры.

Приглашая, англичане, напротив, предпочитают высказывания, ориентированные на слушающего, интересуясь его желанием совершить действие: *Would you like to come to my party? / Are you interested in coming to my party* (Ты хотел бы прийти на мой день рождения? / Тебе интересно

* Буквальный перевод здесь и в дальнейшем дается преднамеренно.

¹⁰ Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д.Апресян, Э.М. Медникова, А.В.Петрова и др. – М.: Русский язык, 1999. – Т.2. – С.664.

прийти ко мне на день рождения?). Русские в приглашении часто выражают свои коммуникативные намерения (*Я тебя приглашаю*), порой они прямо ставят собеседника перед фактом (*У меня в субботу день рождения. Я тебя жду*). Высказывания, ориентированные на адресата, также возможны, однако, в отличие от английских, в них содержится не вопрос о желании собеседника принять приглашение, а прямое воздействие на него (*Приходи ко мне на день рождения*).

Следовательно, такие типичные русские приглашения, как *Я тебя приглашаю* / *Приходи ко мне на день рождения*, не могут быть переведены буквально – *I invite you* / *Come to my birthday party*, поскольку они представляются в английской коммуникативной культуре слишком прямыми и воспринимаются как чрезмерно сильное воздействие на собеседника. Их эквивалентами могут быть *Would you like to come over?* (*Хотел бы ты прийти?*) или *I'd like to invite you* (*Я бы хотел пригласить тебя*).

Вывод адресата из ситуации возможен и в повествовательных высказываниях, например в запросе информации: *I'm just wondering till what time the computer class is open today* (*Я просто интересуюсь, до которого часа открыт сегодня компьютерный класс*). – Ср.: *Скажите, пожалуйста, до которого часа открыт сегодня компьютерный класс?* Для этой цели могут быть использованы также пассивные конструкции: *It has to be returned in 2 weeks* (*Она должна быть возвращена через 2 недели*) (библиотекарь – читателю) / *It has to be moved up* (*Она должна быть переставлена*) (автоинспектор – водителю о его машине). Ср.: *Вы должны вернуть ее через две недели* / *Вы должны переставить ее*.

Возвращаясь к вопросу об ограничении употребления повелительного наклонения в английской коммуникации, следует добавить, что оно распространяется также и на отрицательный императив, который, как отмечают Дж. Лич и Дж. Свартвик, имеют эффект запрещения

действия¹¹. О таких ограничениях свидетельствуют, например, следующие факты:

1. Отрицательные императивные конструкции, содержащие запрет или просьбу к адресату не совершать то или иное действие (*Don't smoke* / *Don't go there*), имеют вариант, содержащий элементы модальности и характеризующийся смещением субъектно-объектной ориентированности (акцент переносится на говорящего): *I'd rather you didn't smoke, if you don't mind* / *I'd rather you didn't go there*.

2. Наряду с такими формулами, как *Don't hurry* / *Don't worry* / *Don't make noise* / *Don't forget to take the key*, широко употребляемыми являются их утвердительные синонимы *Take your time* / *Take it easy* / *Take heart* / *Stay calm* / *Remember to take the key*. Интересным примером является глагол *mind*, который употребляется в формулах предупреждения: *Mind the gap* – надпись на платформе лондонского метро (Ср. русское *Не стойте у края платформы* / *Отойдите от края платформы*). В русской коммуникации подобные средства замены отрицательных императивов чаще всего отсутствуют.

3. Стремление избегать употребления отрицательного императива прослеживается также в текстах публичных объявлений, что позволяет перевести запрет в инструкцию. При этом императив смягчается модификаторами *'please'*, *'kindly'*, *'thank you'*. Сравните: *Please keep off the lawn* (табличка на газоне) (*Пожалуйста, держитесь вне газона*). – *По газонам не ходить* / *Please knock before opening fitting room doors. Thank you* (в магазине на кабинке примерочной) (*Пожалуйста, стучите перед тем, как открыть двери примерочной*) – *Без стука не входить* / *Please stand clear of all doors* (объявление в поезде метро). – *Не стойте у двери вагона*.

4. Еще одним средством смягчения давления на адресата является, на наш взгляд, добавление в высказывание глагола абстрактного действия. Таблички в поезде метро: *Please kindly refrain from smoking*. (*Пожалуйста, любезно воздерживайтесь от курения*) / *Please avoid*

¹¹ Leech, Geoffrey and Jan Svartvik. *Communicative Grammar of English*. Second edition. – London and New York: Longman, 1994. – P.165.

leaving litter on trains or in stations (Пожалуйста, избегайте оставлять мусор в поездах и на станциях). Смещение акцента с глаголов конкретного действия (*smoke / leave*) на глагол абстрактного действия (*refrain / avoid*) также снижает прямоту высказывания и позволяет избегать употребления отрицательного императива (*don't smoke / don't leave*).

Возможно, данное явление – предпочтение утвердительных конструкций отрицательным – является также отражением «позитивного мышления», характерного для представителей английской / американской коммуникативных культур. На этот факт обращает внимание, в частности, Линн Виссон, рассматривая особенности американской и русской речи¹². Принимая во внимание разнообразную семантику подобных высказываний, можно предположить, что оба вышеназванных фактора влияют на то, что англичане (как и американцы), в отличие от русских, предпочитают утвердительные конструкции: это – *не любовь к запретам*, ограничивающим свободу действий и усиливающим воздействием на собеседника (Сравним обращения учителя к ученикам: *He шумите – Please stay calm / Больше не опаздывайте – Please make sure you are on time in future*), и оптимизм, являющийся одной из особенностей английского коммуникативного поведения (*He болей – Stay well / He грусти – Cheer up / He забывай. – Stay in touch*). Таким образом, в результате этих причин эквивалентом русской отрицательной модели *He делай это (Don't do X)* часто является утвердительная английская модель *Делай то (Do Y)*.

Регулярное использование вышеназванных стратегий свидетельствует о том, что минимизация давления на адресата является устойчивой чертой английской

коммуникативной культуры (одной из ее доминант)¹³. Она проявляется во всех тех ситуациях общения, где затрагиваются интересы адресата и есть угроза вторжения в зону его личной независимости, и определяет такие черты английского коммуникативного поведения, как *непрямолинейность, косвенность, завуалированность, неоднозначность, некатегоричность, уклончивость, ориентированность на интересы адресата*, которые формируют английский стиль вербальной коммуникации.

Для русской коммуникативной культуры, напротив, характерна допустимость прямого давления на собеседника. Широкое употребление императивных форм и других средств воздействия на адресата не является нарушением этикетных норм. В результате для русского стиля коммуникации в большей степени характерны *прямолинейность, однозначность, категоричность*.

Данная особенность, обусловленная коллективистским типом культуры, особенностями социально-культурных отношений, приводит к тому, что русские в глазах англичан часто выглядят резкими, грубыми и невежливыми. Англичане же воспринимаются русскими как излишне вежливые, манерные и не всегда искренние. Однако сказанное выше в очередной раз свидетельствует о том, что интерпретация поведения представителей другой культуры должна основываться на понимании национально-культурных особенностей коммуникации, которые являются отражением этой культуры.

Знание различий в коммуникативных стратегиях дает возможность объяснить многие особенности поведения и адекватно интерпретировать их. Владение ими помогает строить высказывания по нормам другой лингвокультуры в соответствии с национальным стилем общения, что важно как для успешной межкультурной коммуникации, так и для переводческой практики.

¹² Линн Виссон. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. – М.: Р.Валент, 2003. – С.58.

¹³ Ларина Т.В. Неимпозитивность как одна из доминантных черт английской коммуникативной культуры // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской научной конференции. – М.:МОСУ, 2003. – С.115–120.

Как зарабатывать на жизнь переводами

Юноше (а также девушке), обдумывающему (ей) житье после окончания переводческого факультета вуза посвящается

Н.Г. Шахова

Все переводческие форумы в Интернете полны вопросов типа «С чего начать?» и «Что делать?». Мы подумали, что в профессиональном журнале переводчиков должно быть место и для ответа на такие вопросы. Ниже приведен первый материал из этой серии.

С чего начать?

Для того чтобы начать зарабатывать на жизнь переводами, нужно время. Поэтому тем, у кого нет спонсоров (родителей, супругов или других заинтересованных лиц), следует прежде всего устроиться на работу. Лучше всего переводчиком на любую зарплату (новичкам особенно выбирать не приходится) в какой-нибудь отдел переводов или в штат агентства переводов, чтобы работать под приглядом редактора. Одновременно можно набирать клиентуру (планируя стать фрилансером) или присматривать себе место с хорошим окладом (предпочитая работу в штате). Если устроиться переводчиком сходу не удалось, стоит пойти менеджером в какую-нибудь перспективную отрасль (банковскую, нефтяную) – желательно в иностранную компанию. Это позволит набрать словарный запас и специализироваться в определен-

ной тематике. (Все солидные работодатели ценят специалистов, а не просто переводчиков широкого профиля.)

Что делать?

Ходить по сайтам вакансий, откликаться на объявления, рассылать резюме. При этом надо не гнаться за массовостью, а стараться тщательно отрабатывать каждую подходящую возможность. Это значит, во-первых, что выпускнику иняза не стоит выдавать себя за опытного медицинского переводчика или претендовать на переводы в слабо освоенной языковой паре. А, во-вторых, надо выполнять требования работодателей. Написано: звонить – звоните, написано: писать – пишите, просят прислать резюме – шлите, не просят – не шлите. И все время ставьте себя на место работодателя. Представьте себе, например, что получаете ежедневно десятки файлов с неприятным названием resume.doc, и вы сразу догадаетесь назвать свое резюме Peter_Ivanov.doc.

Резюме

Правильно составленное резюме – половина успеха. В разных организациях требования разные, поэтому я рискну

дать только советы общего плана. На мой взгляд, самое важное – краткость, информативность и отсутствие орфографических ошибок (как ни странно, в большинстве резюме они есть). Составляя резюме, нужно четко представлять себе, что и как характеризует его героя. Мне, например, все равно, женат переводчик или нет и какого возраста у него дети. Для меня не имеет значения и в какой школе он учился, но уж если человек зачем-то пишет «закончил школу номер 7», то стоит указать и в каком городе расположено это достопочтенное заведение. То же касается и аббревиатур. Лучше просто написать, что работал в отделе переводов металлургического завода, чем загадочно упоминать УПП ЛГЖЗ. Если у человека богатая трудовая биография, то не всегда стоит описывать ее целиком. То, что вы работали биржевым брокером, важно для агентства, специализирующегося на финансовых переводах, но то, что в студенческие годы подрабатывали дворником – явно лишняя информация.

Не так страшен черт, как его малюют

Агентство переводов – неизменный персонаж переводческих страшилок. Все переводческие форумы полны рассказов о жадных и бесчестных агентствах, так и норовящих обмануть незащитного переводчика. Самый типичный – история о том, как сотне переводчиков было разослано в виде пробных тестов раздробленное на небольшие фрагменты огромное руководство пользователя. Сказать, что все эти ужасы полностью высосаны из пальца, конечно, нельзя. Действительно, агентства бывают разные. Однако если вести речь о серьезных организациях, важно понимать, что они играют в переводческом бизнесе важную роль и их никто не может заменить. И те агентства, которые существуют на рынке достаточно долго и работают стабильно, просто не могут заниматься жульничеством. (А кстати, раздайте какой-нибудь документ на перевод друзьям, а потом попробуйте состав-

вить из него единое целое. Вы убедитесь, что быстрее перевести все самому.)

Зачем агентство нужно заказчикам

Организации с небольшим объемом переводов агентство не нужно. Ей лучше найти хорошего переводчика и сотрудничать именно с ним. Таким образом обеспечивается единство терминологии и повышенная заинтересованность исполнителя (ведь в этом случае все деньги за работу идут непосредственно ему). Для больших организаций со стабильным объемом работ наилучшим решением является создание собственного отдела переводов. Преимущества очевидны: то же единство терминологии плюс тесный контакт переводчиков со специалистами, которые всегда могут объяснить что к чему в сложном производственном процессе.

А вот для тех организаций, у которых время от времени возникает потребность в переводе больших объемов документации, агентство представляется идеальным решением. Именно агентство с его обширными кадровыми запасами, отобранными по определенным критериям, может практически мгновенно (а переводы, как правило, нужны срочно) «поставить под ружье» целую армию специалистов в данной области. При этом агентство обеспечивает единство терминологии за счет составления глоссариев и общего редактирования. Если бы заказчик пытался решать эту задачу самостоятельно, ему бы пришлось, во-первых, протестировать огромное количество переводчиков, отсеивая 90% (редкий выпускник языковой спецшколы не считает себя переводчиком!), а во-вторых, потратить массу времени на налаживание контактов и распределение работы. Агентство же обеспечивает столь модный нынче режим «одного окна».

Зачем агентство нужно переводчикам

Если переводчик давно работает на рынке, нашел множество прямых заказчиков, которые держатся за него лично и

готовы платить по его ставкам, то агентство ему не нужно. Однако такая идеальная для переводчика ситуация встречается крайне редко, во всяком случае не в первые годы работы. Начиная переводчик, который не может или не хочет работать в отделах переводов (научный сотрудник НИИ, подрабатывающий переводами, кормящая мама или просто любитель свободного расписания), лучше всего будет себя чувствовать, выполняя заказы агентств. Достаточно наладить прочные контакты с двумя-тремя надежными агентствами – и не нужно будет тратить время ни на поиски работы, ни на выбивание денег из заказчиков. Да и общение с редактором помогает оттачивать мастерство. Разумеется, приходится поступаться частью своего заработка в пользу агентства. Это и называется разделением труда: агентство берет на себя часть работы и получает за это часть вознаграждения.

Что такое надежное агентство

Самое верное представление об агентстве можно получить из опыта общения с ним. Однако такой опыт чреват денежными потерями. Поэтому для начала лучше присмотреться к нему, постараться узнать мнение знакомых или посетителей переводческих форумов.

Сайт

С одной стороны, наличие своего сайта, казалось бы, хорошо характеризует организацию. С другой стороны, многие бюро переводов образовались еще в советские времена (и это плюс!), когда никаких интернетов не было и в помине. Имея стабильный круг заказчиков, они часто продолжают жить по старинке, не испытывая потребности в сайте. И наоборот, два студента-программиста, решившие быстро нажиться на чужих переводах, могут объявить себя агентством, сделать очень красивый сайт, развесить рекламу по всему Рунету и пару месяцев собирать деньги с клиентов, ничего

не платя переводчикам. Поэтому само по себе наличие сайта не является гарантией благонадежности.

Офис

Хорошо оснащенный офис, расположенный в хорошем месте, говорит о солидности агентства, но при этом и о его высоких накладных расходах, которые оплачиваются, естественно, все из тех же денег, полученных за переводы.

Контактность

На мой взгляд, важнее всего быстрота отклика. Когда я в качестве заказчика искала агентство для перевода на языки СНГ, то обзвонила кучу организаций, разослала множество сообщений по электронной почте. Большинство найденных в Рунете бюро просто не откликнулось! Однако здесь важно различать отклики на обращения заказчиков и переводчиков. Хотя большинство агентств находится в постоянном поиске рабочей силы (квалифицированных переводчиков на самом деле чрезвычайно мало), тем не менее это верно не для всех агентств. Поэтому если агентство не откликнулось на ваше предложение, это еще не характеризует его плохо. Хуже, если оно не выполняет своих обещаний: если в объявлении сказано «присылайте нам свои резюме, мы обязательно вам ответим», а ответа нет, то это тревожный знак.

Заграница нам поможет

Самые выгодные клиенты живут, конечно, за морем-окияном. У них только два минуса: до них трудно добраться и с них сложно получать деньги. Общие принципы, однако, те же: лучше прямой клиент с большим объемом работ, чем агентство; важно убедиться в надежности заказчика; надо целенаправленно рассылать правильно составленные резюме (образцы англоязычных резюме нетрудно найти в Интернете).

И все у вас получится!

С чего начинается скоропись, или Practice makes perfect

А.П. Чужакин

Когда автор в 1970-е годы учился на 4–5 курсах переводческого факультета иньязы, занятия по переводу в нашей группе вели такие легендарные мастера, как А.Д. Швейцер, Я.И. Рецкер, А.М. Фиртерман, а устный перевод – еще молодые преподаватели-практики, имевшие большой опыт работы, в том числе в ООН, других организациях.

Учебники тогда были только по письменному переводу и его теории¹, а устному учили «на пальцах», на основе собственного опыта. Это касалось и скорописи: объяснялись некие общие принципы, и затем, как котят в воду, бросали в стихию последовательного перевода – и на занятиях, и на практике, за стенами МГПИИЯ.

Как ни пытался, никак не удается вспомнить момент, когда удалось перейти к самому важному: одновременно слушать, анализировать и записывать. Разумеется, пригодился студенческий опыт конспектирования многочисленных скучнейших лекций – но конспект надо озвучивать не сразу, а лишь на экзамене.

Тогда система Р.К. Миньяр-Белоручева лично нам не была известна, и «натаскивание» шло большей частью по системе

Ю. Розенцвейга, основанной на использовании символов.

Однако жизнь показала, что все же удобнее использовать аббревиатуры, а не символы, сокращения, а не абстрактные знаки, смысл которых надо было еще учить дополнительно, как некий «третий язык».

Все же, имея даже такую «доморощенную» систему записи и приобретя некоторый опыт на второстепенных встречах и переговорах, можно было чувствовать себя «королем» практически в любой ситуации: требовались лишь ручка, блокнот, стопка бумаги и колено – если не было стола.

Конечно, огромную роль играли память, еще свежая и емкая, знание темы (а скорее общая эрудиция, вбитая в юные головы накрепко), а также приобретенное самостоятельно – через радио, книги, журналы и газеты, меньше – через фильмы.

Парадокс – чем больше информации в обществе, тем менее оно информировано. Вот уж где нам наконец удалось догнать Америку!

Закономерность – чем глубже знаешь предмет разговора, тем меньше можно записывать (часто только цифры и общую канву логического развития – «концепты»).

¹ Правда, существовали разные разработки, небольшие по объему, в том числе и по скорописи. Но их на всех постоянно не хватало.

Практические занятия

Но особенно остро ощутилось все значение скорописи, когда пришлось сначала просто записывать ответственные беседы и переговоры (переводил сначала непосредственный начальник), а затем и переводить, и делать запись беседы по своим «каракулям», которые при всем желании даже шпион не смог бы разобрать – очень кстати, так как записи шли под грифом «совершенно секретно» или даже «особая папка».

Работа над записью часовой беседы занимала 6–8 часов, а потом еще пару часов – вносить правку начальства. Это была отличная школа совершенствования умения логично и четко выстроить информацию, полученную на ином языке, в соответствии со строгими нормами жанра и требованиями родного языка.

Скоропись как опора оперативной памяти выручала на самых ответственных встречах между лидерами и вождями, начальниками и «их народом». Эта стопка бумаги, испещренной столбиками сокращений, цифр, имен, часто исписанной с обеих сторон, послужив сырьем для записи, безжалостно уничтожалась: хаос и сумбур уступал место 5–6 машинописным листам шедевра жанра бюрократической прозы.

С годами рассчитывать на память становится сложнее и тем более возрастает роль осмысленной и систематизированной переводческой записи – особого жанра кодирования и компрессии информации, без которого немислим настоящий профессионал.

А теперь – к примерам:

Самостоятельная работа по овладению УПС.

Этап 1. Выделение ключевых концептов.

Интервью с владельцем отеля (Прага)

Q: Как вы охарактеризуете ваш новый **отель** в Праге?

A: The hotel is dedicated to **music**. There are four categories: the fifth floor is all about **jazz**, the **fourth** is **opera**, the third is all about

classical music and the **second** floor is dedicated to **contemporary** music. Music is programmed into **computers** in all **rooms**. The **walls** are specially **sound-proofed** so you **can** have the volume as high as you want. If you are tired of the composer programmed into the computer, you **can** go to our **music library** and **choose** whatever music you like.

The hotel concept is also based on the fact that **we** want to create a **social environment** here. The ground floor and lobby are a sort of **playground** for the **guests** and their **visitors**. We have a beautiful **restaurant**, a **music salon** with flat TV screen that can be **reserved**. There is a music **library**, which will have an archive of **300 live concerts**. You can **borrow** any of them and **reserve** the little music salon or larger hall.

In the library you can **borrow** different kinds of material including **books**, **CDs** and so forth. You can just dive into the material. The music library will have a **director of music**, and her job will be to **inform** hotel guests or even people who just come to the hotel for dinner or a visit about ongoing **music performances and activities** in our **hotel** and **Prague**. The idea is that this is **not** just a hotel where you reserve a **room** and **sleep** or have **dinner**. This is a kind of hotel where you want to **come with your friends** and **entertain** or **educate yourself**.

Этап 2. Запись key words (компрессия)

Q: Каков нов. отель?

A: Музыка! 5 этаж – джаз
4 – опера
3 – классика
2 – соврем. муз

Стены – изоляция. Громкость любая. Можно музыку в б-ке, РС номерах.

Мы: светск. обстановка: вестибюль общение, гости: рест., муз. салон ТВ монитор – заказать. Архив – 300 записей – заказ любой или салон. Взять, слушать.

Биб-ка: книги, CD etc. Директор информирует: события здесь и в городе.

Отель – друзья, развлечься, узнать новое.

Этап 3. Запись при помощи УПС (аббревиатуры и сокращения, в основном на английском языке).

Q: Каков?

A: M! 4к: 5- jz
 4 op
 3 clas
 2 contm } эт²

PC = mus W² = s/p = vol = ↑
 Lib - ↑ any.

Hot = soc. env: 1 + lobby social

we: rest
 m/sln
 TV big
 mus lib
 arch. 300/take any.

Lib: bk², CD², etc

Dir/mus = info a/one: mus O² here& PRG

Hot ≠ sleep/eat ← g², fun, entrnt.

Разумеется, можно записать еще лаконичней, короче. Это зависит от вашего знания темы, а также темпа речи переводимого, его индивидуальных особенностей (фразировка, паузы, логика).

Главное – суметь расшифровать свои записи, корректно и в хорошем темпе озвучить их.

Пресс – релиз

Конференция в МГЛУ

15–16 апреля с.г. в МГЛУ прошла III Международная практическая конференция «Проблемы обучения переводу в языковом вузе», в ходе которой обсуждались проблемы подготовки профессиональных переводчиков.

Пленарное заседание открыл проректор МГЛУ проф. С.Ф. Гончаренко, передавший приветствие ректора университета академика РАО И.И. Халеевой. Далее в своем выступлении Гончаренко обрисовал проблемы переводоведения, практики перевода и подготовки переводчиков, проанализировал и поставил задачи повышения уровня вузовского обучения переводу.

Интересные и глубокие доклады представили: крупнейший теоретик переводоведения проф. В.Н. Комиссаров, а также замечательные ученые и практики такие, как проф. М.Я. Цвиллинг, проф. В.Н. Шевчук, проф. Д.И. Ермолович, а также гостья из Италии проф. Генуэзского университета Лаура Сальмон. Затем началась дискуссия. Живой обмен мнениями не прекращался и в кулуарах – во время перерывов на кофе, в фойе, рядом с книжными прилавками.

С сообщениями выступали профессора и преподаватели МГЛУ, других вузов Москвы, коллеги из Нижнего Новгорода, Саратова, Минска, Челябинска и др. городов, представившие различные аспекты практики и теории перевода.

Днем началась работа секций. Работа велась по четырем направлениям:

- Перевод: норма, качество, контроль;
- Формирование вторичной языковой личности в процессе подготовки переводчиков;
- Подготовка преподавателей перевода;
- Контроль и критерии оценки качества перевода.

Вечером, во время неформального коктейля, участников конференции приветствовал декан переводческого факультета Ю.А. Разживин. Конференция завершилась к вечеру следующего дня, став заметным явлением в ряду научно-практических «корпоративных» форумов России и СНГ.

Хотелось бы, чтобы в апреле 2005 года для участия в следующей конференции смогли приехать еще больше гостей, представителей разных школ и направлений.

В гостях у лучшего друга переводчиков всех времен и народов

Д. Ермолович

Как известно, товарищ Сталин был лучшим другом пионеров, физкультурников, хлопкоробов и т.д. Был он и выдающимся языковедом – читателю, вероятно, знакома диссидентская поэма Юза Алешковского, в которой нашла отзвук дискуссия по языкознанию, неожиданно начатая Сталиным в 1950 г. («Товарищ Сталин, вы большой ученый; в языкознании знаете вы толк...»). Но вот свое отношение к переводчикам Сталин не высказывал. Поэтому лучшим другом переводчиков был все-таки не он.

А лучшим другом переводчиков среди политических лидеров – возьму на себя смелость заявить – был и, по-видимому, остается «любимый руководитель корейского народа, дорогой товарищ» Ким Чен Ир. Узнал же я об отношении этого человека к нашей профессии, как

и многие другие советские переводчики, пятнадцать лет назад – в июле 1989 года, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Пхеньяне.

Это был последний всемирный фестиваль коммунистической молодежи, состоявшийся до распада Советского Союза и проведенный, как и все предыдущие, в основном на деньги нашей страны. (Потом состоялся еще один – уже без наших денег и с очень малочисленной делегацией российских комсомольцев – в Гаване, про который я ничего рассказать не могу.) К 1989 году я давно вышел из комсомольского возраста, но ехал я на фестиваль не делегатом, а синхронистом в составе очень большой группы советских переводчиков. Заседаний и форумов на фестивале было намечено великое множество, и везде требовался многоязычный синхронный перевод.

КМО

Подбором переводчиков для фестиваля занимался Комитет молодежных организаций СССР. КМО был фактически отделом внешних связей ЦК комсомола, но его формальная автономность должна была создавать за рубежом впечатление, что, кроме комсомола, в Советском Союзе есть и другие молодежные организации. КМО с давних пор был крупным работодателем как линейных,

так и синхронных переводчиков. Меня, как и многих других моих однокашников, стали привлекать на работу с делегациями и на конференциях КМО со второго курса инъяза*, что оказалось прекрасной переводческой школой.

Кроме того, работа от КМО была интересной и в человеческом плане. В самом комитете и «при нем» работало много интересных, неординарных и весьма симпатичных мне людей, большинство из которых были выпускниками родного инъяза. К их числу принадлежал и ответственный за набор синхронистов на фестиваль – Алексей Ананьев, возглавивший нашу многочисленную бригаду в Пхеньяне.

Пересекаем границу

Летели мы в Пхеньян долгим рейсом с посадкой в Хабаровске. Рейс был смешанным: внутренне-заграничным. До Хабаровска все было по-советски уныло: от мрачных стюардесс до малосъедобных цыплячьих крылышек с костями, после которых руки становились жирными, а вытереть их было нечем – разве только носовым платком, так как бумажных салфеток в ту пору в самолетах не выдавали.

В Хабаровске самолет покинули внутренние пассажиры и нас тоже выгнали на улицу, где мы протоптались около часа под каким-то навесом. Зато, когда мы вернулись в самолет, все переменялось – начался международный отрезок полета. Экипаж сменился на другой, «заграничный»: стюардессы надели на руки белые перчатки, а на лица – улыбки и после взлета сразу стали развозить шампанское и другие напитки, которыми на внутренних рейсах в ту пору приходилось запасаться самостоятельно. (Что, кстати, и сделали многие мои коллеги: еще в Шереметьеве они поднялись на борт с увесистыми портфелями. Сразу после взлета портфели были вскрыты,

и весело засверкавшие в них бутылки с красивыми наклейками были извлечены и пущены в дело).

Гостиница

Часа через три после вылета из Хабаровска мы приземлились в Пхеньяне. Формальности не заняли много времени, и нашу многочисленную группу стали развозить по разным гостиницам. Конечно, тогда еще об отдельных номерах для каждого переводчика не могло быть и речи. Нам предложили разбиться на пары. Я поселился в одном номере с Александром Михеевым: мы с ним объединились прежде всего как некурящие люди (коих в нашей синхронистской среде, увы, немного). Когда я зашел в номер, вспомнилось детство: комната была обставлена в стилистике 1950-х годов. Особенно характерным оказался телевизор – он напоминал советский телевизор второго поколения «Знамя», сменивший первый «КВН», который стоял у нас дома, когда наша семья жила еще в одной комнате в огромной московской коммуналке.

Но на следующий день, когда мы вернулись в номер вечером, старого телевизора там уже не было, а на его месте стоял новенький «Сони». Гостиница аврально модернизировала номера иностранцев. Кстати, к нам, синхронистам, тоже были приставлены переводчики из числа корейцев для помощи и сопровождения. Корейцы жили в номерах по другую сторону гостиничного коридора, но в других условиях: по четверо, без удобств и, конечно, без всяких телевизоров.

Телевидение

Впрочем, и наш «Сони» нельзя было смотреть без смеха или без слез: программ было всего две, и по ним шла сплошная пропаганда. Я, конечно, не понимал корейского, но из интереса смотрел новостную программу – аналог нашей программы «Время». Так вот, северокорейское «Время» состояло только

* Обоснование такого написания Д.И. Ермолович дает в конце этой статьи.

из двух блоков информации: Ким Ир Сен и погода. Сначала долго показывают Ким Ир Сена, принимающего какую-то африканскую делегацию. Потом идут кадры о том, как эта делегация посещает

музей подарков «великому вождю» и другой музей – дом, в котором он родился. Дальше опять долго показывают Ким Ир Сена, принимающего уже другую иностранную делегацию. Затем вторая делегация посещает музей подарков и дом-музей. Вслед за этим – прием третьей делегации... ну, и так далее до упора. В конце выпуска – сообщение о погоде.

Прочие телепрограммы были посвящены, судя по видеоряду, производственным успехам города и села. Однако надо отдать должное: в дни фестиваля корейцы, видимо, решили продемонстрировать, что они все же не лыком шиты и знакомят свой народ с мировой культурой. По телевизору периодически показывали иностранные фильмы 1950-х годов: в основном, кажется, французские на исторические и сказочные сюжеты. Попадались и старые советские фильмы. Естественно, дублированные. А один раз была даже трансляция концерта Аллы Пугачевой, которая тоже приехала на фестиваль и шокировала северных корейцев сверканием своих оголенных ножек под неприлично короткими балахонами. И это в стране, где девушки все сплошь ходили в одинаковых закрытых платьях до щиколоток и с длинными рукавами до запястий.

Модернизация

К фестивалю в Корее было многое построено и осовременено. По крайней мере там оказалось некоторое число вполне современного вида гостиниц. Для перевозки участников было закуплено много машин и автобусов. Впрочем, не все продумали как следует: часть автомобилей купили в Японии, и они были с правым рулем, несмотря на то что в Корее движение правостороннее. В результате у того микроавтобуса, на котором нас возили на работу, дверь для пассажиров была с правой стороны, и выходить из нее надо было на проезжую часть.

Нам сказали, что до фестиваля в Пхеньяне не существовало светофоров. В них, видимо, и не было большой нужды, поскольку частных машин в Корее нет, а государственных не так уж много, так что уличное движение очень слабое. Ну, а там, где все же возникает необходимость регулировать перекрестки, роль светофоров выполняют милые девушки-регулирущицы. Многие из них стоят на высоких тумбах посередине перекрестка и, как автоматы, непрерывно машут жезлами, свистят в свистки и поворачиваются, пропуская машины в нужном направлении. Когда темнеет, на спине у девушек загорается лампочка. Если же идет дождь, они надевают прозрачные плащи с капюшонами, но продолжают без устали крутиться и жестикулировать жезлами. Впрочем, несколько автоматических светофоров к лету 1989 года в Пхеньяне все же установили, но они еще не были подключены и не работали.

На улице

Гуляя по улицам, мы четко ощущали свою инородность. Большинство иностранных делегатов фестиваля одевались по-летнему, то есть гуляли по улицам Пхеньяна в шортах и футболках, а некоторые (кажется, немцы) иной раз ходили вообще раздетыми до пояса. Корейцы же все были одеты очень строго. О девушках

и женщинах я уже сказал, а мужчины носили длинные брюки и либо легкие пиджачки, либо рубашки, из-под которых просвечивала нательная майка. А как же еще одеваться, если носишь на груди значок с портретом Ким Ир Сена! Ношение такого значка у них – дело обязательное всегда и везде, а если ты его забыл дома, то тебе обязательно влепят выговор по партийной, комсомольской или пионерской линии.

Портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира являлись также обязательным элементом всех без исключения интерьеров как общественных зданий, так и жилых квартир. Они должны были висеть в каждой комнате. Красовались такие портреты и у нас в номере. Когда же мы шли вечером по улице мимо многоквартирных домов, то эти портреты были видны в каждом окошке, потому что вешать на окна занавески северным корейцам не полагается – у них не должно быть секретов от партии и страны. Через незанавешенные окна видно было и то, что семьям разрешается иметь в комнате только один вид светильника – люминесцентную лампу-трубку под потолком.

Отношение обычных прохожих к иностранцам, которые, естественно, резко отличались от местного населения, было как к инопланетянам. Помню, я как-то шел по тротуару, а навстречу мне двигалась, глядя в землю, старушка. До поры до времени она меня не замечала, но в какой-то момент подняла глаза. Ее взгляд пересекся с моим, и на лице кореянки отразился неопиcуемый ужас оттого, что она оказалась на линии моего пути, хотя я был еще на расстоянии метров десяти. Словно кошка, женщина отпрыгнула метра на полтора в сторону и дальше уже огибала прищельца на «безопасном», по ее мнению, расстоянии.

В троллейбусе, которым мы с Сашей Михеевым однажды воспользовались, граждане в смятении повскакали со своих мест, чтобы освободить их для нас,

чем поставили нас в крайне неловкое положение. Юные пионеры на улицах, правда, вели себя увереннее: они деловито отдавали рукой салют, встречая делегатов фестиваля. Если по улице проезжал грузовик со школьниками (а их возили именно в открытых грузовиках), то салют был коллективным. Видимо, школьникам заранее разъяснили, что молодежь всего мира съехалась в Пхеньян на фестиваль, чтобы заявить о своей поддержке политики их великой страны.

Сибаритство

К нашим услугам было множество удовольствий. В один из первых же дней нашего пребывания в Пхеньяне нас повезли в только что отстроенный парк развлечений со всякими аттракционами. Правда, парк оказался безлюдным – кроме нас, там никого не было, но на аттракционах можно было кататься совершенно бесплатно. Впервые я увидел там и современный аквапарк с водяными горками. В тот же день все убедились, что даже под открытым небом аквапарк – сооружение опасное: одна наша молодая коллега, съезжая с водяной горки, на большой скорости столкнулась с парнем, стоявшим у подножия, и сломала себе ногу. В итоге фестиваля она так и не увидела, пролежав несколько недель загипсованная в пхеньянской больнице. Мы ходили ее навещать, но можно себе представить, как тяжело ей было там в одиночестве! Домой она вернулась, только когда сняли гипс, то есть значительно позже всех нас.

Саша Михеев быстро сориентировался и выяснил, что мы можем ходить в лучший городской бассейн, предназначенный для подготовки олимпийцев и других спортсменов страны. Режим работы у нас был не очень напряженный, и мы почти ежедневно наведывались в этот спорткомплекс. Когда мы туда ходили, кроме нас в 50-метровом бассейне практически никого больше не было. Мы

получали большое удовольствие от плавания в бассейне, и вот тогда-то Михеев изрек свое кредо сибарита, состоявшее из двух пунктов:

- 1) Красиво жить не запретишь;
- 2) Как правильно мы живем!

Потом он неоднократно повторял эти слова в компании других переводчиков, и они получили определенную популярность. Кое-кому из коллег эти высказывания понравились, и они подхватили их как шуточный девиз. Мне, правда, эти сентенции казались не вполне удачными с точки зрения логики: если первая фраза действительно может сойти за какое-то правило жизни, то вторая есть лишь некая констатация, но никак не принцип. Но факт остается фактом: и спустя многие годы кто-то из моих коллег с удовольствием цитирует «принципы Михеева».

Подарки

После бассейна мы ходили на корейский массаж. Его выполняли опытные профессионалы, внушавшие большое доверие. Самочувствие после такого массажа было превосходным. Эта услуга была, как и бассейн, совершенно бесплатной, но во время последнего сеанса мы в знак признательности подарили нашим массажистам традиционные русские сувениры (сами догадайтесь, какие – но не матрешки). Массажисты не стали проявлять коммунистической принципиальности и отказываться от подарков: напротив, они приняли бутылки совершенно невозмутимо и отработанным жестом убрали их в укромные места.

В связи с темой сувениров упомяну еще один эпизод: я сделал небольшой подарок также пареньку-корейцу, который был к нам приставлен в качестве гида и помощника и действительно во многом помогал. Это была мужская сумочка-«визитка», как их тогда называли, приобретенная мной накануне поездки в специальном отделе ЦУМа, где нас и всех членов советской делегации «экипировали» к фестивалю по талончикам КМО.

В Союзе такие сумочки уже почти вышли из моды, а вот в Северной Корее мода на них была на самом пике, и я решил, что парень обрадуется сувениру. Однако он стал отнекиваться, не хотел брать подарок, а когда я наконец настоял, принял его с видом мученика. И в дальнейшем страдальческое выражение не сходило с его лица. Такое поведение показалось мне странным, но потом я, кажется, догадался, в чем дело: свой подарок я сделал парню в довольно людном месте, и он, видимо, испугался, что кто-то увидит это и сообщит куда следует. Так что ему явно потом пришлось расстаться с этой «визиткой» и сдать ее в какой-нибудь фонд комсомола или партии. Да, хорош я: не сообразил сделать это в более укромном месте.

Открытие фестиваля

Весьма впечатлял праздник на стадионе, посвященный открытию фестиваля, во многом напоминающий церемонии открытия Олимпийских игр. Главным его акцентом были «живые картины» – трибуна со специально обученными людьми, которые по определенному сценарию выкидывали флаги и надевали шапочки разных цветов, так что перед зрителями представляли красочные изображения, надписи, а то и мини-фильмы. На поле стадиона, сменяя друг друга, выступали, конечно, многолюдные колонны физкультурников, труппы циркачей и ансамбли танцоров.

Ударным танцевальным номером в большинстве церемоний и концертов были женские ансамбли, которые по ходу танца удивительным на первый взгляд образом демонстрировали мгновенные переодевания. Вот девушки идут хороводом, который скручивается в спираль, а потом спираль раскручивается, и оказывается, что платья на них превратились из желтых в розовые. Темп музыки убыстряется, девушки резко оборачиваются вокруг своей оси и, выходя из поворота, предстают перед изумленной

публикой уже в зеленых нарядах. И так шесть или семь раз за танец. Посмотрев подобные танцы несколько раз на разных концертах, я, наконец, разгадал секрет фокуса. Он несложен, и читатель тоже смекнет, в чем дело, если я скажу, что после каждого «превращения» платья на девушках становились чуть длиннее, а их верхняя блузочная часть – чуть менее пышной.

Бурные, продолжительные...

В 1989 г. был еще жив «великий вождь» корейского народа Ким Ир Сен. Его сын – Ким Чен Ир – давно уже был назначен преемником и носил титулы «дорогой товарищ» и «любимый руководитель» (без них его имя никогда не называлось). Впервые мы увидели отца и сына именно на церемонии открытия. Написав «отца и сына», я подумал: да, не хватает только духа святого. Впрочем, эту функцию выполняют в Северной Корее идеи «чучхэ»: идеология коммунистического воспитания населения, суть которой сводится к культу личности вождей. Нет нужды и говорить, что колоссальные статуи Ким Ир Сена (некоторые из них – золотые) стоят в стране повсюду. На каждом шагу встречаются и красочные портреты лидеров, а также сюжетные картины, изображающие встречи вождей с народом, во время которых они своими ценными указаниями вдохновляют людей на новые свершения.

Так вот, как только два северокорейских лидера появились в правительственной ложе, весь стадион взревел, зааплодировал и повскакал со своих мест. В Северной Корее так полагается – приветствовать вождей бурным ликованием. Конечно, иностранцы встали из вежливости, а корейцы – те не просто ликовали, а во весь голос кричали приветственные возгласы, бешено размахивали флагами и прыгали на месте. Мы, советские переводчики, размещенные на гостевой трибуне более или менее компактно, тоже поднялись и похлопали.

Ликование стадиона продолжалось. Шли минуты. Мы уже устали хлопать и приняли позу «вольно». Стадион продолжал реветь. Вот еще проходят минуты и минуты, а общий энтузиазм не иссякает. Мы начинаем переглядываться.

Спустя минут десять Алексей Ананьев, наш старший, демонстративно садится на свое место. Молодец, поддержал я его мысленно и тоже сел, вместе со многими переводчиками. Должно же все иметь разумные пределы! Но нелегко, скажу я вам, оставаться в сидячем положении, когда все вокруг стоит и беспрерывно аплодируют. Я заметил, что кое-кто из севших не выдержал и снова встал. Всеобщее ликование продолжалось в общей сложности минут пятнадцать или двадцать. Впоследствии я был свидетелем чего-то подобного, когда мы были в Пхеньянском цирке. Представление тоже решил внезапно посетить кто-то из вождей – я, честно сказать, не разглядел, кто именно из двоих. При его появлении в правительственной ложе выступления прервались и повторилась длительная демонстрация народной любви, причем цирковые артисты на арене чуть ли не на головах ходили от радости пред ликом одного из своих великих кормчих.

Работа

Должен сказать, что собственно работа синхронистов на фестивале была нетрудной. Как известно всем переводчикам, чья карьера началась в советский перевод, самая легкая тема для перевода – это борьба за мир. Именно этим мы там и занимались. Клеймили позором империализм и укрепляли солидарность прогрессивной молодежи всего мира.

Кроме многочисленной советской бригады, на ниве синхронного перевода трудились также ребята из Болгарии, ГДР и Кубы. В этих странах были очень сильные школы синхронистов, и мы ментально нашли с ними общий профессиональный язык, быстро и четко дого-

вариваясь, какой язык делать осевым так, чтобы всем это было удобно.

Я помню, как меня восхитили кубинские переводчики, с которыми пришлось работать вместе на одном из форумов. Испанский язык занимал важное место на фестивале, так как приехало много делегаций из Латинской Америки. Кубинцы просто блестяще переводили с испанского на английский, который мы сделали осевым. А мы в нашей кабине, естественно, переводили с английского на русский и обратно. Корейская кабина на всех мероприятиях тоже присутствовала, однако вузы КНДР синхронистов не готовили, и те корейцы, которых определили на фестивале в синхронисты, были явно не в своей тарелке. То, что они переводили с корейского на русский, было практически невозможно понять. Впрочем, необходимость «брать» с их перевода возникала редко.

Банкеты и еда

Ну, а сейчас я объясню, почему я называл Ким Чен Ира лучшим другом переводчиков-синхронистов. Дело в том, что помимо обширной культурной программы, предложенной во время фестиваля всем участникам, специально для синхронистов были организованы многочисленные увеселительные поездки и экскурсии, а самое главное – целых три роскошных банкета.

Первый банкет проводился в плавучем ресторане под названием, кажется, «Золотой дракон» или что-то в этом роде. Там-то нам и объявили во время специального приветствия, зачитанного представителем корейской стороны, что прием дается от имени любимого руководителя, дорогого товарища Ким Чен Ира в честь синхронистов, поскольку он очень высоко ценит и уважает их труд.

Несколько слов о корейской кухне. Свидетельством уважения к гостю считается в Корее частая смена блюд. На обеда и ужины нам подавали по шесть-семь блюд, перемежая довольно пресные блю-

да с невообразимо острыми. Если сначала по неосторожности я попробовал какое-то острое блюдо, от которого у меня чуть не выпали глаза из орбит, то потом я научился разбираться в кушаньях лучше и употреблял только неострые яства. Мне и этого было более чем достаточно.

Мы не могли не заметить, что корейские коллеги, питавшиеся за отдельными столами, получали куда более скромное питание: одно-два блюда. Нам было неловко, тем более что мы хорошо понимали, что стране далеко до продовольственного изобилия. Население живет по карточной системе. В продовольственных магазинах чисто и красиво, но товар на полках скудный, а покупателей почти нет. Не сразу, но мы поняли почему: купить продукты можно только по карточкам, а если ты выкупил свою месячную норму, то тебе и в магазине нечего делать.

Деньги и покупки

Кстати, отвлекусь ненадолго и добавлю, что в стране ходят три вида денег (корейская денежная единица называется «вон»). Первый вид – воны грязно-коричневого цвета, ими платят зарплату рядовым гражданам, и на них почти ничего нельзя купить. Другой вид – розовые воны: на них можно отовариваться в спецмагазинах (типа существовавших в Союзе «Березок»), но продаются за них не все, а лишь не самые дефицитные товары. Наконец, третий вид – синие воны – равноценны твердой валюте, и на них можно купить в корейской «Березке» любой импортный товар. Розовыми и синими воннами платят зарплату привилегированным лицам – очевидно, нерядовым чиновникам и партийному начальству. Членам «внутренней партии», если использовать терминологию из памятного романа Джорджа Оруэлла.

Нам, переводчикам, заплатили деньги за работу розовыми воннами, которые, хоть и не были полноценной валютой, все же позволили нам купить очень различные вещи себе и всем близким. В те

годы каждому советскому человеку, выезжающему за границу, было просто стыдно не привезти из-за кордона подарки всем своим родственникам и близким друзьям. Кроме того, для участников фестиваля устроили что-то вроде рынка народных ремесел, где тоже было много интересного. Я, например, купил себе рюмочку из нефрита. Говорят, нефритовая посуда обладает особыми энергетическими или даже целебными свойствами. В любом случае это очень красивое изделие, и сейчас я жалею, что не купил тогда целый набор.

Один из моих друзей и коллег Илья решил купить себе в пхеньянской «Березке» огромный импортный телевизор (кажется, японский). Лично я не стал бы этого делать, просто чтобы не возиться с такой тяжелой громадиной, но тогда у нас хорошая электронная техника была в дефиците, и понять его желание порадовать семью было можно. Он, бедняга, намутился с этим ящиком на обратном пути: когда мы прилетели в Шереметьево, была уже глубокая ночь. О доставке переводчиков в город из аэропорта КМО не позаботился. Везти телевизор можно было только на такси, но таксисты из шереметьевской мафии среди глухой ночи стали заламывать цену чуть ли не в треть стоимости самого телевизора. Это при том, что Илье надо было ехать не так далеко – в район Ленинградского проспекта.

Илья уже собрался было сидеть в аэропорту до утра, но тут сами таксисты-мафиозники подтолкнули к нам робкого паренька. Тот явно не входил в их «группировку», а был просто наивным леваком, решившим подзаработать. Он запросил вполне разумную цену, и нас даже удивило, почему таксисты позволили ему взять пассажиров и сбить им рынок. Причину я понял позднее. Машина у него оказалась совершенно разбитой «волгой». Делать нечего, мы с Ильей взяли эту машину на двоих, так как нам было, в общем-то, по пути. Доставив Илюшу с его телевизором и парой огром-

ных чемоданов домой, парнишка-левак повез домой и меня. Когда я расплачивался с ним, он сказал: «Добавить надо бы». – «За что? – спрашиваю. – Уговор дороже денег». – «А за то, – отвечает паренек, – что у меня в машине тормоза не работают, а я вот довез же вас обоих до дому и не угробил». Меня бросило в холодный пот. «У тебя тормоза не работают? – возмутился я. – Так это ты нам должен заплатить, что мы своей жизнью в твоём драндулете рисковали!».

Женьшеневка

Но вернемся к нашему пребыванию в Пхеньяне. Один из товаров, который имелся там в изобилии и продавался почти в каждом магазине, – настоя женьшеневого корня, или женьшеневая водка. Она была там разных сортов – подешевле и подороже, но и самая дешевая «женьшеневка» вполне устраивала тех из моих коллег, у кого постоянно «горела душа». Чего греха таить, среди представителей нашей профессии таких людей немало, и они ежевечерне отдавали дань женьшеневой настойке, тем более что наличие в напитке знаменитого «корня жизни», пусть и искусственно разводимого на плантациях, создавало иллюзию медицинской полезности продукта.

Второй прием для синхронных переводчиков состоялся в ресторане одной из гостиниц, где мы жили. Там тоже рекой лились спиртные напитки и подавались обильные угощения. Данный прием считался прощальным и был устроен накануне нашего отлета. На следующее утро нас должны были отвезти в аэропорт около 9 утра.

Понятное дело, что, раз работа закончилась, надо было хорошо отметить ее окончание, как и завершение нашего пребывания в гостеприимном Пхеньяне. Многие коллеги уже не видели никаких причин ограничивать себя в потреблении «женьшеневки». В номера многие вползали кто в три, а кто и в четыре утра.

В бункере вождей

И вот представьте себе: любовь Ким Чен Ира к синхронному переводу и представителям нашей профессии оказалась столь сильным чувством, что он приказал устроить уже не для всех, а на сей раз только для советских синхронистов еще один, самый роскошный прием. Когда же найти для него время? Решение было найдено просто. Вылет самолета «Аэрофлота» задержали, а нас корейцы-сопровождающие стали будить и выволкивать из номеров аж в семь часов утра.

Можно было наблюдать, как некоторых коллег, находившихся в полубесчувственном состоянии, буквально под руки выводят из номеров и заталкивают в автобус. У некоторых еще не были собраны вещи, и поскольку сами они были совершенно не в состоянии не только их собрать, но и сообразить, где они находятся и чего от них хотят, их соседи по номеру, чуть лучше держащиеся на ногах, слабо скоординированными движениями распахивали как попало вещи и покупали друзей по их чемоданам.

Наконец всех загрузили в автобусы и повезли к месту торжественного приема. Везли нас долго, а затем в окошко автобуса я увидел, что мы проезжаем сквозь блок-посты и массивные ворота с отъезжающими в сторону бетонными стенами. Таких блок-постов и ворот оказалось несколько, штук пять, и в какой-то момент дорога ушла в тоннель. Мы поняли, что нас везут в подземный бункер.

Когда нас высадили, мы оказались во дворце. Окон в этом дворце не было, что и понятно, поскольку он находился под землей. Вместо них в стенах были огромные витражи, подсвеченные сзади, с изображениями величественных горных пейзажей. Потолки были высокие, и никакого ощущения подземелья не возникало. Какое-то время мы ходили, восхищенно осматривая роскошный декор холлов и коридоров дворца, и даже фотографировались, в чем нам никто

не препятствовал. (Две сделанных тогда в бункере любительские фотографии с коллегами я публикую на этих страницах, но прошу извинения за их невысокое качество.) Затем нас пригласили пройти в банкетный зал.

Лукуллов пир

Зал имел форму правильного шестиугольного многоугольника. В нем было расставлено 32 стола, каждый на восемь человек (сообщаю эти сведения так точно потому, что у меня сохранился врученный мне при входе билетик с планом

рассадки и указанием номера стола). Рассевшись, мы обнаружили, что перед каждым прибором стоит батарея из восьми рюмок разных размеров, выстроенных «по росту». Каждая предназначалась для определенного вида напитка, который полагалось пить вместе с той или иной сменой блюд. Официанты тут же и приступили к разливу горячительного. И это ранним утром, когда не было еще и восьми часов!

Мы ожидали, что, может быть, сам «дорогой товарищ» почтит прием своим присутствием. Но нет, вместо него к микрофону подошел менее дорогой, но тоже важный товарищ и зачитал приветствие второго лица государства нам, советским синхронистам. Да, все это организовано специально для нас, да еще и в таком месте, куда, я уверен, попадают немногие из приезжающих в КНДР иностранцев.

Не буду перечислять тех лукулловых яств, которыми были уставлены столы. Скажу только, что они производили совершенно убийственное впечатление, особенно потому, что в такую рань никакая еда не шла в горло. Я кажется, не удержался только от крабов – деликатеса, который обожал всегда.

Стена исчезает

А когда мы начали есть, одна из стен многоугольного зала непостижимым образом исчезла, и вместо нее под звуки фанфар нашему взору открылась залитая огнями сцена. Из темноты на сцене проявился оркестр, который тут же ударил какую-то энергичную западную поп-музыку. Впрочем, тогда еще термин «поп-музыка» не был в ходу, говорили «эстрадная музыка». Подобная музыка не была для нас чем-то необычным, она широко исполнялась в Союзе. Но в Северной Корее, после того, как мы на протяжении десяти дней слышали только сладкозвучные и неторопливые народные мелодии, эти синкопические дискотечные

ритмы показались уже полным буржуазным упадничеством.

Ага, подумал я, так вот чем развлекает себя местная высшая элита, кормящая свой народ исключительно местным фольклором да революционными операми. Но это было еще не все. В какой-то момент платформа, на которой сидел оркестр, совершила поворот на 180 градусов и оркестр «уехал», а на сцену вырвалась группа танцовщиц. Платья у них были выше колен, что, по корейским меркам, граничило с неприличием, потому что, как я уже писал, обычный наряд девушек и женщин в этой стране достигал чуть ли не щиколоток. И вот эти девушки стали отплясывать какой-то ну совершенно не народный танец – с резкими и даже, я бы сказал, эротичными движениями, от которых по контрасту со всем виденным ранее у меня мурашки поползли по коже.

Правда, традиционный фокус с многократной сменой платьев был продемонстрирован и на этот раз, что внесло национальную ноту в подражание «разлагающемуся» Западу. Короче говоря, мы посмотрели концерт из числа тех, которыми, как можно предполагать, тешат себя высшие северокорейские руководители, да еще и в одном из бункеров, где они сохраняют себя в безопасности от происков американских империалистов. Я думаю, каждый из нас, переводчиков, осознавал, что такой опыт выпадает далеко не каждому.

Сегодня, когда я разговариваю с коллегам, побывавшими на Пхеньянском фестивале, они вспоминают эту поездку как не сравнимую ни с одной другой. И это несмотря на то, что большинство из них с тех пор ездили по многим странам на разных континентах и накопили огромный багаж впечатлений. Но воспоминания о нашем десятидневном пребывании в Северной Корее не меркнут перед другими. От одного коллеги в наши дни я услышал такую фразу: «Если бы се-

годня мне представился шанс повторить эту поездку, я бы отправился в нее даже бесплатно».

Отчасти причина была, конечно, в том, что мы были там в широком кругу коллег-синхронистов, среди которых было столько старых друзей и появилось столько новых. Но во многом яркость воспоминаний обязана и тому уникальному гостеприимству, с которым нас принимали, и осознанию того, что мы наяву побывали в оруэлловской антиутопии. В этой стране тоталитарный строй чувствуется кожей везде – ходишь ли ты по улице (где вдоль трассы автобусного маршрута через каждые двести метров выглядывают из кустов сотрудники безопасности в штатском), смотришь ли в окно (под которым на комсомольскую пятиминутку уселись в кружок на короточках сопровождающие тебя корейцы) или смеешься над клоунами в цирке (понимая при этом, что даже цирковой юмор у них – партийный).

А подсознательно тебя греет мысль, что ты, хоть и находишься в этой сюрреалистической антиутопии, наблюдаешь ее как экскурсант. Что ты-то сам в безопасности, что ты, в отличие от несчастных корейцев, вроде бы свободный человек, который через короткий срок вернется в свою страну, окрыленную идеалами перестройки и ускорения...

Техническая справка в заключение

Когда эта статья готовилась к печати, редакторы попросили меня обосновать написание сокращения инъяз через твердый знак – на фоне распространенной практики многих (хотя и, отмечу, далеко не всех) периодических изданий и некоторых словарей, подающих это слово в варианте «иняз».

Я являюсь убежденным сторонником использования твердого знака в сложносокращенных словах перед йотированными гласными. Сомневающимся в допустимости написания инъяз отсылаю к изданию: Словарь новых слов русского языка. Середина 50-х – середина 80-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб, 1995, где это слово дано в трех орфографических вариантах: инъяз, иняз и ин-яз.

Предпочтительность именно первого из этих трех вариантов прекрасно обосновал председатель Орфографической комиссии РАН В.В. Лопатин. Мне остается только привести цитату из его статьи «Русская орфография: задачи корректировки» («Новый Мир», 2001, №5):

«С позиций сегодняшнего дня напрашивается... предложение о расширении употребления разделительного ъ в тех случаях, где все еще «йотированность» гласного в середине слова никак не обозначается. Я имею в виду прежде всего сложносокращенные слова типа *Минюст, иняз, детясли, госязык, партячейка, спецеда*: ... предлагается писать *инъяз, Минъюст, спецьеда* и т. п. Все принятые до сих пор написания слов этой структуры неточно передают их звуковой состав, в них не хватает сигнала прочтения букв *е, ё, ю, я* как сочетаний «йота» с гласными, а таким сигналом в традиционно пишущихся слитно сложных и сложносокращенных словах может быть только разделительный ъ. Отсутствие его в подобных словах может тоже приводить к затруднениям в прочтении и понимании некоторых, довольно редких, сокращенных названий: такое, например, слово, как *облюст*, с ходу правильно и не прочтешь, не сразу догадаешься, что это областной отдел».

Политико-переводческий алфавит, или Сентиментальное путешествие в недавнее прошлое

Ведет А.П. Чужакин

“Gonna take a sentimental journey/
gonna set my heart at ease/ gonna take a
sentimental journey/ to renew old
memories¹”

Лица, события, явления XX–XXI вв.,
интересные не только переводчикам

А

A₁ – Адекватность перевода – цель коммуникации и средство для доказательства профессионализма переводящего. Циники-мужчины говорят: «Перевод как жена – если верна, то некрасива...», а женщины возражают: «Нет, как муж – если красив, то неверен». Но мы за полит- и лингвокорректность: «...и верен, и хорош собой» – в теории...

«Точный» перевод не обязательно адекватен: «Он в этом деле собаку съел» «He has eaten a **dog** in this case (!?)», напротив, отход и интерпретация (трансформация) оригинала могут быть единственно адекватным выходом: *shaggy dog English* indeed.

Адекватность зависит от ситуации, интенции говорящего и контекста. Вот, к примеру, надпись над дверью стерильной процедурной мединститута: *Quo vadis, infessia?* Ниже перевод: Куда прешь, зараза? Уж куда адекватнее в этой ситуации! (Кстати “*Quo vadis*” – «Камо грядеши?», роман Г.Сенкевича стоит прочитать.)

¹ US big band standard of the 30s, sung by Ringo Starr. (Beauooups of Blues.)

A₂ – Абхазия. Февраль 1999 г. Международная конференция «Чечня: невыученные уроки» в здании ИТАР ТАСС. Синхронный перевод обеспечивают: пульт, радиомикрофон и наушники, ширма и стол, за которым прямо в зале сидят двое переводчиков. Минусы такой легкой и дешевой передвижной системы: нет кабин и ширм, духота, покашливание, хождения, etc. в зале – мешают сосредоточиться и сильно утомляют.

Синхрон был, собственно, затеян ради трех гостей: француза, американца и англичанина. Последний в своем кратком выступлении, произнесенном в бешеном темпе (регламент 5 минут, а хочется сказать побольше – серьезная дилемма для выступающих и головная боль для синхронистов), говорил о примирении в Северной Ирландии, о терроризме, региональных конфликтах на постсоветском пространстве, перечислив почти все: Приднестровье, Нагорный Карабах, резню армян в Баку, события в Фергане, инцидент в Вильнюсе, а также Абхазию.

Я сильно отставал, просто не успевая артикулировать более длинные русские слова и складывая громоздкие конструкции родного языка, и, к тому же, уже подустал – выступление шло «под занавес» мероприятия. В этой скороговорке, чтобы успеть сказать главное, я выкинул из перевода пару «горячих точек» СНГ, в том числе Абхазию, сказав «и прочие конфликты» (и так слышат – ведь это топонимика).

Чтобы оценить пикантность ситуации, надо добавить, что у переднего края стола, где восседали мы, синхронисты, и стоял пульт с наушниками, перед самым началом семинара спиной к нам сели два хорошо одетых господина.

Ширма, которая должна была бы скрывать нас и хоть слегка снимать шумовой фон, стояла за нашими спинами, и мы находились на виду.

И вот, в ходе перевода боковым зрением я вижу, что при упоминании Абхазии эти двое заерзали, стали оборачиваться, шипеть и жестикулировать.

Оказалось, что это были посол Грузии (кстати, выпускник переводческого факультета МГПИИЯ им. М. Торева советских, естественно, времен) и советник посольства, приглашенные на семинар.

И тут посол просит слова и жалуется на необъективность освещения абхазо-грузинского конфликта в российских СМИ. В качестве иллюстрации со злорадным торжеством говорит: «...и даже сегодня, в синхронном переводе, было опущено упоминание об этом...!» Я это тоже спокойно перевожу, однако, извинившись, объясняю чисто технические причины казуса.

Позже, уже сняв наушники, я принес извинения и советнику посольства, еще раз объяснив ситуацию. Надо отметить, что посол принял извинения и даже произнес слова утешения.

Вывод: чтобы переводчику «не шили политику», следует трепетно относиться к прецизионной информации и пытаться проводить компрессию или генерализацию второстепенной информации, тренировать быстрый темп речи, особенно в синхронном переводе, а также при необходимости не стесняться извиниться и объяснить причины накладок – ведь понять значит простить.

Аз – Андропов Юрий Владимирович – по мнению многих, the best of the worst leaders in Soviet times. Первая встреча с Ю.В. была забавной. Как-то в субботу я приехал на работу разобрать бумаги в сей-

фе и сдать в Секретариат документы ОП (особая папка) и с грифом «секретно» перед отъездом в отпуск в Цахкадзор (горнолыжный курорт в Советской Армении).

Одетый в куртку и джинсы, я вошел в вестибюль, нажал на кнопку вызова лифта для простых смертных и стал ждать. Рядом располагался спецлифт с ключом для «вождей» и высокопоставленных гостей.

И вдруг я почувствовал спиной какое-то напряжение, наэлектризованность в воздухе. Обернувшись, увидел застывших по стойке «смирно» двух охранников при входе, с которыми я пять секунд назад мило поболтал, еще четверых парней с неприметными лицами в серых пальто и идущего прямо на меня Андропова. Он был в очках, драповом пальто и при шляпе, с ироничной доброй улыбкой на лице. Из-за очков выпукло виднелись голубоватые глаза с хитроватым, но добродушным прищуром.

Между тем охранник уже открывал ключом VIP-лифт, и Юрий Владимирович ласково сказал, делая приглашающий жест рукой:

– Прошу, лифт подан.

– Спасибо... – ответил я, но, увидев стальной взгляд охранника и мгновенно возникшую невидимую, но непреодолимую преграду, добавил: – но вот я без вицмундира сегодня... Как-то неудобно, Юрий Владимирович...

– Ха-ха-ха, – заразительно и добродушно рассмеялся он, кивнул и, потрепав меня по плечу, исчез в светлом проеме кабины.

Охрана проскользнула за ним, один из них подмигнул мне одобрительно. Только что назначенный Секретарем ЦК, Андропов, очевидно, тоже приехал в субботу утром разобратся с делами.

В другие разы, в официальной обстановке в Кремле, «продолжить» столь приятно завязавшееся знакомство, конечно, не удалось, впрочем, буквально на глазах, Генсек старел, улыбка исчезла, и глаза становились все печальнее, он исхудал и стал похож на старую мудрую

сову. В следующий раз мне пришлось увидеть его бледное, умиротворенное лицо при официальном прощании в Колонном зале, среди моря цветов, под звуки реквиема Верди.

А₄ – *Антонимический перевод* (АП) – элегантное и часто неожиданное, но абсолютно адекватное решение переводческой проблемы. АП бывает:

– АП₁ единственно возможным (объективным) в устойчивых сочетаниях;

– АП₂ вариативным (субъективным), зависимым от контекста и мастерства переводчика, чутья языка и стиля, опыта, работы.

АП – адекватный вид лексико-грамматической трансформации. АП₁ скорее применим при устном переводе, когда особенно важно знать соответствующие аналоги/эквиваленты: Hang on! – Не вешайте трубку. Authorized personnel only – Посторонним вход воспрещен (Входа нет).

АП₂ часто требует обдумывания, тщательного выбора комбинаций и вариативности и, соответственно, скорее применим в письменном переводе.

А₅ «*Арамис*» – не герой Дюма, не одетый, а прозвище преподавателя научного коммунизма и истории КПСС, старого большевика Армаиса Константиновича С. Прославился тем, что сдать экзамен можно было лишь будучи «пролетарского происхождения», плохо и бедно одетым, но отнюдь не за знания. Иначе хорошая оценка не светила. Сам «Арамис» всегда ходил в грязном кителе «а-ля Сталин», с немытыми длинными и всклокоченными волосами. Хорошо одетые студенты и студентки, причесанные по моде, с накрашенными губками, разбегались при виде этого чучела кто куда... «Арамис» пугал инязовских детей где-то с 1940-х до 1980-х годов на престижном переводческом факультете.

А₆ – *Африканский национальный конгресс* (АНК) Южной Африки – правящая партия в ЮАР, пришедшая к власти после длительной, тяжелой борьбы против режима апартеида. СССР оказывал АНК

всестороннюю помощь и поддержку: политическую, дипломатическую, экономическую и военно-техническую, в области разведки, проведения особых операций и диверсионно-подрывной работы, спецподготовки кадров. Это обучение проходило в военно-полевых центрах СССР «Мары», «Перевальный» (Крым), где работало много начинающих переводчиков из военного института и МГПИИЯ. But this is another story...

Судьба распорядилась так, что автору этих строк посчастливилось работать с лидерами АНК и компартии ЮАР, легендарными борцами за национальное освобождение, в том числе *Джо Слово*, *О. Тамбо*, *А. Нзо*, *К. Хани*, нынешним президентом ЮАР, соратником Н.Манделы Табо Мбеки и многими другими.

СССР, как и весь мир (прежде всего Скандинавия), предоставлял огромную помощь освободительному движению – факт, признанный на Западе и высоко ценимый южноафриканцами, которые до сих пор испытывают признательность тем, кто в трудные годы был рядом. И этим мы все вправе гордиться.

Памятный эпизод. Весна 1990 г. Ситуация в ЮАР напряжена, и вот-вот власти пойдут на отмену запрета АНК и освобождение Н.Манделы.

Генсек АНК А.Нзо и генсек компартии Джо Слово срочно прилетают в Москву из Замбии и ведут переговоры с руководством КПСС и Минобороны о координации действий и грядущих переманах в Южной Африке. Однако Горбачев, у которого проблемы внутри страны растут как снежный ком, мотается по западным странам, «выпрашивая», как с горечью говорят друзья из МИДа, «помощь, кредиты, все, что можно». (Цену этих уступок и спешки мы пожинаем до сих пор.) Короче, ему не до ЮАР и Африки вообще... Соответственно, *друзья* уезжают не вполне довольными – в переговорах «прошел намек» на сокращение и даже прекращение помощи, в том числе финансовой, – советская экономика трещит по швам.

Итак, судьбоносные новости ожидаются из ЮАР с часу на час (мобильной связи и ноутбуков, представьте себе, пока нет!), а уезжать надо, но куда – в Замбию или прямо в Йоханнесбург? Каковы последние новости? Что происходит?

И вот утром мы сидим в полупустом депутатском зале Шереметьева, попивая чай и кофе в элегантно-сумрачном интерьере золотисто-коричневых тонов. Разговор не очень клеится, Слово и Нзо заняты своими мыслями. До посадки остается буквально 10 минут, когда в зал врывается корреспондент газеты «Гардиан» Джонатан Бин, чудом прорвавшийся сквозь охрану, потрясая обрывком телетайпной ленты. Он кричит на бегу: “Congratulations, you are unbanned!” (Запрет снят), бросается к Слово, затем к Нзо, обнимает и тискает в объятиях. Немая сцена перерастает в радостный шум, обмен поздравлениями, рукопожатиями и пожеланиями. Светлеет в зале от выглянувшего из-за туч солнца, светлеют лица, горят глаза. Свершилось...

Появившийся сотрудник протокола вынужден прервать ликование, приглашая на посадку. И вот они идут, уже расправив плечи, уверенно, как свободные люди освободившейся страны, как победители: впереди триумф на выборах в апреле 1994 года. Их ждет еще много испытаний, борьба и компромиссы, достижения и неудачи. Свобода от апартеида обернулась новыми проблемами для новой власти; в том числе и пандемия СПИДа, разгул преступности. (Мы теперь тоже знаем, как высока цена демократии и свободы.) Позади — годы борьбы не на жизнь, а на смерть, трудные переговоры, увлекательные поездки, открытые заявления и закрытые встречи, дебаты в ООН и подпольные операции, тайные миссии и огромная неблагодарная работа, о которой уже можно говорить открыто. Но об этом калейдоскопе событий, лиц и мыслей – в других Буквицах алфавита XX века.

В следующем номере:
Буквица Б, Бука: — Брежнев: дело и слово; жизнь и смерть...
и мн. др.

Фото из архива Чужакина А.П.
(Публикуются впервые)

Известный португальский поэт О. да Кошта встречается с творческой интеллигенцией Литвы. Вильнюс. 1978

Делегация молодых конгрессменов США в музее. г. Москва. 1973

О «Политике и крылатике» (Мысли, не уместившиеся в предисловии)

Т.П. Клюкина, М.Ю. Клюкина-Витюк, В.К. Ланчиков

В прошлом номере «Мостов» П.Р. Палажченко в своей статье упомянул о готовившемся к выпуску словаре «Политика и крылатика». Мы, составители этого словаря, действительно рассказывали Павлу Руслановичу о нашей работе, показывали отдельные статьи, но всего корпуса словаря он не видел. И вот совпадение: из 10 высказываний англоязычных политиков, приведённых в его статье, десять включены в словарь.

Совпадение, разумеется, не случайное. Мы, как и Павел Русланович, руководствовались прежде всего частотностью употребления этих выражений. И то, что наши с ним наблюдения совпали, лишний раз показывает: отобранный материал в самом деле заслуживал того, чтобы оказаться в словаре.

Как отмечается в предисловии к словарю, в него вошли три группы единиц: 1) выражения, в полной мере принадлежащие к разряду крылатых слов: *the wind of change, splendid isolation, civil disobedience, arrogance of power, affluent society* и др.; 2) афоризмы, значительная часть которых известна далеко за пределами стран, где они родились: *Power tends to corrupt, and absolute power corrupts absolutely* – *Власть имеет свойство развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно.* (Д. Эктон), *Treason doth never prosper; what's the reason?/ For if it prosper, none dare call it treason* – *Мятеж не может кончиться удачей, – /В противном случае его*

зовут иначе (Дж. Харингтон – кое-кто склонен приписывать авторство этого выражения его переводчику – С.Я. Маршаку) и др.; 3) менее известные цитаты, которые, на взгляд составителей, помогают лучше понять отношение носителей английского языка к своим государственным и общественным институтам, отражают национальную психологию, культуру и мировоззрение.

Имеет ли смысл рассматривать первую и вторую группу как разные категории, вопрос дискуссионный: мы понимаем, что такое разделение может вызвать возражения у некоторых лексикологов и лексикографов. Но это спор скорее академический, нам же хотелось бы обратить внимание на практическую сторону.

Практика же перевода показывает, что если не разглядеть в переводимом тексте скрытую цитату или «крылатое выражение», это может привести к искажению смысла высказывания либо к утрате экспрессивности.

Возьмём, к примеру, отрывок из статьи, опубликованной в газете “The New York Times” (6 декабря 1997 г.):

“Here’s what’s back-page news in Russia: The pilots of a helicopter based in Yessentuki, in southern Russia, had not been paid for so many months that on Nov. 22 they flew their chopper to a secluded spot and hid it. They said they would only return it when they received their back pay. No hum. Dog bites man”.

Смысл последней фразы может показаться загадочным, если не обратиться к её источнику — изречению американского журналиста Дж.Богарта (впервые приведённого в книге Ф. О’Брайена «История газеты “Нью-Йорк сан”» — “The Story of the Sun”, 1918): “When a dog bites a man, that is not news, because it happens so often. But if a man bites a dog, that is news”. С оглядкой на это объяснение фразу можно перевести так: «Ничего себе второстепенная новость!»

Или — совсем недавний пример (газета “The International Herald Tribune,” 27 января 2004 г.): “The political philosophy these two men [candidates J. Kerry and J. Edwards] have embraced is lopsidedly leftist: In this campaign, they have clawed their way up the greasy pole of politics with a pitch that is sure populism. Both men have risen high in democratic polls with a brand of class resentment and soak-the-rich rhetoric rooted in the old-fashioned liberalism of Ted Kennedy.” (I.H.T., Jan. 27, 04)

Выделенные выражения тоже относятся к разряду «крылатых». Первое из них — видоизменённое высказывание премьер-министра Великобритании Б. Дизраэли. После своего избрания на этот пост в 1868 г. он заметил: “I have climbed to the top of the greasy pole.” С тех пор *greasy pole* — *столб, смазанный салом* (распространённая ярмарочная забава) стал устойчивым метафорическим обозначением политической карьеры — обозначением, понятно, не слишком почтительным.

Создатель второго выражения — американский журналист и писатель Х. Брун, в своё время заявивший: “Any reasonable system of taxation should be based on the slogan ‘Soak the Rich’”. Этот лозунг («Тряхните богатых») подхватил мэр Нью-Йорка Ф. Лагуардия, который в 1932 г., выступая в Палате представителей против нового закона о налогах, изложил свою позицию так: “I am simply going to say, ‘Soak the rich’”.

А вот пример из газеты “The Times”

(21 октября 2002 г.): “For several years the Archbishop [of York] has openly spoken of the ‘dull, pedestrian, committee-speak and committee-bound utilitarian view of the Church’, issue-driven, with a managerial style and stifled with expensive bureaucracy. And nowhere is this more evident than at the level of episcopate. Never before in recent history of the Church of England have there been so many bishops per capita for so few folks in the pews, served by so few clergy”.

В последнем предложении язвительно обыгрывается знаменитый отзыв У. Черчилля о мастерстве и отваге британских лётчиков, проявленных в битве за Британию: “Never in the field of human conflict was so much owned by so many to so few.” И если не учесть этого исходного выражения (вместе с обстоятельствами, в которых оно прозвучало), недолго упустить из виду — а, следовательно, не отразить в переводе — той издёвки, которую заключает в себе журналистская оценка положения в Англиканской церкви.

Зато в следующем отрывке (журнал “Economist,” 2 октября 1999 г.) это же выражение придаёт всему высказыванию зловещий оттенок: “Never before in the annals of human history has so much harm been done to so many, with so little remorse. Such has been the toll of the past 50 years of Communist rule in China, being celebrated in Beijing on October 1st, that even its harshest critics must wish the People’s Republic a future better by far than its bloody and turbulent past”.

Знакомство с подобными выражениями помогает не только в переводе с английского языка на русский, но и с русского на английский. В 1999 г. тот же журнал “Economist” напечатал статью, где приводилась цитата из выступления М.С. Горбачёва — в переводе, разумеется. В ней использовалось выражение *law-based state* — *правовое государство*. При таком переводе складывается впечатление, что это не то авторский неологизм М.С. Горбачёва, не то некая российская политическая реалья, которую иначе,

чем буквально, не переведёшь. Вообще-то кое-кто склонен так это выражение и трактовать: государство никаким другим, кроме как «правовым», и быть не может, иначе это не государство, и необходимость такого уточнения — это-де следствие нашей политической «нецивилизованности».

Прежде всего, отметим, что выражение «правовое государство» возникло задолго до Перестройки. Ещё в пору революции 1905 г. оно стало столь расхожим, что В.Я. Брюсов с раздражением писал: «*Правовое государство — административный произвол...* Когда я ещё раз слышу эти слова, я испытываю жадное желание спустить говорящего с ближайшей лестницы».

Если же поискать сходное по смыслу выражение из англоязычной политической фразеологии, можно вспомнить известное высказывание второго президента США Дж. Адамса, содержащееся в написанной им преамбуле к Конституции штата Массачусетс (1778 г.): “In the government of the Commonwealth of Massachusetts the legislative, executive and judicial power shall be placed in separate departments, to the end that it might be a government of laws, not of men.” — «В правительстве штата Массачусетс законодательная, исполнительная и судебная власти разделяются и существуют как три отдельные ветви с той целью, чтобы правила законы, а не люди».

Случаи использования и обыгрывания этого выражения тоже нашли место в словаре. Например, высказывание президента Дж. Форда, прозвучавшее в 1974 г. на церемонии принесения им президентской присяги. Говоря о положении в стране после Уотергейтского скандала, Форд объявил: “Our long national nightmare is over. Our Constitution works; our great Republic is a Government of laws and not of men” — «Кошмар, который долго царил в нашей стране, остался позади. Наша конституция действует, наша великая ре-

спублика управляется законами, а не людьми». Или — фраза американского политика У. Филиппса (1852): “We live under a government of men and morning newspapers” — «Нашей жизнью управляют люди и утренние газеты».

Мог бы воспользоваться этим выражением и автор статьи из журнала “Economist”. И тогда англоязычные читатели вместо диковато-экзотичной кальки law-based state увидели бы более знакомое и понятное government of laws, not of men.

Этот пример (выявление смысловой тождественности внешне несходных русского и английского выражений) показывает, что по возможностям использования словарь оказался шире, чем то, что задумывалось первоначально («справочник-пособие»). Вернее, справочник и пособие получились не только для изучающих английский язык и переводчиков, но и для тех, кого интересует политическая история и понятийный аппарат политики англоязычных стран и различные аспекты их идеологии. Собственно говоря, и тематический спектр получился шире намеченного: ведь политики известны своими суждениями не только о политике, так что попали в словарь и высказывания, касающиеся науки, образования, спорта, литературы и пр.:

“To see some of our best-educated boys spending the afternoon knocking each other down, while thousands cheer them on, hardly gives a picture of a peaceloving nation” — «Когда наши юноши, получившие лучшее образование, посвящают время тому, чтобы сбивать друг друга с ног, а тысячи других их подбадривают, вряд ли это зрелище говорит о миролюбии нации». (Президент Л. Джонсон об американском футболе.)

“No one would remember the Good Samaritan if he'd only had good intentions. He had money as well” — «О библейском добром самарянине никто и не вспомнил бы, если бы у него были одни только добрые намерения. Но у него были ещё и

деньги». (М. Тэтчер.)

“When power leads a man toward arrogance, poetry reminds him of his limitations. When power narrows the areas of man's concern, poetry reminds him of the richness and diversity of his existence. When power corrupts, poetry cleanses” — «Власть развивает в человеке высокомерие — поэзия напоминает ему о его несовершенстве. Власть ограничивает круг занимающих его вопросов — поэзия напоминает о богатстве и разнообразии его бытия. Власть развращает — поэзия очищает». (Дж. Ф. Кеннеди.)

Интересно, что в черновом варианте речи, откуда взят этот фрагмент (выступление в колледже Амхерста на церемонии присвоения библиотеке имени Роберта Фроста, 1963 г.), последняя фраза звучала иначе: “When power intoxicates, poetry restores sobriety”. Но Кеннеди поправил текст, написанный для него А. Шлезинджером, заменив эту фразу на приведённую выше — и в таком виде она и вошла во многие англоязычные словари цитат. (Мы очень признательны М. Берди, которая познакомила нас с черновиком этого выступления и высказала тонкие и ценные соображения, касающиеся некоторых статей словаря.)

С другой стороны, о политике высказывались не только политики, поэтому и первоначальный список авторов в ходе работы пришлось несколько расширить. Разве могли мы обойти вниманием философов (Т. Гоббс, Дж. Локк, Р.У. Эмерсон), историков (Э. Гиббон, А.Эктон, Дж. Тревельян), журналистов (Р. Бейкер, Г.Л. Менкен, У. Роджерс), предпринимателей (А. Нортклиф, А. Сульцберг, Г. Форд), чьи высказывания о политике, экономике, образовании, истории дорогого стоят? Пришлось включить людей таких, казалось бы, далёких от политики профессий, как знаменитый футбольный тренер Винсент Ломбарди: его афоризм “Winning is not the most important thing about football — it's

the only thing” («В футболе победа — это не просто главное. Это самое главное») нередко цитируют и политики. Правда, без упоминания футбола: “Winning isn't everything; it's the only thing”.

Повторим ещё раз то, что уже писали в предисловии к словарю: «Составители с благодарностью примут все замечания, пожелания и отзывы и надеются, что материалы пособия пригодятся всем любителям английского языка, придется по душе любителям афоризмов, а заодно порадуют любителей хорошей, умной шутки, ценящим отточенность формы и глубину содержания».

Об авторах

Бабков Владимир Олегович – выпускник МФТИ. Мастер художественного перевода.

Мишель Берди – письменный и устный переводчик, специалист по межкультурной коммуникации, автор рубрики “Word’s Worth” в газете “Moscow Times”.

Линн Виссон – американка русского происхождения, синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН. Училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и Америкой, автор целого ряда книг и статей, посвященных сравнительному изучению культуры Америки и России.

Грабовский Владимир Николаевич – выпускник МГИМО МИД РФ. Работал на дипломатических должностях в посольствах СССР в Японии и Сингапуре, а также в центральном аппарате МИД СССР. В 1988 году создал первое в СССР частное переводческое учреждение – Кооперативное бюро переводов «Инлингва», впоследствии преобразованное в Бюро переводов «Фонетикс». Генеральный директор Бюро переводов «Фонетикс». Член правления Союза переводчиков России.

Ермолович Дмитрий Иванович – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Известный синхронист и письменный переводчик с большим опытом работы в международных организациях. Автор многочисленных научных работ по лингвистике и теории перевода, ряда учебных пособий и словарей.

Климзо Борис Николаевич – инженер-энергетик и лингвист, многие годы посвятил изучению английского языка научно-технической литературы. Автор многих статей, а также автор-составитель большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2). Однако, занимаясь лингвистическими изысканиями, автор никогда не прерывал практической деятельности по переводу и редактированию.

Клюкина Татьяна Петровна – выпускник МГПИИЯ им. М. Тореца. Доцент кафедры английского языка в ВКИЯ МИД РФ, автор ряда учебных пособий и словарей. Имеет большой опыт работы в качестве устного и письменного переводчика.

Клюкина-Витюк Марина Юрьевна – выпускник филфака МГУ, филолог-русист, специалист по межкультурной коммуникации и международным отношениям, специалист по вопросам консульской службы. В настоящее время – сотрудник дипломатической службы МИД России за рубежом. Автор ряда исследований, статей, словарей.

Ланчиков Виктор Константинович – выпускник переводческого факультета МГПИИЯ им. М.Тореца. Преподает на кафедре перевода английского языка МГЛУ. Кандидат филологических наук, профессор. Автор ряда теоретических работ. Мастер художественного перевода.

Ларина Татьяна виковровна – доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов. Защитила докторскую диссертацию на тему «Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации». Автор многочисленных публикаций.

Палажченко Павел Русланович – выпускник МГПИИЯ им. М.Тореца, многолетний сотрудник ООН, дипломат, журналист, переводчик М.Горбачева и Э.Шеварднадзе, автор ряда книг и словарей.

Рецкер Яков Иосифович (1897–1984) – выдающийся советский лингвист, переводчик и лексикограф, классик науки о переводе. Много лет он преподавал теорию и практику перевода с английского и других языков сначала в Институте военных переводчиков, а впоследствии – в Московском институте иностранных языков имени М. Тореца (ныне МГЛУ).

Шахова Наталья Гелиевна – переводчик, кандидат физико-математических наук, руководитель агентства переводов EnRuss (www.enrus.ru), специализирующегося на переводах компьютерной тематики. Автор многих публикаций, посвященных переводу.

Чужакин Андрей Павлович – выпускник МГПИИЯ им. М.Тореца и Академии общественных наук, консультант ряда политических и финансовых структур. Преподает в МГЛУ, автор учебной серии «Мир перевода», в течение продолжительного периода активно разрабатывает одну из актуальных тем устного перевода – переводческую скоропись.